

ТА
Л
Е
Р
Г
О
Ф
С
К
І
Й

А
Л
Ь
М
А
Н
А
Ж
Ь

1930

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.
ТА
Л
Е
Р
Г
О
Ф
Ь
Ч
А
С
Т
Ь
П
Е
Р
В
А
Я.

ТАЛЕРГОФСКИЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-руссимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 г. г.

Выпускъ третій.

ТАЛЕРГОФЪ

Часть первая

== ЛЬВОВЪ, 1930. ==

Изданіе „Талергофскаго Комитета“.

Типографія Ставропигійскаго Института подь управленіемъ Мирона Мадана.

ПЕРЕПЕЧАТКА ВОСПРЕЩЕНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ВЫПУСКУ.

Осенью 1928 г., 31-го октября, состоялся во Львовѣ грандіозный Талергофскій Сѣздъ: всенародная поминальная манифестація Галицкой Руси, посвященная памяти уже погибшихъ многихъ жертвъ австрійскаго военнаго и довоеннаго террора, нѣсколькочлѣнныхъ узниковъ Талергофа, Терезина и др. австро-венгерскихъ тюремъ и концентраціонныхъ лагерей, и чествованію немногихъ изъ нихъ оставшихся еще въ живыхъ.

Въ Сѣздѣ приняло участіе нѣскольکو тысячъ человѣкъ, представителей всѣхъ уголковъ Галицкой Руси, какъ интеллигенція, такъ и крестьянства, были также делегаты Закарпатской Руси и предстазители Волины и др. русскихъ земель въ Польшѣ.

Программа, содержаніе и ходъ торжествъ Сѣзда, постановленія и резолюціи его, представлены въ вышедшихъ послѣ него н-рахъ галицко-русской печати (газ. „Русскій Голосъ“, „Земля і Воля“, „Наука“ О-ва им. М. Качковского) и русской заграничной. Въ числѣ цѣлага ряда вынесенныхъ постановленій Сѣзда, обсуждено и принято было и то, что слѣдуетъ, пока еще не поздно, повести и усилить собраніе матеріаловъ для исторіи мученичества галицко-русскаго народа до и во время всемірной войны за свою національную русскую идею, народность и вѣру, и продолжать изданіе Талергофскаго Альманаха, первые два выпуска котораго уже напечатаны — первый въ 1924 г., второй въ 1925 г.

Сѣздомъ былъ избранъ особый, постоянно дѣйствующій исполнительный органъ — Талергофскій Комитетъ, который, послѣ своего устроенія, явился и принялся за работу въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдатель: сов. суда Антонъ Осиповичъ Гулла.

I. Тов. предсѣд.: Зиновій Михайловичъ Медицинскій.

II. „ „ Стефанія Ивановна Куинская.

I. Секретарь: д-ръ Василій Романовичъ Вапріакъ.

II. „ „ студ. унив. Романъ Григорьевичъ Максимовичъ.

Члены: сов. суда Николай Григорьевичъ Третьякъ.

„ д-ръ Юліанъ Семеновичъ Заяць.

„ Лука Константиновичъ Старицкій (изъ Звесеня).

„ свящ. о. Романъ Чайковскій (изъ Батятичъ).

„ „ о. Іоаннъ Билинkevичъ (изъ Грибовичъ).

Воспользовавшись предоставленным при выборѣ правомъ кооптаціи, Комитетъ включить въ свой составъ и рядъ другихъ лицъ, редакцію же Талергофскаго Альманаха поручилъ С. Ю. Вендасюку.

Свои засѣданія устриваетъ Комитетъ часто (обычно разъ въ недѣлю или разъ въ 2 недѣли) и сообщенія о ходѣ его работъ помѣщались въ гал.-рус. печати. Комитетъ обращался въ своихъ заявленіяхъ и воззваніяхъ къ гал.-рус. общественности, и особенно къ бывшимъ узникамъ Талергофа, Терезина и др. мѣстъ заключенія, съ просьбой присылать записки и вообще матеріалы къ исторіи преслѣдованій и гоненій гал.-рус. народа въ б. Австро-Венгріи, для помѣщенія въ его Альманахѣ. Многіе откликнулись присылкой записокъ своихъ или же своихъ близкихъ, родныхъ и знакомыхъ. Крімъ этого, Комитетомъ ведутся и пополняются возможно самые точные списки пострадавшихъ.

Въ подлежащемъ выпускѣ помѣщены матеріалы, частью раньше уже полученные, но еще не использованные, частью же полученные въ послѣднее время.

Весь выпускъ посвященъ и отведенъ матеріаламъ, относящимся исключительно только къ Талергофу, и появляется теперь какъ первая часть ихъ, за которой послѣдуютъ дальнѣйшія, съ заключительнымъ оглавленіемъ всѣхъ частей.

Помѣщается же въ этихъ частяхъ Альманаха не исторія Талергофа, а только сырые матеріалы для будущей исторіи его, именно человѣческіе документы и памятники Талергофской Голгофы галицко-русскаго народа, въ такомъ видѣ, въ какомъ получены, съ незначительными только языковыми, орфографическими и др. грамматическими поправками. Неизбѣжно притомъ вкрадывающіяся неточности, ошибки, пропуски и др. под. недостатки, вполнѣ окутаются цѣнностью и вѣрностью помѣщаемаго матеріала.

Подлинники документовъ обыкновенно, и въ частности по требованію, возвращаются, послѣ использования, приславшимъ ихъ авторамъ и вообще собственникамъ, или же ихъ роднымъ и знакомымъ, причемъ высказывается просьба объ указаніи возможныхъ неточностей и ошибокъ и представленіи поправокъ и дополненій. Полученныя до сихъ поръ такыя поправки и дополненія къ предыдущимъ (I и II) выпускамъ тщательно слѣжаются и проверяются и будутъ вполнѣ исполнены также помѣщены.

Изданіе Альманаха влечетъ за собой громадныя расходы, за отсутствіемъ же и совершенной невозможностью полученія какихъ бы ни было постороннихъ средствъ на ихъ покрытие, эти расходы покрываются исключительно только сборами пожертвованій, и потому продолженіе, расширеніе и улучшеніе и даже темпъ изданія зависятъ лишь отъ отзывчивости и жертвенной щедрости галицко-русской общественности, которая — вѣримъ и уповаемъ — не пожалѣетъ трудовъ, стараній и средствъ, чтобы оно, какъ народный памятникъ, было ея достойно.

Въ заключеніе остается только высказать глубокую благодарность всѣмъ тѣмъ, кто нравственно и матеріально поддерживаютъ его, и искреннюю признательность тѣмъ, кто лично и непосредственно участвуютъ въ немъ, какъ присылкой матеріаловъ, такъ и сотрудничествомъ въ ихъ помѣщеніи.

Львовъ мартъ м., 1930 г.

Жизнь въ Талергофѣ.

Сообщеніе Ил. С. Гоновскаго изъ Станиславова.

Въ Талергофѣ очутились мы 4 сентября. Послѣ опредѣленія мѣста нашему транспорту въ чистомъ полѣ, конвойные назначили кольями предѣльные границы, въ которыхъ мы должны были оставаться до дальнѣйшаго распоряженія. Караулившіе арестованныхъ солдаты 27 градецкаго полка срывали пуговицы и кокарды съ чиновниковъ, находившихся среди арестованныхъ. Не обошлось тутъ и безъ трагикомедій. Пуговицы съ двуглавымъ австрійскимъ орломъ, крѣпко пришитыя къ мундиру, никакъ не отрывались. Озлобленные солдаты тянули тогда арестованнаго за собой, держа его за пуговицу до тѣхъ поръ, пока таковая не оторвалась вмѣстѣ съ кускомъ мундира.

Я отдѣлался нѣсколькими молниеносными ударами въ лицо, полученными отъ тѣхъ-же солдатъ. Немного въ сторонѣ отъ расположившагося нашего эшелона было назначено мѣсто для естественныхъ потребностей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Женщины собирались туда по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, чтобы такимъ образомъ хоть отчасти, за отсутствіемъ огражденнаго прикрытія, удовлетворить чувство стыдливости. Въ такихъ случаяхъ солдаты всячески изводили женщинъ. Они умышленно сопровождали женщинъ въ отхожія мѣста и, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, позволяли себѣ неподдающіяся, печатанію выходки, приводившія женщинъ до

слезъ и истерики. Не-кому было пожаловаться, ибо начальникъ стражи, капитанъ нѣмецъ, былъ хуже своихъ подчиненныхъ.

Въ тотъ-же день закололи солдаты троихъ крестьянъ, не знавшихъ нѣмецкаго языка, за неисполненіе приказаній и тутъ же ихъ зарыли въ общую яму, положивъ на головы мѣшокъ наполненный пескомъ.

Вечеромъ опасно заболѣла моя дочь, не ѣвшая въ течение нѣсколькихъ дней, за отсутствіемъ казенной пищи, и собственныхъ средствъ. Благодаря д-ру Могильницкому, ее привели въ чувство. Затѣмъ мы прикрыли ее рясами священниковъ о. Григорія Процька и о. Луки Иванцева. Ночи въ Талергофѣ бываютъ въ сентябрѣ туманныя и холодныя, а дочь вывезли изъ дому въ одной лѣтней блузѣ.

На слѣдующій день вечеромъ поданъ былъ теплый супъ. За неимѣніемъ посуды каждый устраивался, какъ могъ. Кто подбиралъ лежащія пустыя бутылки и, отбивъ горлышко, пользовался ими вмѣсто котелка, другіе дѣлали углубленія въ кускахъ хлѣба и наливали туда казенную жидкость. Громадное большинство осталось безъ обѣда.

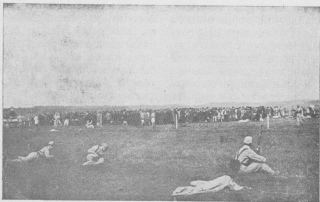
Черезъ день дочь опять упала безъ чувствъ вслѣдствіе голода и физическаго истощенія. Въ ту пору подѣхали къ нашему расположенію автомобили со стирійскимъ намѣстникомъ и его свитой. Пріѣхавшіе заинтересовались лежащей безъ памяти дочерью; въ особености одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій съ женой и дѣтьми, послѣ краткихъ переговоровъ съ намѣстникомъ и

комендантомъ лагеря велѣлъ отнести больную на кухню и напоить чорнымъ кофе, чтобы усилить дѣятельность сердца. Исполнили приказаніе два санитаря: Joseph Schöner, учитель изъ Ebendorf-a въ Каринтіи, и Joseph Podgorszek, желѣзнодорожникъ изъ Градца, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ. Когда дочь пришла въ себя спросила гуманнаго незнакомца, кому должна быть благодарна за челоуѣческое съ ней обращеніе. Спрошенный, не имѣя визитной карточки, написалъ карандашомъ на моей молитвенной книжкѣ: Graf Joseph Herberstein.

Съ тѣхъ поръ графъ Герберштейнъ и его супруга, по національности чешка, часто навѣдывались въ лагерь, расходуя громадныя средства для помощи арестованнымъ галичанамъ. Въ тотъ-же день еще графъ Герберштейнъ вторично пріѣхалъ изъ Градца въ лагерь и привезъ большой дочери подушку и ватное одѣяло, а графиня постоянно присылала молоко и продукты. По одѣялу получили также престарѣлый о. Дольницкій изъ Львова, д-ръ Могильницкій изъ Бучача, о. д-ръ Козаркевичъ изъ Буковины и еще одинъ православный священникъ. Часто графиня пріѣзжала со своими дѣтьми въ лагерь и привозила бѣлье для арестантскихъ дѣтей, а когда умерли двѣ заключенныхъ матери изъ Сянока, оставивъ въ лагерьѣ маленькихъ сиротъ, графиня Герберштейнъ кормила ихъ собственной грудью. Наконецъ дождались мы перевода съ поля въ бараки. Предварительно купали насъ въ лагерной банѣ, за-

ставляя раздваться на дворѣ и послѣ купели ждаты полчаса своей одежды, находившейся въ дезинфекціонномъ котлѣ. Многіе простудились, послѣдствіемъ чего явилась эпидемія сыпного тифа, уносившая ежедневно по 30—40 жертвъ. Графу запрещено прїѣзжать въ Талергофъ во избѣжаніе распространенія болѣзни въ лагеря. Такъ жили мы до мая мѣсяца 1915 г.

еще въ прошломъ году, о чемъ онъ не замедлил сообщить ей письменно еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Конечно сейчасъ-же нашлось и письмо, задержанное офицеромъ, завѣдующимъ талергофской почтой. Въ непродолжительное время дочь оставила лагерь, получивъ мѣсто гувернантки въ домѣ графа. Учила дѣтей русскому языку, а въ свободное время навѣщала меня и со-

Первые часы заключенія.

Къ пасхѣ послалъ я графу поздравительную телеграмму въ Градцъ отъ своего и дочери имени. На второй день праздниковъ позвали дочь къ телефону въ лагерной канцеляріи. Графъ сильно удивился, что она до сихъ поръ находится въ Талергофѣ, завѣривъ ее, что его стараніями она освобождена

дѣйствовала переписка заключенныхъ съ ихъ родными.

Въ 1917 году 27-е марта меня отпустили изъ Талергофа и поселили въ Gross Florian k. Deutschlandsberg въ Стіріи. Въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ долгихъ стараній, меня приняли обратно на железнодорожную службу.

Изъ дневника о. Григорія Макара.

(с. Минеральные Угорцы, Львѣскій уѣздъ.)

Талергофъ, небольшая мѣстность, передъ войной никому неизвѣстная, представляетъ же собой довольно широкую равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими Альпами. Эту мѣстность назначили австрійцы для русскихъ галичанъ, заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ.

Первый транспортъ въ составѣ 2000 человекъ обоего пола прибылъ сюда 4 сентября 1914 года изъ Львова. Четверо сутокъ держали людей подъ открытымъ небомъ, окруживъ узниковъ живымъ кольцомъ жандармовъ и солдатъ. Рядомъ съ гангарами, въ которыхъ размѣстили народъ, разбили большія палатки, служившія также помѣщеніемъ для интернированныхъ. Мѣста не хватало, было тѣсно. Уборная устроена была сзади помѣщений, на голомъ мѣстѣ, безъ всякаго прикрытія.

12-го сентября пріѣхалъ эшелонъ изъ Сянока, состоявшій изъ 150 человекъ, большей частью интеллигенціи. Съ ними пріѣхалъ и я съ моими прихожанами. Въ баракѣ, въ которомъ насъ помѣстили, находилось 30 человекъ изъ Царства Польскаго. Въ отхожее мѣсто ходили въ сопровожденіи стражника. Ложились спать въ три ряда: въ первомъ помѣщеніи находились старики и женщины, во второмъ молодежь, въ третьемъ крестьяне.

Утромъ велѣли итти на прогулку вокругъ помѣщенія. Первый разъ тутъ увидѣлъ покойника, котораго на носилкахъ, безъ гроба,

несли свои-же люди въ сопровожденіи двухъ караульныхъ на кладбище. По истеченіи двухъ недѣль студенты организовали хоръ. Сперва спѣли обѣдню безъ священника, а въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста разрѣшили власти устроить на дворѣ моленіе передъ крестомъ, сколоченнымъ изъ дерева. Послѣ моленія разрѣшено кое-кому съ средствами сходить въ лагерный буфетъ, опять таки подъ надзоромъ солдата. А новые эшелоны съ каждымъ днемъ прибывали въ Талергофъ. Приблизительно въ концѣ сентября я увидѣлъ между вновь прибывшими свѣжую партію своихъ прихожанъ, а именно: арестованную первоначально со мною и освобожденную въ Сяноктъ Скальчиху, Ивана Гриба, Михаила Биндаса, Юсіфа Устіановскаго, Марію Дикъ, съ дочкою Анною, и изъ дочеряго села Руденки Михаила Мельника, Юсіфа Ткача, Юсіфа Биковскаго, Ивана Ганчана, Михаила Присташа, Михаила Мацькова, Михаила Чернѣгу. Въ то время на-спѣхъ строили новые бараки съ сѣверо-восточной стороны талергофской долины. Въ продолженіи осени и зимы построено ихъ на пространствѣ 2 km. 80 штукъ, въ три ряда съ тремя промежуточными улочками. Два ряда назначили для здоровыхъ узниковъ и подъ кухни, а третій рядъ подъ лазареты. По серединѣ часовенка и два рестораника, а въ сторонѣ отдѣленія для заразныхъ и двѣ мертвецкія. Въ третьемъ ряду, по серединѣ, на-

ходилась большая баня съ дезинфекціоннымъ отдѣленіемъ. Позже построили рядомъ съ баней часовенку въ греческомъ стилѣ для православныхъ. На главной улицѣ построено два бассейна съ фонтанами, вездѣ вnutри бараконъ и по улицамъ проведено электрическое освѣщеніе и водопроводы, кромѣ того устроено нѣсколько колодезей и два ряда уборныхъ съ передѣлами изъ бетона. Собственно говоря, Талергофъ принялъ европейскій видъ въ началѣ 1916 года. Въ южной сторонѣ построено 30 бараконъ для охраны, съ пекарнями и канцеляріями.

Новыя встрѣчи.

5-го октября переведено 600 человекъ изъ гангаровъ въ палатки. Ночь была холодная, около 4 градусовъ ниже нуля. Здѣсь встрѣтился я со своими прихожанами изъ Руденки. Утромъ велѣли интеллигенціи идти въ баню. Раздѣвались на дворѣ, одежду отдавали въ дезинфекцію, а послѣ купели ждали на морозѣ выдачи одежды, послѣдствіемъ чего были массовыя заболевания. Послѣ бани намъ отвели мѣста въ баракѣ.

Было здѣсь 180 человекъ изъ интеллигенціи. Я помѣстился вмѣстѣ со своими школьными товарищами Феофиломъ Хомицкимъ и Михаиломъ Вербицкимъ, съ сыномъ, кончившимъ гимназію. Тутъ устроился довольно «комфортабельно» благодаря подушкѣ, присланной сыновьями изъ Терезина, гдѣ они находились также на правахъ интернированныхъ. Такимъ образомъ улучшилась моя постель. Имѣя шинель, пальто и подушку, можно было въ теплѣ

отдохнуть. Пища была незавидная, но выдавалась довольно правильно. Утромъ кминный супъ или чернѣй кофе, въ полдень кукурузная или перловая каша, вечеромъ кофе или чай съ хлѣбомъ.

Мои прихожане остались жить въ палаткахъ, только Мих. Лешага и Ив. Ганчакъ очутились между нами. Часто встрѣчался я съ Ив. Грибомъ и со Скальчихой. Поддерживали другъ друга надеждой. Получивъ по почтѣ нѣсколько коронъ отъ сына, обзавелся полотенцемъ и гребешкомъ, а когда г.г. Евстахій и Платонъ Калужняцкіе стали присылать ежемѣсячно по 10-20 коронъ, купилъ себѣ бѣлье. Безъ этой помощи пришлось бы погибать. Велѣ частую переписку съ сыновьями.

Въ концѣ октября прибыла новая партія интеллигенціи въ первый десятокъ бараконъ, а между ними четыре мои прихожанки: Анна Курбачичъ, Анна Лешага, Марія Биндакъ и Розалія Андрухова. Кромѣ того, два мои шурина священники Кирилло и Алек. Полянскій съ сыномъ Несторомъ и его женою и ребенкомъ. Свящ. Курилло перешелъ въ пятый баракъ къ своему шурину, свящ. Мохнацкому, а за нимъ потянулся и я и жилъ здѣсь до марта 1915 г.

Упомянутыя выше женщины арестованы послѣ перваго отступления русской арміи.

Внутренняя жизнь въ баракахъ.

Главнымъ несчастьемъ интернированныхъ были наскочныя. Тутъ разводилась особая порода вшей, назван. стирійскими. Было ихъ

невъроятное множество и борьба съ ними была главнымъ содержаніемъ нашей тюремной жизни. Со-лома мѣнялась очень рѣдко. Еще въ гангарахъ насѣкомыхъ соби-ралажды врачъ въ флакончикъ и отослалъ властямъ, какъ доказа-тельность невозможности жизнен-ныхъ условій въ Талергофѣ.

Насъ назначали на разныя ра-боты, н. пр. подметать улицы между бараками, собирать руками лоша-динный пометъ, при томъ не дѣла-лось малѣйшей разницы между ря-сой священника, сюртукомъ мір-ского интеллигента и сѣракомъ крестьянина. Въ Судный день сол-даты запрягли еврея къ черной работѣ. Наклали полную тачку муссора, на него посадили священ-ника В. Полянского и такимъ обра-зомъ, везъ еврей тачку. Обратнo свещ. В. Полянскій везъ еврея. Издѣвательствамъ не было конца, всѣхъ ихъ и не вспомнишь. Запре-щено курить и читать газеты. Скуку прогоняли истребленіемъ на-сѣкомыхъ, которыя кажется были главной причиной распространенія эпидеміи тифа.

Въ началѣ декабря перегнали весь народъ въ бараки второго и третьяго десятковъ. Въ одинъ хо-лодный день стража рѣшила, вы-мыть въ банѣ 500 человѣкъ, изъ которыхъ половина простудилась. Не смотря на болѣзнь, наряжали народъ на работы. Къ вечеру воз-вращались всѣ усталые и мокрые отъ переутомленія и такъ ложились спать, а подъ утро трудно уже бы-ло подняться съ постели. Эпидемія свирѣпствовала до конца марта 1915 года. Къ этому времени умер-

ло 1350 человѣкъ. Присмотра за больными не было, а въ баракахъ трудно было помѣстить больныхъ, ибо ежедневно заболѣвало 600-800 человѣкъ. Двое лагерныхъ врачей и третій интернированный д-ръ До-рекъ, заразившись, умерли. При-сланный военный врачъ, боясь заразы, лѣчилъ издали. Мой баракъ былъ изолированъ въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Нельзя было показаться во дворъ. Всѣ мои прихожане переболѣли, но всѣ вы-здоровѣли, за исключеніемъ четы-рехъ изъ села Руденки. За это время построено обширную баню, лазаретъ, аптеку, перестроено ба-раки, роздано новую одежду, одѣ-яла, дезинфицировано еженедѣльно всѣ наши вещи и такимъ образомъ постепенно эпидемія прекратилась. Въ эту зиму пищи было достаточно, но люди по болѣзни плохо кушали. Заплѣснѣвшій хлѣбъ бросали въ печьку.

Начало освобожденій.

Въ Талергофѣ было до 7000 человѣкъ интернированныхъ. Меж-ду ними были также украинофилы, поляки и евреи. Они попали сюда вопреки желанію австрійскихъ вла-стей, по ошибкѣ. Провидѣніе хо-тѣло, чтобы и украинофилы при-смотрѣлись тому же аду, который они совмѣстно съ австрійскими жан-дармами приготовили русскому на-роду. Украинская интеллигенція ста-ралась еще въ началѣ при содѣй-ствіи своихъ депутатовъ въ Вѣнѣ освободиться изъ Талергофа, что ей частично удалось, ибо уже въ ноябрѣ 1914 года выпущено многихъ изъ нихъ на волю. Однако эпидемія

прекратила дальнѣйшія освобожденія. Благонадежныхъ изъ интернированныхъ списывалъ украинофиль сваящ. Степанъ Макаръ. Кто попалъ въ его списокъ, надѣялся на освобожденіе. А попало въ него немало слабодушныхъ русскихъ, поселенныхъ послѣ освобожденія между мѣстными швабами. Такимъ образомъ освобождали въ Талергофѣ

можно было жить довольно прилично. Всѣ 120 коронъ расходовались на съѣстные продукты. Приходъ терезинцевъ оживилъ Талергофъ. Пополнился талергофскій хоръ, разсѣивавшій пѣніемъ скуку. Въ Талергофѣ было много интернированныхъ женщинъ и барышень. Теперь онъ былъ похожъ, особенно въ теплые дни, на курортъ.

У воротъ лагеря.

мѣсто для прибывающихъ изъ Терезина. Изъ моихъ прихожанъ освобождено всѣхъ женщинъ къ концу августа 1915 года.

Терезинскій транспортъ.

Въ первыхъ дняхъ мая 1915 года привезено изъ Терезина около 800 человекъ интеллигенціи и размѣщено въ баракахъ второго и третьяго десятка. Приѣхало также двое моихъ сыновей: Романъ, студентъ ветеринарнаго института, и Евстахій, студентъ-юристъ. Я зажилъ новой жизнью. На жалованье, получаемое мною съ марта мѣсяца,

Богомольный народъ вначалѣ устраивалъ общія моленія по баракамъ или на улицѣ подь бараками. Также по баракамъ исповѣдывали интернированные священники искавшихъ утѣшенія въ религіи и причащали умирающихъ. Больше всѣхъ положилъ трудовъ въ этомъ отношеніи о. Владиміръ Венгриновичъ, спѣшившій съ духовной помощью къ заразнымъ больнымъ и съ разрѣшенія властей сопровождавшій покойниковъ на мѣсто вѣчнаго покоя подь соснами. Если умеръ священникъ, тогда покойника клали подь баракомъ и, послѣ совершенія

обрядя іерейскаго погребенія, отправляли на кладбище. Хоръ изъ опредѣленнаго количества мірянъ сопровождалъ покойниковъ, иногда по билетамъ. Почти всѣ священники священодѣйствовали безъ ризъ, ибо ихъ вначалѣ не имѣлось. Когда лагерная администрація отдала интернированнымъ часовенку, назначено въ сентябрѣ 1915 настоятелемъ лагернаго прихода вольнаго священника о. Ярослава Карпяка. Священникамъ-узникамъ разрѣшалось священнодѣйствовать ежедневно съ 5 ч утра до 12 дня. Ставали къ обѣднѣ соборнѣ по три, а когда позже получились ризы, тогда и по восьми, дѣлая между собою сборъ на литур. вино и на оплату псаломщикамъ. По смерти о. Ярослава его мѣсто занялъ интернированный священникъ безъ права проповѣди. Иногда прѣѣзжалъ сюда грекъ-кат. священникъ изъ Вѣны.

Въ отсутствіе законнаго священника, т. е. послѣ смерти о. Карпяка, покойниковъ кропили священной водой подъ бараками, а затѣмъ уже безъ священника несли на кладбище.

Наборъ рекрутъ въ Талергофѣ.

Военныя власти назначили надзирателями для каждаго десятка бараковъ трехъ офицеровъ лейтенантовъ. Между ними былъ мазепинецъ Чировскій. Онъ слѣдилъ за поведеніемъ русскихъ людей, въ особенности студенческой молодежи. Онъ доложилъ военнымъ властямъ, что лагерное заключеніе является для молодежи благодѣяніемъ, а лучшимъ наказаніемъ для нея явится военная служба на по-

зиціи. Представленіе Чировскаго понравилось властямъ и въ іюлѣ 1915 г. устроили къ набору рекрутовъ. Взято на службу всѣхъ студентовъ и крестьянъ. Во время набора спрашивали каждаго, какой онъ національности. Каждый отвѣчалъ „Руссе“. До обѣда комиссія вовсе не обращала на это вниманія. Во время обѣда Чировскій по всей вѣроятности обратилъ вниманіе комиссії, что въ Галичинѣ нѣтъ „Руссен“ только „рутены“ или „украинцы“, потому одинъ изъ полковниковъ, членовъ комиссії, сказалъ во время продолжающагося набора: „in Galizien gibt's keine Russen“. Это не смутило студентовъ, они диктовали дальше: „Muttersprache russisch“. Это до того разозлило начальство, что оно распорядилось запретить въ „Einzelarest“ всѣхъ студентовъ, ставшихъ къ набору до обѣда, считая ихъ солидарность предумышленнымъ упорствомъ. Всѣхъ заперто 48 человекъ, между ними также моего сына Романа. Имъ угрожалъ военный судъ. Въ продолженіе мѣсяца удалось убѣдить все же „Militärkommando“ въ Градцѣ, что слово „ruthenisch“ искаженное выраженіе, имѣющее свое грамматическое начало въ словѣ „russisch“. Убѣждать военныя власти помогаль намъ офицеръ полякъ Осташевскій, надзиратель втораго десятка баракровъ.

Наконецъ выпустили студентовъ изъ ареста, подвѣсивъ предварительно каждаго за руки на два часа на деревѣ (т. зв. „anbinden“). На военную службу взяли ихъ 10 ноября 1915 года.

Новые транспорты из Галичины.

Послѣ отступленія русскихъ армій изъ Галичины, австрійскія власти арестовали, кромѣ русскихъ, также украинфиловъ, поляковъ и евреевъ, словомъ всѣхъ, кто находился въ соприкосновеніи съ русскими войсками. Пустыя мѣста въ Талергофѣ опять заполнились. Между новыми узниками нашелся ряный мазепинецъ изъ Лѣска, Габлинскій, который въ 1914 году сердечно радовался арестованію Угерчанъ. Изъ поляковъ было много бургомистровъ, студентовъ и чиновниковъ, которые во время оккупации Галичины служили въ разныхъ вѣдомствахъ.

Въ 1916 году число жителей каждаго барака не превышало 100 человекъ. Гигиеническія условія улучшились, каждый изъ узниковъ имѣлъ уже по два одѣяла. Въ двухъ рестораникахъ можно было получить провиантъ. Чиновникамъ, получавшимъ ежемѣсячно жалованье жилось не плохо, а безденежное крестьянство сильно бѣдствовало, особенно тѣ, кто изъ дому не получалъ малѣйшей помощи. Со временемъ запрещено ресторанамъ отпускать провианты узникамъ, приходилось доставать ихъ контрабанднымъ способомъ изъ Градца посредствомъ солдатъ и конфинированныхъ. Много въ этомъ дѣлѣ помогалъ г. Владиміръ Грабець, доставлявшій намъ продукты и передававшій наши письма на почту, за что былъ арестованъ впоследствии и долгое время оставался въ подслѣдственномъ заключеніи.

Казенный столъ состоялъ изъ пятой части военной хлѣбной пор-

ции на весь день. Утромъ получали отваръ изъ фасоли, въ полдень такой же отваръ изъ бураковъ иногда соленую рѣпу и кусокъ седетки, вечеромъ чай и два куска сахара. Узники теряли физическія силы, начали болѣть цынгой. Многие, спасаясь отъ голодной смерти, занимались попрошайничествомъ. Во время раздачи обѣда передъ бараками интеллигенціи собирались десятками крестьяне съ просьбой отступить свою порцію.

Многія семьи посылали изъ Галичины своимъ роднымъ въ Талергофѣ посылки со съѣстными припасами, которыя по пути портились или же, что часто случалось, пропадали.

Принудительныя работы.

Вначалѣ наряжали на работы исключительно интеллигенцію, въ особенности духовенство. Со временемъ, однако, интеллигенцію оставлено въ покоѣ и назначено ей ордонансовъ. На работы гоняли теперь крестьянъ безъ всякаго вознагражденія. Со временемъ раздѣлили ихъ на рабочія дружины землекоповъ, столяровъ, поваровъ, кучеровъ и т. п. и платили въ день по 20 геллеровъ, а начальникамъ дружинъ по 30 гел. Иногда къ ужину выдавалась рабочимъ прибавка изъ куска хлѣба или рыбы, больные же, которые не могли работать, были обречены на вѣрную смерть.

Въ 1916 г. была организована лагерная почта. Съ каждаго барака избрано одного разносчика писемъ, который со спискомъ жителей своего барака являлся ежедневно на сборный пунктъ всѣхъ лагерныхъ

почтальоновъ и получалъ корреспонденцію.

Ликвидация лагеря.

Въ мартѣ 1917 г. разошлась вѣсть, что насъ отпустить домой. Вначалѣ не вѣрилось. Когда однако въ наши руки попалъ императорскій рескриптъ отъ 8 марта 1917 г., мы убѣдились, что желаніемъ Карла I. было освободить всѣхъ интернированныхъ, ибо самъ фактъ интернированія являлся безправіемъ. Въ виду этого было поручено исполнительнымъ властямъ въ спѣшномъ порядкѣ рассмотреть всѣ дѣла заключенныхъ и разбить ихъ на партіи. Началась лихорадочная работа, которая ознаменовалась окончательнымъ освобожденіемъ интеллигенціи въ день 30 апрѣля 1917 г. Мая 2 го и 3-го дня освобождено 800 крестьянъ, а остальныхъ опредѣлили на поселеніе по группамъ. Въ первую вошли принудительно конфинированные съ

правомъ выбора мѣста жительства; во вторую вошли конфинированные съ правомъ жительства за предѣлами Галичины, а въ третью конфинированные съ правомъ возвращенія въ Галичину. Затѣмъ подѣлили узниковъ на т. зв. „bemittelt“ и „unbemittelt“, то есть со средствами и безъ средствъ. Послѣдніе перевозились на казенный счетъ, но отпускались на волю во вторую очередь.

Я попалъ въ первую категорію. Избравъ мѣстомъ жительства свой приходъ Угерци, вернулся домой вмѣстѣ съ прихожаниномъ Іосифомъ Устіановскимъ 10-го мая. Дома засталъ я жену съ одною дочерью въ матеріальной нуждѣ. Остальные члены семьи бѣжали въ Россію. Весь живой и мертвый инвентарь разграблено въ мое отсутствіе, а зданіе, гдѣ помѣщалась читальня и кооперативъ уничтожено до основанія.

Сообщеніе Вас. Поворозника

изъ с. Великая Березовица, Тернопольскаго у.

Путешествіе изъ Галичины въ Градцъ предполагалось въ пять сутокъ. За все время ѣзды кормили трижды супомъ, а конвоировавшіе насъ львовскіе полицейскіе издѣвались надъ нами невѣроятнымъ образомъ. Изъ Градца прослѣдовали въ Талергофъ, а затѣмъ обратно въ Градцъ для дознанія. Было насъ изъ Вел. Березовицы семь человекъ: Василій Поворозникъ, Николай Крупа, Петръ Украинецъ, Алексѣй Ге-

ремей, Іосифъ Грабовскій, Дмитрій Мушастый и Петръ Керничный.

Въ Градцѣ просидѣли въ тюрьмѣ девять мѣсяцевъ. Спали на голомъ полу, въ холодѣ и грязи, имѣя только по одной парѣ бѣлья, занимались все время истребленіемъ насѣкомыхъ. Обвинялись въ шпіонажѣ и измѣнѣ.

Послѣ произведеннаго слѣдствія и судебного оправданія, отправлено стариковъ Алексѣя Ге-

ремея, Иосифа Грабовского и Дмитрия Мушастаго въ Гминдѣ, а остальныхъ на итальянскій фронтъ, гдѣ находились подъ строжайшимъ надзоромъ. Петръ Украинецъ потерялъ на позиціи правую руку,

Петръ Керничный умеръ на военной службѣ въ Моравской Оставѣ, Дмитрій Мушастый умеръ въ Гминдѣ, а Николай Крупа умеръ дома. Остальные вернулись благополучно и живутъ до сихъ поръ.

Подъ карауломъ.

Сообщеніе сящ. Ант. Бучко

изъ с. Ладанцы, Перемышлянского у.

4-го сентября 1914 г. привезли въ Талергофъ 2000 зниковъ въ 92 вагонахъ. 13-го сентября переведено изъ нихъ въ военную тюрьму въ Градцѣ (K. u. K. Garnisonsarrest in Graz, Paulustorg. 15), гдѣ прожили мы полъ года. Нѣсколькочратно водили подъ конвоемъ въ военный судъ передъ снѣмченнаго чеха, который, услышавъ о нашемъ русскомъ происхожденіи, бѣсился со злости, угрожая револьверомъ.

6-го марта 1915 г., изъ-за недостатка доказательствъ, приостановлено слѣдствіе, а 22-го марта, въ день паденія Перемышля, освобождено меня изъ тюрьмы съ определеніемъ на поселеніе въ стирійскомъ городкѣ Гнасъ (старославян. Князь), Фельдбахскаго уѣзда, въ 7 km. отъ извѣстнаго курорта Gleichenberg. Шестимѣсячное заключеніе въ сырыхъ казематахъ сильно подорвало

мое здоровье и надѣлило меня ревматизмомъ.

Въ Гнасѣ началось новое страданіе. Ежедневная явка въ жандармское управленіе, ограниченіе свободы передвиженія до 7 км. въ окружности и враждебное отношеніе мѣстныхъ жителей нѣмцевъ, дѣлали горькой эту свободу. Тоска по роднымъ, отсутствіе извѣстій изъ родины и недостатокъ занятія убивали нравственно заточенцевъ, которыхъ число росло со временемъ. Девятнадцать священниковъ и 23 штатскихъ обоего пола и разнаго возраста влекло тяжелую лямку въ непривѣтной чужбинѣ. Умерли здѣсь священники: Мих. Гандякъ изъ Березки, Миронъ Черлюнчакевичъ изъ Круkenичъ и учителя: Гр. Задорожный изъ Джурина, Іос. Кульматицкій изъ Яворова-Накочне.

Жили въ Гнасѣ два года. Когда-же страданія галичанъ объявлено изъ парламентской австрійской трибуны всему міру, тогда однихъ отпустили на свободу, а болѣе „опасныхъ“ по мнѣнію властей задержали на поселеніи.

Въ послѣднихъ дняхъ іюня 1917 г. мнѣ разрѣшено, вмѣстѣ съ пок. о. Феодосіемъ Капко изъ

Демьянова переѣхать изъ Гнаса въ Drahotuše на Моравіи. Среди чеховъ началась совершенно иная жизнь. Въ послѣдствіи прибыли къ намъ изъ Вѣны священники: Маркелль Раставецкій изъ Громна, Іоаннъ Машацъ изъ Гор. Липица и Ник. Винницкій изъ Галича.

Когда въ Гнасѣ лат. настоятель прихода разрѣшилъ только одному изъ нашихъ священниковъ служить въ мѣстномъ костелѣ св. литургію, здѣсь въ Drahtuše, о. д-ръ Франць Prikryl, извѣстный чешскій исторіографъ, весьма сочувственно относился къ нашимъ священникамъ, разрѣшая всѣмъ безъ исключенія служить обѣдно. Чехи откровенно оказывали свои симпатіи русскимъ галичанамъ.

Австрія отвоевала Галичину и изгнанникамъ разрѣшено вернуться домой. Въ половинѣ сентября я вернулся въ свой приходъ въ Ладанцахъ, а уже на слѣдующій день явился ко мнѣ жандармъ, арестовавшій меня въ 1914 г. Съ любопытствомъ разсматривалъ мои документы не подозревая, что черезъ годъ, Австрія — тюрьма народовъ, будетъ вычеркнута со списка державъ.

Сообщеніе г. Крыжановскаго

изъ с. Небылова, Калуш. у.

Въ четвергъ вечеромъ, 3-го сентября 1914 пріѣхали мы въ Терезинъ въ сѣверной Чехіи. Сейчасъ же заперто насъ въ крѣпости, въ помѣщеніи кавалерійской казармы. За все время путешествія это былъ первый ночлегъ на соломѣ. На

слѣдующій день вывели насъ на прогулку на земляныя насыпи кругомъ крѣпости. День былъ хороший, кругомъ зелень, множество знакомыхъ, а всѣхъ интернированныхъ находилось въ ту пору въ Терезинѣ неполна 1000 человекъ.

Здѣсь я роздѣлся и посмотрѣлъ на свои плечи. Отъ побоевъ полученныхъ въ Краковѣ кожа приняла темно-синій цвѣтъ. Свидѣтелями сему: бухгалтеръ Иванъ Пашкевичъ и купецъ Владиміръ Дришничъ, обальвовяне.

Въ полдень выдано котелки и обѣдъ, а послѣ послѣобѣденной прогулки и ужина заперто насъ на ночь въ тѣхъ же казармахъ. Въ началѣ получали хлѣба достаточно, съ теченіемъ времени однако порціи малѣли. Гулять разрѣшалось въ узкомъ внутреннемъ дворѣ. Въ дождливые дни сидѣли почти цѣлый день подъ ключомъ въ казармахъ. Такъ жили въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Случалось, что наши ключники, идя на базаръ за покупками для кухни и буфета, брали охотниковъ изъ среды узниковъ въ городъ. Вообще жизнь въ Терезинѣ была довольно сносною благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ чеховъ. Дисциплина постепенно падала, не запирали насъ больше въ душныхъ кавалерійскихъ помѣщеніяхъ, разрѣшалось свободно входить въ казарменный дворъ и гулять тамъ подъ надзоромъ стражи.

5 го мая 1915 г. погрузили насъ въ специальный поѣздъ и черезъ двое сутокъ привезли въ Талергофъ. Здѣсь объявлено мнѣ рѣшеніе слѣдственной комиссіи для интернированныхъ въ Градцѣ, что останусь жить до конца войны въ Талергофѣ, а въ августѣ вмѣстѣ съ другими опредѣлили на военную службу. Передъ отправленіемъ въ полкъ перевели меня въ 27-ой баракъ подъ надзоръ украинофила д-ра Вл. Чи-

ровскаго, извѣстнаго нашимъ талергофцамъ своей ненавистью ко всему русскому, а также вымогательствами и взяточничествомъ отъ интернированныхъ, за что былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ 6-ти лѣтней каторгѣ.

Въ октябрѣ выѣхалъ мой отецъ изъ Талергофа въ Oberhollabicum, а я отправился въ первыхъ дняхъ ноября на военную службу въ 33 полкъ ландверы въ Краковѣ. Не смотря на офицерскій чинъ, полученный мною еще въ 1906 году, и мой протестъ, меня опредѣлили въ полкъ на правахъ рядового, а заперли въ военномъ арестѣ вмѣстѣ съ однимъ крестьяниномъ изъ долинскаго уѣзда, заподозрѣннымъ въ государственной измѣнѣ и вмѣстѣ съ нѣкимъ Іосифомъ Гуменчукомъ изъ Дрогобыча. Въ старшіе назначено намъ ефрейтора Антона Цюру, учителя изъ Роздола, жидачевского уѣзда.

22-е марта 1916 вызвали меня въ канцелярію и здѣсь адъютантъ прочелъ мнѣ въ присутствіи полковника Фрейсингера рѣшеніе министерства краевой обороны, на основаніи котораго меня разжаловали въ нижніе чины по причинѣ моихъ опасныхъ политическихъ убѣжденій. Въ качествѣ ландштурмана служилъ затѣмъ въ 33, 91, 31 пѣхотныхъ полкахъ, въ послѣднемъ подъ командой добраго поручика Козака. Побывалъ на итальянскомъ фронтѣ, въ бояхъ на горѣ подъ Montfalcone, а послѣ болѣзни служилъ въ качествѣ военнаго писаря въ Перемышлѣ: вплоть до ноября 1918 года.

Сообщение Ивана А. Васюты.

Волковцы, у. Святинь.

Въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ изъ сяноцкой тюрьмы мы узнали что насъ отвезутъ въ Граць. Однако, мы ошиблись въ нашихъ надеждахъ на лучшую жизнь, ибо проѣхавъ черезъ Граць, мы очутились въ Талергофѣ.

Быль мѣсяць ноябрь. Въ палаткахъ царили морозъ, грязь, на-сѣкомья. Какъ позже оказалось, тамъ уже побывали до нашего при-

ездъ изъ каменныхъ, холодныхъ плитъ. Велятъ раздѣваться на дворѣ, на снѣгу. Одежду забираютъ для дезинфекціи, насъ гонять въ гангары купаться, а послѣ купели опять на снѣгъ одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ которыхъ размѣстились послѣ бани, страшная скученность. Человѣкъ по 250—280 въ одномъ, ночью лежащимъ трудно повернуться.

Группа интервьюированныхъ интеллигентовъ.

ѣзда тысячи людей. Палатки были назначены для карантина. Купить нечего, голодъ доносится и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухънедѣльнаго карантина отправляютъ насъ въ весьма примитивную баню. По серединѣ котель съ полугеплой водой, рядомъ разставлены грязныя корыта,

Ежедневно пригоняли въ Талергофъ новыя партіи, ежедневно ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдствиемъ чего были массовыя заболѣванія заключенныхъ сыпнымъ тифомъ и другими болѣзнями. Эпидемія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и одной живой души не останется.

Были между нами свои врачи, на пр. Влад. Могильницкій изъ Бучача и д-ръ Войтовичъ изъ Перемышля. Они работали сверхъ своихъ силъ, однако результаты были незначительны. Не хватало лекарствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распространялась съ ужасающей скоростью. Какъ я уже выше упомянулъ, въ баракахъ находилось по 250 — 280 человѣкъ, а были бараки съ нарами въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человѣкъ. Болѣли буквально всѣ, Вначалѣ такой больной чувствовалъ себя весьма несчастнымъ и одинокимъ. Когда же позже больной тифомъ видѣлъ, что сосѣдь его справа не живетъ, слѣва догораетъ, сверху стягиваютъ покойника а въ коридорѣ лежить вмѣстѣ и рядомъ нѣсколько человѣкъ и бредить въ тифозномъ жару, тогда дѣлался постепенно равнодушнымъ къ своей болѣзни и къ окружающей его средѣ. Сегодня тебя тащатъ на кладбище, завтра меня, и такъ продолжалось безъ конца. Поднявшись утромъ съ постели, мы первымъ дѣломъ замѣчали на улицѣ передъ бараками покойниковъ въ разныхъ позиціяхъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ. Одни лежали подъ навѣсами крышъ, другіе прямо въ грязи, а подъ часовенкой, къ полудню, набиралось ежедневно 30 — 40 — 50 гробовъ съ покойниками.

Эпидемія унесла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ до трехъ тысячъ жертвъ. Всѣ онѣ схоронены подъ „соснами“.

Въ другой половинѣ лѣта произволился рекрутскій наборъ. Всѣхъ до 50 лѣтняго возраста взяли на

военную службу. Молодыхъ сейчасъ же погнали на позиціи, кто постарше, тѣхъ отправили въ началѣ 1916. Настало именно время когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушенномъ мясѣ. Тутъ уже не разбирали, благонадежный ли человѣкъ или же политически заподозрѣнный, всѣ мало мальски внѣшне здоровые оказывались подходящими солдатами.

И меня опредѣлили въ началѣ марта 1916 на военную службу. Не стану скрывать, не понравился мнѣ этотъ сюрпризъ, однако съ другой стороны, почувствовалъ удовольствіе, что вырвусь изъ грязной клѣтки на свѣжій воздухъ, на Божій свѣтъ. Недолго радовался я свободѣ, ибо на третій день Пасхи меня опять арестовали, благодаря маэспинцу эксъ-жандарму Добрянскому - Демковичу, вертѣвшемуся между нами въ полку. Именно онъ обвинилъ насъ четырехъ въ государственной измѣнѣ, послѣдствиемъ чего мы очутились въ военной тюрьмѣ въ Грацѣ. Послѣ предварительнаго слѣдствія, продолжавшагося, въ общемъ, два мѣсяца, получили я и мой товарищъ Іосифъ Кебузь изъ с. Пикуличъ, Перемышльскаго уѣзда, по 15 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова 18 мѣсяцевъ. Судъ опредѣлилъ намъ въ защитники украинофила д-ра Чировскаго, который однако своими разъясненіями суду относительно опасности для государства „руссофильскаго“ движенія больше защищалъ свидѣтеля, то есть упомянутаго эксъ-жандарма, а намъ тѣмъ самымъ сослужилъ медвѣжью услугу. Конечно мы обжаловали при-

говоръ, но безъ пользы и безъ результатовъ.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ осматриваль тюрьму генераль, по національности изъ южныхъ славянъ. Всѣхъ арестантовъ оставили въ двѣ шеренги, а генераль обращается къ намъ съ вопросомъ, нѣтъ ли у кого какой-нибудь просьбы или жалобы. Тутъ мнѣ вспомнилась исторія французскаго капитана Дрейфуса приговореннаго

женнаго наказанія, я просилъ генерала о пересмотрѣ моего и товарищей дѣла.

Не знаю, тронуло ли генерала наше несчастье или дѣйствительно онъ пожелалъ, чтобы правда восторжествовала, а быть можетъ, зналъ кое-что о массовыхъ ссылкахъ галичанъ въ глубь Австріи— онъ пообѣщаль намъ заняться ближе нашей судьбой. Въ непродолжительномъ времени послѣ его отъ-

Группа крестьянъ.

въ свое время за государственную измѣну къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, какъ онъ послѣ двухъ-лѣтняго заключенія исходайствовалъ ревизію приговора и былъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго наказанія. Захотѣлось и мнѣ попробовать счастья и я, скрѣпя сердце, выступилъ впередъ. Изложивъ свою жалобу и безпочвенную клевету со стороны доносчика, послужившую причиной незаслу-

шзда намъ объявили, что будетъ пересмотръ дѣла въ дивизионномъ судѣ и допросъ нами поставленныхъ свидѣтелей. Насъ отправили въ роту, а черезъ нѣсколько недѣль оправдали отъ вины и наказанія.

Во время второго разбирательства выяснилось, что нашъ споръ съ эксъ-жандармомъ не имѣлъ политическаго характера, угрожающаго цѣлости и суверенности Австрійской имперіи, ибо заключался въ

препаративствѣ относительно существованія въ Галичинѣ русскихъ просвѣтительныхъ институцій и обществъ по окончаніи войны. Мы, конечно, отстаивали свою позицію, а доносчику хотѣлось видѣть въ Галичинѣ монопольную мазепію, потому не постѣснялся оклеветать насъ передъ военными властями.

На судѣ признали эксъжандарма невмѣняемымъ, а насъ послѣ освобожденія отправили на италянскій фронтъ, сперва въ Силанъ, а послѣ въ Кальдонасо и Asijado. Здѣсь мучились мы, собираясь съ кирками и винтовками по Альпамъ, вплоть до раззала Австріи.

Воспоминанія Ю. Н. Кисѣлевскаго изъ Коломыи.

Мы пріѣхали въ Талергофъ уже послѣ эпидеміи сипного тифа и тутъ были размѣщены въ выѣденныхъ известью баракахъ. Зная, что въ этихъ баракахъ до нашего пріѣзда жили тифозные, и боясь заразиться въ помѣщеніи, мы все время пребывали во дворѣ, благо хорошая и теплая погода этому благоприятствовала.

Въ то время были уже устранины изъ службы лютѣйшіе начальники и разнаго рода коменданты въ родѣ Чировскихъ и замѣнены людьми интеллигентными и болѣе гуманными. Н. пр. одну изъ комендантскихъ должностей въ лагерѣ исполнялъ тогда оберлейтенантъ д-ръ Осташевскій, затѣмъ лейтенантъ Яскульскій. Упомянутые офицеры, въ виду ихъ хорошаго обращенія съ арестованными, были скоро отрѣшены отъ должности и отправлены въ дѣйствующую армию.

Низшая охрана всегда позволяла себѣ издѣвательскія, нечеловѣческія выходы по отношенію къ арестованнымъ, въ особенности къ крестьянамъ, вслѣдствіе чего интерни-

рованные прилагали всѣхъ усилій чтобы попасть въ наряды на работы внѣ лагеря, даже болѣе состоятельные изъ интернированныхъ просто откупались у стражниковъ отъ безчинствъ и надоедливыхъ, а иногда совершенно невыносимыхъ преслѣдованій. Упросилъ и я унтеръ-офиц. Сеницу (словенца) нарядить меня на полевая работы въ сосѣднемъ графскомъ замкѣ.

Въ замкѣ познакомился я съ комендантомъ Eigenwirtschaft-а оберлейтенантомъ Калиною (чехомъ), который впоследствии сдѣлалъ меня старшимъ дружины.

Теперь моя жизнь потекла болѣе разнообразно. Ежедневныя экскурсіи изъ лагеря въ замокъ должны были укрѣпить мое здоровье, сильно пошатнувшееся еще въ Терезинской крѣпости. Въ замкѣ перевозилъ я землю, садилъ и окапывалъ капусту. Когда же лагерный плацъ-комендантъ Уейскій (изъ интернированныхъ поляковъ), за взятки и вымогательства, былъ отстраненъ отъ должности, я согласился на усиленные просьбы моихъ знакомыхъ и сотоварищей замѣ-

нить уступившаго и былъ назначенъ на его мѣсто.

Моимъ новымъ положеніемъ въ средѣ лагернаго населенія пользовались главнымъ образомъ духовенство и мірская интеллигенція, желавшія подышать свѣжимъ воздухомъ. Подъ предлогомъ полевыхъ работъ въ рабочія дружины наряжалась, при соблюденіи извѣстной очереди, интеллигенція. Въ замкѣ былъ хорошій паркъ и небольшой лѣсокъ.

Сносаясь постоянно по долгу службы съ главной канцеляріей, былъ я посвященъ въ нѣкоторые администр. секреты по управленію арестованными.

Талергофскій лагерь состоялъ изъ трехъ отдѣльных дворовъ, по 10 бараковъ, съ кухнями и другими постройками. Въ каждомъ баракѣ находилось до 140 человекъ.

Все это были люди, противъ которыхъ уголовное слѣдствие было уже приостановлено. Каждымъ баракомъ управлялъ „циммеркомендантъ“, получавшій для своихъ людей пропитаніе, одежду, отвѣчавшій за порядокъ и т. п.

Наша улица длиною въ одинъ километръ проходила черезъ всѣ три двора и упиралась въ рядъ бараковъ, гдѣ смѣщались интернированные, находившіеся еще подъ слѣдствіемъ. Затѣмъ стоялъ баракъ съ отдѣльными камерами для провинившихся и осужденныхъ въ административномъ порядкѣ лагеркомендантомъ. Дальше слѣдовали лазареты, изоляторъ для инфекціонныхъ больныхъ, прачешня, кухни, конторы, карантинные бараки, баня, дезинфекціонный баракъ, а ря-

домъ съ ними православная часовенка.

Рядомъ съ часовенкой стояла небольшая постройка, помѣщеніе православнаго священника, жилъ въ ней, однако, офицеръ, ведшій реестръ покойниковъ.

Отсюда вель путь на кладбище „подъ соснами“. Дополненіемъ талергофской картины служили двѣ мертвецкія, одна рядомъ съ лазаретами, а другая въ концѣ лагеря, рядомъ съ арестантскими бараками, обѣ съ лаконическими и каждому изъ насъ весьма понятными надписями: „Mein letztes Heim“ (моя послѣдняя обитель).

На границѣ 1-го и 2-го дворовъ была построена высокая электрическая водокачка, а въ двухъ противоположныхъ концахъ лагеря два бассейна, устроенные на случай пожара, откуда застаивавшаяся вода заражала воздухъ въ цѣломъ лагерѣ.

Лагерь былъ обведенъ высокимъ заборомъ и колючей проволокой, дальше за проволокой съ внѣшней стороны караулили сторожевые посты.

Свободные участки внутри лагеря были засажены овощами, которыми въ слѣдствіи насъ кормили.

Въ баракахъ Nr. 1 жили русскіе военнопленные, занятые въ Талергофѣ въ качествѣ плотниковъ, пекарей, кузнецовъ и др. Лагерные магазины, пекарни, прачешня, конторы и казармы для помѣщенія караульной команды, находились внѣ ограды.

Между интернированными находились цѣлыя семьи съ дѣтьми школьнаго и дошкольнаго возраста.

Для нихъ вмѣстѣ съ ихъ матерями былъ отведенъ баракъ №г. 2 и была придѣлена одна сестра милосердія для ухода за маленькими арестантами.

Для семейной, но бездѣтной интеллигенціи, былъ отведенъ баракъ №г. 30, съ отдѣльными комнатами и перегородками, а рядомъ съ часовенкой построено нѣчто въ родѣ рестораника, предназначеннаго для располагавшихъ матеріальными средствами. Собственно говоря въ этой лавчонкѣ кромѣ кукурузнаго хлѣба, молока, табаку и колбасы весьма сомнительнаго качества, нечего больше было купить.

У входа въ лагерь стояла внушительная постройка, отличавшаяся размѣрами отъ остальныхъ талергофскихъ барачковъ. Это было лагерное управление съ цѣлымъ штатомъ полицейскихъ и военныхъ чиновъ, тутъ же помѣщалась почта.

Свиданія постороннихъ посѣтителей съ интернированными происходили въ жандармскомъ управленіи, всегда по особому разрѣшенію коменданта лагеря, полковника Штадлера, и всегда продолжались не болѣе 10 минутъ.

Всѣ посылки въ лагерь и изъ лагеря тщательно провѣрялись стражей, корреспонденція тщательно цензурировалась по сколько вообще не считалась запретной или же не задерживалась на талергофской почтѣ по усмотрѣнію чиновника. Случалось, что посѣтители лагеря недѣлями ожидали въ Градецѣ разрѣшенія полковника на свиданіе съ интернированными въ Талергофѣ.

Въ жандармскомъ управленіи въ Талергофѣ были заняты болѣею частью чиновники поляки изъ Галичины, эвиденцбуро-мъ вѣдали оберлейтенантъ Бехтлефъ, нѣмецъ, родомъ изъ Городка Ягайлоскаго, судебными дѣлами вѣдалъ оберлейтенантъ д-ръ Герцъ, еврей, чловѣкъ совершенно безпристрастный, а почтой завѣдывалъ оберлейтенантъ д-ръ Винтеръ. Изъ низшихъ конторскихъ служащихъ помню капраловъ: италианца Мерка, оиѣмеченнаго чеха Гариха, и коломыйскаго еврея Маера Ляхса, бывшаго у насъ посредникомъ между талергофскимъ лагеремъ и внѣшнимъ міромъ. Ляхсъ перевозилъ неофициально въ Градецъ наши записки знакомымъ и роднымъ и исполнялъ инья мелкія въ сущности, однако для насъ весьма важныя порученія.

Наилушшей властью въ лагерѣ былъ полковникъ, а его ближайшимъ органомъ являлось эвиденцбуро съ различными секціями и многочисленнымъ штатомъ служащихъ. Отдѣльные двory въ лагерѣ имѣли кромѣ того своихъ комендантовъ, австрійскихъ офицеровъ, съ нѣсколькими унтерами и тѣ непосредственно сносились съ нами. Однимъ изъ такихъ комендантовъ былъ офицеръ д-ръ Чировскій, маэпинець.

Была тутъ своя санитарная комиссія, состоявшая изъ полковаго врача, двухъ замѣстителей, а въ качествѣ четвертаго члена этой комиссіи былъ допущенъ интернированный д-ръ Могильницкій изъ Бучача. На услугахъ санитарной комиссіи была цѣлая партія могиль-

щиковъ, набранныхъ изъ среды интернированныхъ.

Кладбище находилось на Flugfeld въ подѣ „соснами“, гдѣ хоронились всѣ въ заранѣ заготовленныхъ глубокихъ и длинныхъ могилахъ и засыпались пескомъ и гравіемъ (мелкими камешками.) Хоронились покойники часто въ одной рубашкѣ. Въ послѣднемъ году существования талергофскаго лагеря разрѣшалось хоронить покойниковъ въ сопровожденіи священника и интернированныхъ, однако не больше 200 человекъ по специальному разрѣшенію, и съ предложеніемъ именного списка. У изголовья каждаго покойника помѣщалась табличка, прибитая на молышкѣ, съ надписью, указывавшей фамилію покойника. Къ моменту упраздненія лагеря номера табличекъ дошли до 2.000 (двухъ тысячъ). Разрѣшалось ставить на могилахъ кресты, и талергофское кладбище покрылось трираменными крестами. Узнавъ случайно объ этомъ явленіи, пресловутый д-ръ Чировскій исходатайствовалъ у высшихъ властей разрѣшеніе обрѣзать рамена крестовъ, что затѣмъ и было продѣлано по его приказанію.

Получивъ назначеніе въ плацкомеданты, я постарался первымъ деломъ облегчить хоть немного и улучшить до нѣкоторой степени долю заточниковъ. Предостерегалъ интернированныхъ о поступающихъ на нихъ въ лагерное управленіе доносахъ отъ тайныхъ агентовъ, находившихся въ лагерѣ, а принимая участіе при всякаго рода разслѣдованіяхъ въ качествѣ уже должностнаго лица и главнаго перевод-

чика, я прилагалъ всѣ усилія, чтобы таковыя кончались хорошимъ исходомъ для подсудимыхъ интернированныхъ.

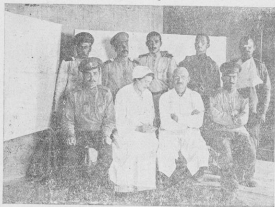
Многихъ изъ интернированныхъ я предупреждалъ о надвигающейся опасности и такимъ образомъ давалъ имъ возможность подготовиться надлежащимъ образомъ къ защитѣ. Мнѣ это удавалось потому, что упомянутый итальянецъ Меркь сообщалъ мнѣ обо всемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ я лично имѣлъ возможность взглянуть въ канцелярскія книги и документы. Во время моего плацкомедантства прекратилась постоянная перекочевка интернированныхъ изъ барака въ баракъ, о всякаго рода злоупотребленіяхъ низшей администраціи я докладывалъ высшему начальству и виновные наказывались. Также прекратились злоупотребленія съ выдачею почтовыхъ посылокъ, какъ писемъ такъ и продовольственныхъ посылокъ, вслѣдствіе установленія контролеровъ изъ среды интернированныхъ, которые всегда присутствовали при приѣмѣ почты. Письма и иныя посылки теперь правильно доходили до рукъ интернированныхъ. Имѣя доступъ во всѣ углы талергофскаго лагеря я имѣлъ возможность быть неофициальнымъ передаточнымъ органомъ разныхъ записокъ и т. п. для интернированныхъ.

Тяжела была доля интернированныхъ крестьянъ. Не имѣя гроша при душѣ, не получая ничего изъ дому, и не имѣя потороннаго заработка, они занимались выдѣлкой табакерокъ, крестиковъ и т. п. вещичекъ и продавали ихъ

среди талергофцев. Знавшие сапожное ремесло были определены в лагерную мастерскую, где выдвлялись соломенные валенки и обувь с деревянными подошвами. Такая обувь поступала в казну, кажется для нужд армии.

Пища в Талергоф была плоха, а сильно ухудшилась качествен-

является опасным пропагатором православия и царства среди интернированных. Однако высшее начальство оказалось более благоразумным и не сочло нужным закрывать молитвенный дом, служивший для отеня арестованных единственным утешением и облегчением в тяжелых условиях

Военнопленные русские солдаты, в бараке № 1 Талергофского лагеря.

но и количественно в последнем году. В то время несостоятельные заточники опять заболвали, на этот раз уже желудочными болезнями и осложнениями.

В то время мы выхлопотали также разрешение на устройство школы для детей арестованных и на постройку православной часовни, о которой я уже упоминал в начале. Тут следует отметить, что д-р Чировский не оставил в покое и православного храма, донося полковнику, что часовенка

талергофского заточения. Сам д-р Чировский был затем арестован и приговорен к нескольким годам тюрьмы за некоторые свои темные проделки.

В заключение скажу, что уже в последнее время организовался в лагерь маленький струнный оркестр, в состав которого входили священники: Генсюрский и Скобельский, д-р Гриневецкий и другие. Концерты оркестра, устраиваемые в третьем дворе, собирали множество народа, самопоят-

но арестантовъ; такимъ образомъ тонную и печальную арестантскую интернированные старались вносить жизнь.
нѣкоторое разнообразіе въ моно-

Ю. Н. Киселевскій.

ФЕОФИЛЪ ВАСИЛ. КУРИЛО:

Дневникъ лемка изъ Талергофа

(съ 14-го сентября 1914 г. по 22-ое августа 1915 г.)

Сентябрь 1914 года.

14 сент. понедѣльникъ. — Въ 8 ч. вечера выѣзжаетъ первый транспортъ русскихъ лемковъ изъ Горлицкой тюрьмы, при уѣздномъ судѣ въ Горлицахъ.

Тюремныя власти, во главѣ со Скальчинскимъ, собрали насъ на тюремной площади, прочли списокъ всѣхъ насъ и, произведши ревизію вещей, приказали строиться въ ряды, по четыре; а отправиться вмѣстѣ съ этими вещами на вокзаль. Держа вещи въ рукахъ, мы шли, не зная куда, и даже не смѣя спросить, куда насъ направляютъ.

При нашемъ выходѣ изъ тюремнаго помѣщенія собралась толпа мѣстныхъ жителей, которая отнеслась къ намъ почему-то враждебно и ругала насъ. На эту ругань мы не реаговали, а молча продолжали свой путь.

Сопровождаетъ насъ нѣсколько жандармовъ.

На вокзалѣ размѣщаютъ насъ въ товарныхъ вагонахъ числомъ больше сорока человекъ въ одномъ вагонѣ. На вагонахъ жандармы мѣломъ начертили надпись: „ѣдутъ москалофилы измѣнники“.

15 сент. — Поѣздъ трогается съ мѣста и затѣмъ дѣлаетъ остановку на каждой станціи. Почти на каждой станціи встрѣчаетъ насъ мѣстное населеніе и ругаетъ насъ.

Нѣкая старая женщина, держа въ рукѣ молитвенникъ и четки, говоритъ своей сосѣдкѣ: „слушай Маша, я такъ чувствительна, курицы сама не зарѣжу, но того попа, что находится въ вагонѣ, я рѣзала бы по кусочкамъ“. Кто-то сталъ бросать въ насъ пескомъ и бумагой. Увидѣвъ это, жандармъ закрылъ дверь вагона, и поѣздъ тронулся съ мѣста.

Прибываемъ въ г. Живецъ, тамъ самая картина. Ѣдимъ собственные припасы, купленные въ Горлицахъ, но экономно, ибо не знаемъ, какъ долго придется намъ ѣхать.

16 сент. — Проѣзжаемъ черезъ Венгрію. Жара нестерпимая! Въ закрытомъ вагонѣ страшно душно, ибо насъ въ немъ много, а открывать вагонъ запрещено. Нѣкоторые изъ насъ лежатъ на полу почти безъ чувствъ.

Вспомнивъ, что у меня въ вещахъ находится вода для полосканія зубовъ, вынимаю ее, самъ нюхаю и даю понюхать о. Дуркоту

изъ Ждныи. Это насъ нѣсколько освѣжаетъ. Лишь только жандармъ открылъ дверь вагона на нѣсколько минутъ, мы съ жадностью силимся хватать полной грудью свѣжій воздухъ. Лица наши красны, а глаза отъ духоты выпячены на верхъ.

17 сент., четвергъ. — Какъ только поѣздъ останавливается на какойнибудь станціи, сейчасъ жандармы освѣдомляютъ мѣстныхъ жителей, кого они везутъ. Жандармы открываютъ двери вагоновъ, толпа мѣстныхъ жителей уже поджидаетъ насъ, ругаетъ и даже требуетъ выдачи насъ, дабы растерзать насъ.

Кто-то изъ толпы сказалъ, что среди насъ находится профессоръ русскаго университета, я на это лживое заявленіе улыбнулся, за что толпа стала бросать въ меня камнями. Еслибъ жандармъ не успѣлъ сейчасъ закрыть дверь вагона, то толпа могла бы и убить меня. На слѣдующей станціи толпа категорически требовала выдачи насъ для самосуда. Мы молчимъ и попрытавшись вглубь вагона, съ трепетомъ ожидаемъ неизбежной смерти, но къ нашему счастью поѣздъ трогается и жандармъ закрываетъ двери.

18 сент. пятница. — Въ 10 часовъ ночи прибываемъ въ г. Граць, въ Сиріи, послѣ въ Абтисендорфъ и Карлгофъ.

На вокзалѣ встрѣчаютъ насъ солдаты изъ Талергофскаго лагеря. Построивъ насъ въ ряды, по четыре, приказали намъ идти съ собою. При свѣтѣ факеловъ идемъ пѣшкомъ въ лагерь подъ ударами прикладомъ и сапогами въ спину и куда попадетъ.

идущій рядомъ со мною юристъ Дмитрій Качоръ изъ Водаковъ получилъ сильный ударъ прикладомъ въ спину, стиснувъ зубы, идетъ дальше, но отъ сильной боли нагнувшись слезы на глаза. Нашъ транспортъ раздѣляютъ по полевымъ шатрамъ („цельтамъ“), гдѣ по сторонамъ и по серединѣ находится нѣсколько сноповъ соломы. Спать можно тамъ только сидя, опираясь спиной о снопъ соломы.

Нѣкоторые изъ насъ, сильно утомленные, засыпаютъ въ такомъ неудобномъ положеніи. На поданное нами прошеніе намъ разрѣшено было выходить за надобностью изъ шатра въ сопровожденіи солдатъ, но только на весьма короткое время, — больше одной минуты нельзя было употребить на естественную надобность подъ угрозой ударовъ прикладомъ или даже штыкомъ. Разрѣшеніе это было выдано только нѣкоторымъ изъ насъ, и то черезъ каждые 2 часа разрѣшалось обращаться съ просьбой о выходѣ за надобностью не больше, нѣмъ 4 лицамъ.

Съ момента выѣзда изъ Горлицъ не получали мы теплой пищи. Уничтожаемъ остатки привезенныхъ изъ Горлицъ съѣстныхъ припасовъ.

19 сент. суббота. — Ъсть не даютъ. Если у кого изъ насъ имѣется немного хлѣба, тотъ дѣлится имъ съ другими. Съѣстныхъ припасовъ нигдѣ нельзя достать.

Лагерь нашъ состоитъ всего изъ 10 меньшихъ шатровъ и одного большого и разбитъ на значительной песчаной равнинѣ. Нашъ транспортъ, кажется, былъ вторымъ,

такъ какъ часть шатровъ была занята какими-то людьми. Посты были заняты исключительно нѣмцами, говорящими престонароднымъ нарѣчьемъ Стирии и Вѣны, такъ что и интеллигентные люди съ трудомъ ихъ понимали, а простой русской людъ, который говорить только лемковскимъ нарѣчьемъ и подавно не въ состояннй понимать ихъ. Вслѣдствіе этого происходить частыя недоразумѣнія, кончающіяся большей частью руганью и побоями со стороны надзирателей.

20 сент., воскресенье. -- Въ тотъ же день вечеромъ надзиратель нашего поста перевелъ насъ въ большой шатеръ. Въ этомъ шатрѣ нѣтъ ни дверей, ни соломы; пришлось спать на сырой землѣ, вслѣдствіе чего мы продрогли отъ холода. Ванька Михайловичъ Вербицкій сшилъ изъ полотенца мѣшокъ для своихъ вещей.

Испытываемъ голодъ.

21 сент. Въ шатрѣ встречаю Стефана Тыминскаго, стараго своего знакомаго, съ которымъ жилъ на квартирѣ у Брониславы и Феофилы Кржиштофиковской въ гор. Яслѣ. Въ 10 ч. утра получаемъ впервые хлѣбъ и въ 5 ч. вечера полбу (пенцакъ)

22 сент. — Первый завтракъ. Визитъ врача. Получаемъ лекарства и незначительное количество соломы, которую раздѣлили между насъ коменданты шатра (циммеркоменданты).

Дождь. Шатры наши протекаютъ. Спать приходится на мокрой землѣ. Нѣкоторые изъ насъ вырѣзываютъ изъ дерева ложки, другіе играютъ въ самодѣльные деревян-

ные шахматы или же въ карты, а иные митають книги, которыя случайно захватили съ собой. Врачъ осматриваетъ глаза интернированныхъ. На обѣдъ даютъ бульонъ съ рисомъ.

23 сент. — Пишу домой во Флоринку открытое письмо, а малограмотнымъ товарищамъ напишаль ихъ штукъ десять.

Для осмотра прибылъ нашъ врачъ д-ръ Цѣханскій изъ Крыницы. Въ 10^{1/2} ч. утра получаемъ хлѣбъ, а въ 3 ч. дня обѣдъ. Покупаемъ пледы, рубахи и пр. Новый визитъ врача. Спать пришлось въ платѣ, прикрываясь шинелью.

24 сент. — Ванька Вербицкій брилъ меня. Покупаю молока за 9 геллеровъ, а булокъ за 12 и кружку для питья. Для интернированныхъ устраиваютъ кухню. Я простудился и схватилъ жестокой насморкъ. Знакомство съ О. Фольварковымъ.

25 сент. — Свящ. о. Сенникъ, членъ львовскаго сейма, и Стеранка подаютъ жалобу властямъ лагеря, описывая наше бѣдственное положеніе, жалуясь на то, что отъ холода и негигиеническихъ условій жизни въ лагерѣ умерло уже 9 человекъ интернированныхъ.

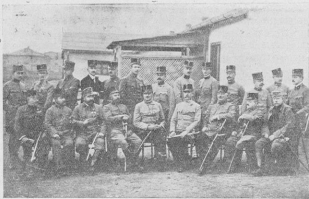
Сегодня довольно хорошей день.

Женщинъ переводятъ въ деревянный баракъ. Я гуляю въ своемъ плащѣ. Укладываю хлѣбъ въ ряды для раздѣла его между интернированныхъ большого шатра. Ложусь спать въ 6 ч. вечера. Ночью у о. Хомицкаго было кровотеченіе изъ носа. Въ шатрѣ ночью холодъ невыносимый. Кому холодъ не даетъ спать, тотъ гуляетъ по шатру.

26 сент., суббота. — Въ 9^{1/2} ч. утра солдаты привязали (т. е. сдѣ-

дали т. наз. „anbinden“) одного русского къ столбу на 1¼ часа за то, что украл своему товарищу сорочку. Наказанный нѣсколько разъ терялъ сознание, а изъ промежутковъ между пальцами ногъ его показалась кровь. Стирка бѣлья производится у насъ, конечно, безъ мыла.

Результатомъ этого молебна было новое распределение насъ по всѣмъ шатрамъ. Случалось и такъ, что отдѣляли дѣтей отъ родителей, брата отъ брата. Я попалъ въ шатеръ № 15. По этому поводу водворилось у насъ сумрачное и угнетенное настроеніе.

Группа австрійскихъ офицеровъ по устройству лагеря.

Встрѣчаю здѣсь моего вѣнскаго товарища Θεодосія Перчинскаго, который заказалъ черезъ надзирателя мыло. Укравшій хлѣбъ тоже получилъ наказаніе „anbinden“.

И этой ночью невыносимый холодъ.

27 сент., воскресенье. — Хорошій день. Молебенъ Божіей Матери въ большомъ шатрѣ. Литургіи служить нельзя было, такъ какъ не было ни алгара, ни сосудовъ, ни ризъ, ни даже богослужебныхъ книгъ. Пѣли всѣ, но многіе плакали и не могли больше пѣть.

28 сент., понедѣльникъ. — Новая мойка бѣлья, ибо уже начинаютъ появляться паразиты и то большихъ размѣровъ. Пить молоко сильно разбавленное водой, причемъ количество этого купленного мною черезъ надзирателя молока было назначительно, а цѣна изрядная.

Встрѣчаю Маркуса, члена русского студенческаго Общества „Буковина“ въ Вѣнѣ.

29 сент., вторникъ. — Шесть человѣкъ интернированныхъ умерло утромъ. Солдаты, посыпавъ ихъ негашеной известью, вынесли и закопали, не позволяя, не только что служить панихиду при ихъ гробѣ,

но даже сопровождать тѣла умершихъ ихъ родственникамъ.

Подверглись наказанію „anbinden“ еще 5 человѣкъ.

Сильный, холодный и пронизывающій вѣтеръ. Пишу малограмотнымъ крестьянамъ открытыя письма домой.

30 сент., среда. — Опять хорошая погода.

Вновь подверглись наказанію „anbinden“ 2 человѣка.

Опять закопали солдаты 2 умершихъ, изъ которыхъ одинъ былъ православный.

Переводятъ насъ въ большой центральный шатеръ, ибо военнопленныхъ русскихъ перевезли въ другое мѣсто.

Скончался благочинный о. Кушниръ.

Октябрь 1914 г.

1 окт. — Меня избрали комендантомъ шатра.

Кромѣ другихъ обязанностей я имѣю право дѣлить пищу среди заключенныхъ и платье и бѣлье, если таковыя присылаются въ шатеръ властями лагеря. Но увы, не смотря на то, что многіе изъ насъ ходятъ въ лохмотьяхъ и не имѣютъ средствъ покупать при посредствѣ властей лагеря необходимое платье (платить приходится за одно и тоже по нѣсколько разъ), ни бѣлья, ни одежды ни разу власти не выдали бѣднѣйшимъ изъ насъ.

Ночью холодно, чтобъ согрѣться, варимъ тайкомъ чай и попиваемъ его.

2 окт. — Опять хорошая погода. Разрѣшено гулять между шатрами и похоронить 4 умершихъ,

въ ихъ числѣ одного студента, съ участіемъ хора. Вечеромъ даютъ намъ кофе.

3 окт., суббота — Хорошій день. Идемъ гулять между шатрами. Капитанъ осматриваетъ лагерь. Похороны баумайстра.

Встрѣчаю о. Стефана Копытрянскаго и Григорія Пирого. Получаемъ кофе.

Прислали намъ жестяные котелки для супа (шальки). Дѣлаемъ списокъ людей другого шатра.

4 окт., воскресенье. — День ангела императора Франца Юсифа I. Въ отстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ отъ нашихъ шатровъ строятъ 2 деревянныхъ барака въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

На плацу между этими деревянными бараками состоялась полевая обѣдня, на которой присутствуютъ представители всѣхъ шатровъ и бараковъ. Обѣдню совершаетъ почтенный старикъ о. Долинскій, соборнѣ съ оо. членами сейма, Сеникомъ и Метеллой. Хоръ, состоящій изъ регентовъ, хорошихъ пѣвцовъ и студентовъ университета, числомъ до 150 человѣкъ, поетъ великолѣпно.

Присутствующіе австрійскіе офицеры изумлены и приходятъ въ восторгъ.

Изъ нашего шатра присутствуютъ о. Сприссъ и я.

Визитъ врача. Вечеромъ многіе изъ нашего шатра кашляютъ.

5 окт., понедѣльникъ — Хорошая погода. Кашель меня меньше мучитъ, желудокъ не въ порядкѣ, получилъ рвоту.

Къ намъ все прибываютъ новыя интернированные. Число обита-

телей нашего шатра достигаетъ уже 300 человекъ.

6 окт., вторникъ. — Ночь холодная, спать нельзя. Несогласія между главнымъ комендантомъ шатра о. Сприссомъ, а целькомендантами: Севериномъ Гайдашевскимъ, Теофиломъ Ляшемъ и гимназистомъ Тюкомъ. О. Сприссъ требователенъ по отношенію къ подчиненнымъ и смиренъ по отношенію къ высшимъ. Владѣя въ совершенствѣ нѣмецкимъ языкомъ онъ многимъ помогъ въ бѣдѣ, умѣя своевременно замолвить словечко у властей.

Въ разстояніи какихъ-нибудь 100 шаговъ отъ нашего шатра устроена купальня, состоящая изъ 2 маленькихъ комнатъ, могущихъ помѣстить человекъ 20. Въ каждой комнатѣ есть бассейнъ деревянный съ горячей водой. Намъ дѣлать на партіи не больше 30 человекъ, и каждую партію приводятъ къ купальнѣ каждые $\frac{1}{2}$ часа. Первая партія, прибывъ на мѣсто, выстроилась въ рядъ и по командѣ тутъ на дворѣ передъ купальней раздѣвалась и голая вошла въ купальню, гдѣ стала мыться горячей водой. Но за то вторая и слѣдующія прибывали значительно раньше, до выхода купающейся партіи, несмотря на это солдаты немедля по ихъ прибытію къ купальнѣ приказывали на дворѣ раздѣваться, и интернированные голые стояли въ строю, ожидая своей очереди иногда и полчаса. Шель мелкій снѣгъ, обсыпая ихъ тѣла и одежду, лежащую у ихъ ногъ. Только когда партія предыдущая выкупалась и выходила, дабы на холоду одѣть промерзшую одежду, эти смерзшіе люди шли въ

купальню мыться. Такое купанье явилось рассадникомъ болѣзней, тифа, воспаления легкихъ и т. п.

Идемъ въ деревянный баракъ № 2. О. Сприссъ, вмѣстѣ со своимъ дьякомъ Скобликомъ и мальчикомъ, идетъ купаться. Баракъ № 2 настроенъ враждебно по отношенію къ О. Сприссу почему главнымъ комендантомъ барака выбирается Гайдашевскій. Безпорядки при раздѣлѣ пиши. Возстанавливаетъ порядокъ главный поваръ („zwei und zwei“), штыкомъ наказавъ троихъ.

Въ баракѣ № 2 пробылъ я только одну недѣлю.

Производятъ дезинфекцію намъ и нашихъ вещей, кажется жидкимъ формалиномъ.

Какой-то священникъ держитъ проповѣдь.

Мы, лемки, сплачиваемся.

8 окт. — Холодный день. Гуляю съ Качоромъ. Похороны крестьянина. Купилъ молочную булку для больного о. Хомицкаго.

Встрѣчаю толстаго Козеровскаго, юриста, моего вѣнскаго знакомаго. Коцко собираетъ заказы на покупку вещей въ Грацѣ. Ъсть даютъ намъ не больше 2 разъ въ сутки; чтобъ убить ощущение голода, варю себѣ подобіе супа.

9 окт. — Познакомился съ о. Михаиломъ Еднакимъ, отцомъ Юльяна, б. предсѣдателя студенческаго Общества „Буковина“ во Вѣнѣ.

Съ цѣлью прогулки рѣшили носить воду въ ушатѣ. Хорошая погода. За рѣшеткой лагеря, на поляхъ, мѣстные крестьяне собираютъ кукурузу и вяжутъ ее въ снопы. На площади передъ баракомъ интер-

нированные варят чай на импровизированной печкѣ. Одинъ изъ интернированныхъ приобрѣлъ машинку для стрижки волосъ и такимъ образомъ зарабатываетъ на хлѣбъ. Одни изъ интернированныхъ, подъ наблюдениемъ техника, строятъ бараки, другіе приводятъ бараки въ порядокъ извнѣ и внутри, третьи занимаются игрой въ волка и овецъ.

Среди интернированныхъ встрѣчаю нѣсколькихъ членовъ семьи Хомяковъ. Свящ. о. Семень Савула говоритъ проповѣдь окружающей его довольно многочисленной толпѣ. На обѣдъ даютъ мясо съ манной кашей (грысикъ). Съ о. Сприссомъ устанавливаемъ проектъ работъ въ баракѣ на слѣдующій день. Вечеромъ настроеніе удрученное. Всѣ сильно тоскуемъ по роднымъ мѣстамъ.

Прибываетъ транспортъ новыхъ интернированныхъ изъ Перемышля, между ними есть Наташа Несторовичъ.

10 окт., суббота — Холодный день. Главнымъ комендатомъ нашего барака состоитъ Унгехейеръ. Настроеніе въ баракѣ невеселое. На завтракъ даютъ намъ грязный супъ съ фасолью. Въ третьемъ баракѣ умеръ какой-то еврей, котораго вынесли изъ барака для установленія его смерти. Похороны одного крестьянина.

Привезли лемковъ изъ грибовскаго и сандецкаго уѣздовъ. Лагерная власть проверяютъ списки всѣхъ живущихъ въ деревянныхъ баракахъ. Женщины моютъ бѣлье, а сапожники 2-го барака починяютъ обувь. Чтобы узнать, кто прибылъ съ послѣднимъ транспортомъ, я

вмѣстѣ съ однимъ священникомъ схватилъ ушатъ и отправился по воду.

Вижу передъ большимъ бараккомъ, который предназначался для заболѣвшихъ холерой, своего отца свящ. Василия Курилло, настоятеля прихода флоринки, о. Феофила Качмарчика изъ Бѣлцаревой, съ сыновьями Людоміромъ, нотарьяльнымъ депендентомъ, и Владиміромъ.

Обмѣняться съ ними хоть бы словечкомъ нельзя было, такъ какъ за нами по пятамъ слѣдовали солдаты съ ружьями.

Несмотря на это по нѣскольку разъ хожу по воду, дабы хоть издали посмотрѣть на своего отца.

Возлѣ этого большого барака для холерныхъ больныхъ находится главная кухня, а около нея стоитъ солдатская лавка, гдѣ съ разрѣшенія властей можно покупать и намъ необходимыя вещи.

11 окт., воскресенье. — Пасмурно. Въ три часа ночи о. Савула будить насъ плачемъ, говоритъ проповѣдь и, затихая, начинаетъ усердно молиться. Настроеніе подавленное, но молитвенное. Слышны кое-гдѣ стонъ и плачь. Днемъ о. Дольницкій совершаетъ богослуженіе, заканчивая его параклисомъ.

Брилсъ и совершаю прогулку вмѣстѣ съ Качоромъ и Юсафатомъ Крулевскимъ. Похороны 2 человакъ.

12 окт. — Встаю раньше, чтобы принести въ ушатъ завтракъ для барака, а главное, чтобы опять увидѣть своего отца.

Похороны православнаго священника. Затѣмъ о. Савула рассказываетъ собравшимся вокругъ него о своей долѣ и о своемъ отцѣ.

Толпа людей, окружающая костеръ и Савулу, слушаетъ внимательно его разсказъ.

Ввиду большого скопления народа въ лагерѣ лагерныя власти принуждены были запастись новыми котлами, чтобы устроить специальную кухню для интернированныхъ. Теперь уже власти стара-

кострюлькахъ или даже кружкахъ. Священники служатъ вечерню.

14 окт. — Утро холодное. По-кровъ Пресв. Богородицы. По случаю этого праздника молебенъ (паклись).

Получаю отъ матери изъ Флоринки 20 кронъ, и покупаю каучуковый воротничокъ, также заказы

Передъ баракомъ лѣтомъ

ются дѣлать запасы съѣстныхъ припасовъ, чтобы не морить голодомъ заключенныхъ въ лагерѣ, что раньше водилось постоянно. Лагерный врачъ раздаетъ небольшое количество плодовъ особенно нуждающимся. Оканчиваютъ постройку начатыхъ бараковъ и начинаютъ строить новые.

13 окт. — Хорошая погода. Раздаютъ нѣкоторымъ изъ нашего барака одѣяла. За баракомъ дѣлаемъ въ землѣ примитивныя кухни, чтобы варить часть пищи въ

ваю гетры на ноги. Пишу Зенону Курилло, находящемуся въ арміи въ Лайбахѣ (Люблянѣ).

Вновь приводятъ въ Талергофский лагерь нѣсколько новыхъ транспортовъ интернированныхъ. Ночь теплая.

15 окт., четвергъ — День пасмурный. Съ разрѣшенія врача удалось мнѣ передать отцу купонъ съ записками отъ денежнаго перевода (на 20 кронъ) изъ Флоринки. Свиданія съ отцомъ добиться не могъ. Посѣщаю больного Коцка. Къ своей

радости удалось мнѣ приобрести небольшой кусок мыла. Отдаю въ починку пришедшіе въ негодность сапоги.

Умеръ о. Людкевичъ, проф. каноническаго права.

15 окт. — Утро пасмурное. Позже распогодилось. Встрѣчаю судью Юліана Подлускаго изъ Перемышля. Умерла одна изъ женщинъ. Совѣтъ ночью, намѣреваясь просить помощи для интернированныхъ у военнаго прокурора (кригс-анвальта). Одинъ солдатъ, чехъ холерическаго темперамента, высказываетъ довольно дикій взглядъ на культуру русскихъ крестьянъ. О. О. высказывается съ возмущеніемъ объ этомъ чехѣ и его взглядахъ. Ночью до того сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу и каплетъ мнѣ прямо на лицо. Прикрываю шляпой голову и стараюсь заснуть, но напрасно.

Большому Коцку стало лучше, приношу ему пару носковъ. Г-жа Смигельская есть въ лагерѣ тоже.

17 окт., суббота. — Счастливы для меня день, ибо людей изъ транспорта Грибовскаго и Новосандецкаго перевели въ нашъ баракъ № 8, такъ что живу теперь вмѣстѣ съ отцомъ и о. Владиміромъ Мохнацкимъ изъ Черной. Передаемъ другъ другу событія, происшествія съ нами и наши переживанія за время разлуки, вспоминаемъ прошлое. Впервые узнаю, что благочинный, о. Петръ Сандовичъ, и его сынъ Антонъ, студентъ философіи, с. Брунары, были разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ. Эта вѣсть сильно потрясла всѣхъ насъ.

18 окт., воскресенье. — Заказываю вторично жилетку, ибо первый заказъ оказался безуспѣшнымъ. Холодно. Врачъ лечилъ по старымъ приемамъ военныхъ врачей времени Николая I. Онъ принисилъ съ собою лекарство одного рода и пичкалъ имъ всѣхъ больныхъ независимо отъ рода болѣзни, хотя мѣнялъ сорта лѣкарствъ, для разнообразія. Сначала давалъ аспиринъ, другой день каломель, а третій вновь аспиринъ или какое-то иное лекарство.

19 окт. — Подаю прошеніе объ освобожденіи меня изъ лагеря, и отдачѣ подѣ судѣ. Все тѣло моего отца ноетъ и болитъ, боли эти вызваны тѣмъ, что онъ былъ выброшенъ изъ автомобиля во время катастрофы, которая случилась по дорогѣ въ Новый Санчъ, куда его вмѣстѣ съ другими везли на военный судѣ.

20 окт. — Меня избрали комендантомъ отдѣленія барака (цугс-комендантъ). По новому повелѣнію властей лагеря намъ нельзя выходить изъ бараконъ съ 5 ч. вечера до 11 часовъ утра слѣдующаго дня, подѣ угрозой удара штыкомъ. Разрѣшается выходъ или больнымъ или же за надобностью и то только партіями черезъ каждые 2 часа. Въ сортирѣ шли мы сопровождаемые солдатами. Здѣсь по командѣ должны были скинуть брюки и сѣсть на шесть (дрючекъ) для отправленія надобности, по истеченіи короткаго времени (около 2—3 мин.), успѣлъ-ли кто отбыть надобность или нѣтъ, раздавалась команда „одѣвайся“. Вся картина продолжалась не больше 5 минутъ. Одинъ

старикъ не успѣлъ во время раздѣться, за что солдаты сбросили его въ гноевикъ и остались очень довольны своей шуткой. Бѣднаго почти цѣликомъ испачканнаго испражнениями, съ трудомъ удалось намъ вытащить изъ этой ямы. Сначала и для мужчинъ и для женщинъ было одно отхожее мѣсто, такъ, что женщины должны были садиться на шесть вмѣстѣ съ мужчинами. Только значительно позже для женщинъ устроили отдѣльное отхожее мѣсто.

21 окт. — Утромъ мыться можно только съ опредѣленнаго часа и то не больше 15 минутъ; кому бы пришла охота мыться больше или же не въ дозволенное время, того ожидалъ ударъ ногой и т.п. наказанія. Подавленное настроеніе среди интернированныхъ. День теплый, но пасмурный. 65 похоронъ уже было. Сегодня похоронятъ 66-го умершаго. Лагерныя власти сняли съ нашего барака запрещеніе выхода съ 5 ч. вечера до 11 ч. утра и раздаютъ намъ нѣсколько пледовъ и одеялъ.

22 окт. — Холодный день. Какой-то купецъ-нѣмецъ продаетъ намъ фрукты по баснословно высокой цѣнѣ, при томъ держитъ себя вызывающе и гордо, какъ какой-нибудь паша турецкій. Сильный туманъ надъ лагеремъ.

Покупаю лекарство моему больному отцу.

Возлѣ новыхъ деревянныхъ бараконъ строятъ новую кухню. Въ полѣ сохнетъ кукуруза въ снопахъ. Стирійскіе воробы больше нашихъ. Военныя власти наказали одного солдата 5-часовымъ арестомъ за то, что не пробилъ штыкомъ

интернированного крестьянина, за мнимое неповиновеніе ему же, т. е. солдату. Одинъ мальчикъ, осмѣлившійся закурить папироску, подвергся наказанію „шпанги“.

Черезъ Абтиссендорфъ проѣзжаютъ на южный фронтъ одинъ за другимъ военные поѣзда.

На площади передъ бараконъ одни курятъ тайкомъ, ибо запрещено, другіе варятъ чай, а иные гуляютъ. Люди изъ шатровъ переходятъ въ деревянные бараки. Нѣкоторые изъ интернированныхъ молятся по книгамъ. Женщины моютъ платья, а крестьяне держа грязныя рубахи въ рукахъ ищутъ и бьютъ вшей. Кое-гдѣ можно видѣть лежащихъ въ тѣни барака, на землѣ, людей и ведущихъ разговоры. Одни пишутъ прошенія къ начальству, на которые оно не даетъ отвѣта, другіе — полевая открытыя письма, которыя большей частью не выходятъ изъ Талергофа.

Въ нашемъ баракѣ глухонѣмой изъ недопеченнаго хлѣба дѣлаетъ корзинки. Въ большомъ шатрѣ, въ которомъ совершался молебень (параклисъ), живутъ или жили въ разное время: о. Сприссъ, о. Михаилъ Вербицкій, бывший законоучитель гимназіи въ Яслѣ, о. Калужняцкій изъ Борнаго, о. Волянскій, о. Дуркотъ, о. Цюкчинскій, о. Винницкій. о. Отто, о. Михаилъ Еднакій изъ Знагуевичъ, о. Теофілъ Хомицкій, свящ. членъ сейма Метелла, о. Билинскій, о. Кучма, о. Кушниръ, Д-ръ Костышинъ, о. Юркевичъ, Сваричевскій, Д-ръ Совинъ Димитрій изъ Горлицъ, Тымынскій Стеф., Дм. Вислоцкій - юристъ, Вислоцкій, народный учитель, Теоодо-

сий Ядловскій, сынъ дьяка изъ Смерковца, Андрей Кэрль — юристъ изъ Лося, Дмитрій Качоръ изъ Бодановъ, юристъ, Асафатъ Крулевскій, Емилъ Гривна, уч. нар. съ отцомъ своимъ изъ Маластова. Слюзаръ, бухгалтеръ изъ Горлицъ, о. Сеникъ, Понтцкій, Юркевичъ и. др.

24 окт. — День теплый. Раздача соломы и пледовъ и составленіе списковъ новыхъ интернированныхъ.

25 окт. — воскресенье. Хорошая погода. Богослуженіе.

26, 27, 28, 29 окт. — Не писалъ за отсутствіемъ бумаги, которой купить было негдѣ. О. Василій Курилло, съ о. Еднакимъ, и Мохнацкій заказываютъ въ лавкѣ тазъ для мытья, ибо до сихъ поръ мылись мы, поливая воду другъ другу на руки. Сильный дождь и какъ слѣдствіе его ужасная грязь кругомъ барака. Сидимъ въ баракѣ и скучаемъ.

30 окт. — Грязь просыхаетъ. День теплый. Приходятъ вещи моего отца (постель) изъ Бялой. Для насъ это событіе было радостью, ибо до сихъ поръ спали мы на соломѣ, а подъ голову приходилось класть или одѣяла или что нибудь подобное.

Наконецъ устроили почтовое отдѣленіе въ лагерѣ. О. Сприссъ избранъ главнымъ комендантомъ барака № 11. Читаю книгу „Пиусъ IX и его политика“ Пельчара. Впервые моемся въ тазу. Наказанію „anbinden“ подвергся одинъ актеръ-полякъ за то, что ударилъ русскаго студента унив. Раставецкаго по лицу такъ сильно, что Раставецкій облился кровью.

Добія загоняетъ людей въ бараки, чтобы не смотрѣли на наказаннаго актера. Получаю заказанный пледъ, уплаченный до его полученія, но онъ плохого качества и очень тонкій.

31 окт. — Теплый день. Владиміръ Гоцкій захворалъ. О. С. надѣвъ на голову шляпу бой-скаута и подбоченясь, танцуетъ гопака къ общему веселію. Большая часть соблазненная теплымъ днемъ вышла изъ барака: нѣкоторые сѣли на скамейку, другіе варятъ чай, третьи гуляютъ или, держа руки въ дырявыхъ карманахъ, тускло посматриваютъ на проходящихъ, иные курятъ тайкомъ изъ прибрѣтенныхъ тоже тайкомъ трубокъ, еще иные играютъ въ карты или самодѣльные шахматы. Иногда прохожіе толкаютъ другъ друга, извиняясь при этомъ. Нѣкоторые заняты вѣрзываніемъ изъ дерева ложекъ, вилокъ, палокъ или изъ проволоки рѣшетчатыхъ корзинъ, иные же просто лежать на соломѣ и плюютъ въ потолокъ, на подобіе Тенетникова („Мертвая души“ Го-голя).

Главный поваръ приказалъ всѣмъ собраться съ котелками для полученія обѣда за полъ часа до его прихода. Мы собрались и, выстроившись въ ряды по четыре человѣка, ожидали прибытія повара болѣе $\frac{1}{2}$ часа. Одинъ старикъ при этомъ заснулъ, когда дошла до него очередь, то главный поваръ черпакомъ отъ супа ударилъ его по головѣ за то, что тотчасъ же не подставилъ своего котелка.

У насъ господствуетъ ужасная скука. Нѣтъ хуже наказанія, чѣмъ

бездѣйствіе. Читаю одну и ту же книгу по нѣсколько разъ, ибо другой нѣтъ. Среди насъ появляются самоуки парикмахеры. Лучше и дешевле всѣхъ брѣть какой-то батюшка.

За бараками мѣстные стирійскіе крестьяне укладываютъ кукурузу на телѣги и свозятъ домой. Коровы пасутся въ полѣ. Осимь зеленѣетъ. Раздача въ бараки рубашъ и подштаниковъ въ небольшомъ количествѣ.

Ноябрь 1914 г.

1 ноября, воскресенье. — Холодный и пасмурный день. У кого-то пропалъ браслетъ. Въ 9 ч. утра лагерныя власти производятъ обыскъ по баракамъ, отнимаютъ курительную бумагу „Абади“, и составляютъ списки денегъ, имѣющихся у интернированныхъ.

Нашъ „дядя“ С. несетъ острожно черезъ площадь съ гордымъ видомъ, котелокъ полный супа, посвистываетъ и кричитъ, чтобы ему уступали всѣ съ дороги, ибо жаль каждой пролитой капли супа.

Священники совершаютъ вечерню. Комендантъ поста зоветъ меня и велитъ передать священникамъ, что совершать вечерню запрещается. Благодаря моимъ настояніямъ онъ разрѣшаетъ окончить вечерню, но запрещаетъ ее впредь совершать.

2 ноября. — Дожливый и пасмурный день. Лагерныя власти отнимаютъ у интернированныхъ деньги, вносятъ ихъ въ депозитъ. Вводится строжайшая цензура всѣхъ писемъ.

Лемковъ изъ Горлицкаго и Ново-Сандецкаго уѣздовъ, совершенно безъ основанія заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ, переводятъ въ Грацкую тюрьму. О. Тофанъ подвергся 8-дневному одиночному тюремному заключенію въ лагерѣ за то, что продавалъ табакъ.

Вечеромъ, за бараками, возлѣ отхожихъ мѣстъ, подѣ электрической лампой, О. Савула сказалъ собравшимся такую прочувственную рѣчь о будущемъ возвращеніи нашемъ въ Галичину, что у многихъ навернулись слезы на глаза.

3 ноября. — Пасмурно. Власти реквизируютъ суммы денегъ свыше 10 кронъ у интернированныхъ нашего барака.

Дядя С., видя солдата съ ружьемъ, сопровождающаго женщину съ младенцемъ на рукахъ, обратился къ нему со словами: „господинъ постовой, стерегите зорко этого маленькаго измѣнника, чтобы онъ вамъ не удралъ“. Всѣ присутствовавшіе скрытно улынулись, опасаясь ударовъ постового. Юречко изъ Новаго Санча внезапно заболѣлъ и исповѣдывался у присланнаго къ нему священника.

Встрѣчаюсь со вдовой о. Максима Сандовича, православнаго священника изъ Ждѣни, котораго разстрѣляли безъ суда и слѣдствія въ тюрьмѣ Горлицкой 6 сентября 1914 г., въ 6 часовъ утра.

4 ноября. — Раздача соломы по баракамъ. Лагерныя власти производятъ дознание, занося въ протоколъ показанія въ нѣкоторыхъ интернированныхъ изъ Перемыльскаго транспорта.

Солдат прокололъ штыкомъ одного ни въ чемъ неповиннаго интернированнаго.

Юстинъ Воргачъ изъ Флоринки просится въ нашъ баракъ, просьба его удовлетворена.

Воздухъ чистъ. Вечеромъ же туманъ покрываетъ землю, спустя нѣкоторое время онъ подымается вверхъ. Власть свозять дрова въ лагерь волами и лошадьми.

Сегодня кончается третій мѣсяцъ моего заключенія, напрасно потерянное время. Это наводитъ тяжкія думы, все раздумываю я, за что и зачѣмъ меня здѣсь держать такъ долго, сколько дней потерялъ я даромъ, никто и никогда мнѣ ихъ не вернетъ. Грустно и скучно! Каждую минуту можно ожидать ударовъ, побоевъ, криковъ и ругни.

Захарій Ставискій изъ Снѣтницы получилъ отъ своего тестя Александра Дубца переводъ на 10 кронъ, но безъ всякой дописки.

5 ноября. — День теплый, но пасмурный, солнца не видно. Встрѣчаю цыганъ полотнянаго шатра, которые привѣтствуютъ меня радостно, какъ бывшаго своего коменданта, и хвастаютъ полученными отъ властей сапогами и платьемъ, такъ какъ, было, совершенно обносились. Все одна и таже пѣсня. Скука и тоска по роднымъ мѣстамъ.

6 ноября. — Маркусъ — комендантомъ какого то барака. Въ баракахъ №г. 13 померло двое, одного изъ нихъ прокололъ солдатъ штыкомъ за то, что ссорился съ товарищемъ при раздачѣ соломы. Читаю

вѣроятно сотый разъ „Потопъ“ Сенкевича.

Въ лагерѣ холера. Уже ночью власти вывели караулы изъ лагеря и помѣстили ихъ за рѣшеткой. Курить въ виду этого уже можно, ибо никто не наблюдаетъ. Ужасный переполохъ въ лагерѣ. Новая распоряженія по случаю холеры, изданныя врачами — интернированными. На плацу грязь. Запрещается варить чай! Караульные солдаты стоятъ сначала въ разстояніи 3-хъ шаговъ отъ рѣшетки, а потомъ въ разстояніи 10-ти шаговъ. Лагерные повара уже не раздають пищи каждому отдѣльно въ котелки, а только въ ушаты, на каждый баракъ въ отдѣльности. Изъ ушатовъ мы сами дѣлимъ пищу между собою. Всѣ лагерныя лавки (кантины) закрыты. Получить съѣстныхъ припасовъ, табаку или чего-либо другого, нельзя. Курильщики собирають послѣднія крохи табаку, вытряхивая изъ кармановъ табачную пыль и курятъ эти остатки, съ трепетомъ думая и спрашивая, что имъ придется курить, если кантина долго будетъ закрыта. Ванька Вербицкій изображаетъ на бумагѣ картинки жизни интернированныхъ въ лагерѣ. Онъ тщательно оберегаетъ и прячетъ свою живопись отъ ненадежныхъ глазъ.

7 ноября — День холодный и пасмурный. Стирійскіе крестьяне продають намъ хлѣбъ за рѣшеткой. Покупаю 4½ головки чеснока за 30 геллеровъ, какъ противо-холерное средство. Иду съ людьми за хлѣбомъ за рѣшетку. Въ ангарахъ для аэроплановъ встрѣчаю массу русскихъ. Полотняные шат-

ры, какъ видно, опорожнены отъ живущихъ въ нихъ.

Лагерныя власти созываютъ всѣхъ врачей на совѣтъ. Учитель народный Ч. рассказываетъ исторію своей жены, которая была еврейкой и перешла въ католичество. Евреи хотѣли ее отравить, но ей удалось бѣжать и спрятаться у католическаго священника, который и обвинялъ ихъ.

всего на все имѣется одна епитрахиль. Лагерныя власти передаютъ намъ новыя распоряженія черезъ священ. о. Коломыйца.

8 ноября. — Отецъ Василій Курилло собралъ 14 кронъ 41 геллеровъ на покупку ризъ. Смѣна караула возлѣ кухни. Д-ръ фил. Брыть Симеонъ, еврейскій раввинъ изъ Ценшковиць, собирается ѣхать въ Вѣну вмѣстѣ съ другими русскими

На прогулкѣ.

Вечерно совершаютъ священники на пл. Полякъ Уѣйскій, редакторъ „Боруты“, рассказываетъ мнѣ исторію своего заключенія. Среди насъ находится польскій литераторъ Корнилій Попель со своей женой.

Сегодня канунъ праздника св. Димитрія. Это напомнило мнѣ ярмарки въ Избахъ и Бѣлцаревой. Это были хорошіе дни.

Священники собираютъ деньги на покупку церковныхъ ризъ, ибо

подданными, по сколько получить разрѣшеніе. За рѣшеткой русскіе военнопленные продаютъ съѣстные припасы, ибо кантина закрыта. Разговариваю съ Попелемъ. Ночной караулъ въ каждомъ баракѣ. Даю для починки брюки, и въ ожиданіи ихъ починки хожу въ бѣльѣ въ теченіе 2 часовъ, вслѣдствіе чего сильно простудился, такъ какъ другихъ брюкъ не было.

9 ноября. — По площади ходить въ веселомъ настроеніи дядя

С. и поетъ: „Поѣдемъ нынѣ, о которой годинѣ, скажить менѣ добрыи люди, о которой годинѣ?“ — и говорить окружающимъ: „Дядя пѣлъ бы вамъ, но горло просохло, надо его смазать смальцемъ.“ Получивъ 26 геллеровъ отъ кого-то, говоритъ: „Дядя теперь, пожалуй, и споетъ вамъ, а-лишь смотрѣть, нѣтъ ли гдѣнибудъ караульныхъ“. Оглядываясь на всѣ стороны, поетъ и танцуетъ. Всѣ смѣются. Напуганный этимъ громкимъ смѣхомъ, онъ вдругъ останавливается и пугливо озирается на всѣ стороны, не идетъ ли гдѣ караульный солдатъ.

„Жебысте до Галичины поѣхали
И мене вспомянули
Жебысте до Галичины поѣхали
И мене съ собой забрали“.

Говорить эти слова, прощаясь съ нами.

День холодный. Кантина для продажи сала открыта. За рѣшеткой продаютъ хлѣбъ и чай. Въ шатрахъ умерло двое людей. Такой холодъ, что весь день приходится ходить въ шинели, а то еще продрогнешь. Обыкновенная картина барачной жизни, описанная уже нѣсколько разъ.

Знаменіе момента: Среди насъ появились торговцы лукомъ и чеснокомъ, какъ противо-холернымъ средствомъ. Д-ръ Брызъ и Генрикъ Боссовскій торгуютъ чаемъ и сахаромъ. Порція съ сахаромъ стоитъ 6 геллеровъ. Нѣкоторые изъ насъ ѣдятъ хлѣбъ съ саломъ или смальцемъ, которые покупаютъ въ кантинѣ по значительной взвинченной цѣнѣ. Лагерныя власти разрѣшаютъ покупать по небольшому ломтику бочна (кайзерфляйтъ) у

торговца нѣмца, опять таки по баснословно высокой цѣнѣ. Ночью Коломыйецъ съ понятными производить осмотръ всѣхъ и всего, провѣряетъ наличность у всѣхъ заключенныхъ въ баракахъ.

10 ноября. — День солнечный и теплый. Встаю позже обыкновеннаго. Коломыйецъ прочелъ намъ бумагу, по которой 70 человекъ поименно судъ освободилъ и вскорѣ ихъ пустятъ домой. Слѣдственные власти производятъ допросы интернированныхъ черезъ рѣшетку.

Осматриваемъ картины Ваньки Вербицкаго и онѣ намъ очень нравятся, какъ дѣйствительно вѣрное воспроизведение лагерной жизни. Совершаю прогулку по площади въ обществѣ г-жи Сандовичъ и студентовъ.

Врачъ разрѣшилъ намъ ѣсть ветчину, но только больнымъ, каждому больному по 2 небольшихъ ломтика. Заказанная нами ветчина прибыла, и я съ Гоцкимъ дѣлимъ ее между интернированныхъ, за плату. Часто переносимъ зубную боль. Врачи казенные неумѣло рвутъ зубы до того, что послѣ этой операциі все лицо напухаетъ. Мнѣ тоже былъ вырванъ зубъ. Д-ръ Могильницкій изъ Бучача констатировалъ у меня разрывъ десны и кровотеченіе. Въ баракахъ очень много больныхъ, которымъ не даютъ молока. О. Владиміръ Мохнацкій впервые за все время своего интернированія осмѣлился закурить папироску. Одинъ студентъ продаетъ табакъ и бумагу на папиросы. За одинъ листокъ на одну папироску беретъ 6 геллеровъ. Пачку табаку, цѣна которой въ обн-

чное время была всего 13 геллеровъ, продаетъ за 1 крону 60 геллеровъ. Узнаю, что матеріалъ на постройку барака стоитъ 5 000 кронъ. Работа почти ничего не стоила, ибо мы сами строили бараки по приказу властей. Вѣроятно главный мастеръ и его подчиненные, состоящіе на казенной службѣ, что-нибудь и получали изъ казны, но мы обязаны были работать даромъ. Сегодня караульнымъ ночью въ баракъ нашемъ составъ рэвинъ Брытъ; отъ этой обязанности освобождаются только или старики или же больные.

11 ноября. — Туманъ, около 10 ч. появляется солнце. Иду съ однимъ священникомъ за хлѣбомъ и вижу, что въ шатрахъ еще много — интеллигентовъ. Опять составляю списокъ людей нашего барака. Нашъ дядя ведетъ веселую бесѣду съ барышнями. Нѣкоторые женщины варятъ гуляшъ изъ копченого мяса. Скука ужасная.

12 ноября. — Въ 10½ час. утра падаетъ дождь. Выйти нельзя. Сидимъ въ баракахъ и со скуки всѣ варимъ чай, или куримъ. Мыдлярка заболѣла инфлуэнцой. Въ 4 ч. пополудни 77 „украинцевъ“ выходятъ въ сопровожденіи невооруженныхъ 5 солдатъ изъ лагеря, это тѣ, кого выпустили на волю, идутъ въ Граць. Многие изъ насъ сопровождаютъ ихъ до рѣшетки. Въ баракахъ №г. 8 выпущены на свободу: Шеремета, о. Коренець и Чеснокъ. У нихъ отбираютъ котелки.

13 ноября. — Ясный солнечный и теплый день. Нашъ баракъ долго былъ изолированъ и входъ неживущимъ въ немъ былъ запре-

щенъ. Я караулилъ ночью въ баракъ и передъ баракомъ. Встаю въ обыкновенное время и иду съ другими за хлѣбомъ въ ангары, ибо услышалъ, что прибылъ какой-то транспортъ новыхъ интернированныхъ. Увидѣлъ, понятно, издали, о. Хиляка Дмитрія, пароха изъ Избъ, Грибовскаго уѣзда. Слѣдственные власти допрашиваютъ „украинцевъ“. Власти не хотятъ отправлять нашихъ писемъ. Нѣтъ никакихъ свѣдѣній изъ Галичины. Зарождается предчувствіе великихъ событій.

14 ноября. — Хорошій день. Чувствую сильную боль въ спинѣ. За баракомъ и гимназисты и старшіе занимаются гимнастикой. Вечеромъ видимъ, какъ люди возлѣ полотняныхъ шатровъ, жгутъ солону съ вшами на кострахъ. Дымъ отъ этихъ костровъ стелется по цѣлому лагерю. Собралъ 6 кронъ 9 геллеровъ на покупку лизола, какъ дезинфекціоннаго средства. Лизолемъ моемъ руки по нѣскольکو разъ въ день.

15 ноября. — Воскресенье. Сумрачно и грязно. Иду съ людьми за хлѣбомъ и завтракомъ. Священники правятъ обѣдню. Стерегущіе насъ солдаты, пользуясь свободнымъ временемъ, охотятся на зайцевъ въ ближайшемъ лѣсу.

Вечеря. Послѣдній день карантинна. Раздаютъ почту. Священники, развлеченія ради, играютъ въ карты. Вчера Д. поссорился съ Манькой изъ-за аферы Корнгольда. Маньку переводятъ въ пятый баракъ.

16 ноября. — Приморозокъ. Мои штаны и сапоги пришли въ негодность. Читаю повѣствованіе

„Бриллианты барышни“. Приводят два новых транспорта интернированных, один из Горлиць, сопровождаемый преподавателем гимназии Ельшомъ, какъ комендантомъ транспорта, а другой изъ Кракова. Разрѣшеніе полковника курить явно, вызвало великую радость у курящихъ, которые тотчасъ же воспользовались правомъ, демонстративно куря на открытомъ воздухѣ.

17 ноября, вторникъ. — Врачъ призналъ меня больнымъ и велѣлъ лежать въ течение 3 дней. Лежу на соломѣ; народный нашъ поэтъ Федорчика посѣщаетъ меня и читаетъ мнѣ для развлечения свои произведения.

Священникъ о. Кмицикевичъ — Савинъ заболѣлъ инфлуэнцой и лежитъ тоже на соломѣ.

Сегодня врачъ впервые приказалъ натопить желѣзную печку, что вызвало среди насъ восторгъ, ибо часто мы прямо такъ замерзали отъ стужи, въ особенности ночью. Всѣ мы собрались кругомъ печки и радуемся, словно дѣти, теплу, распространяемому этой благодѣтельницей. Килограммъ чаю, какъ я узналъ, стоитъ 15 кронъ. Посѣщаютъ меня д-ръ Дм. Собинъ и юристъ Карель Андрей изъ Лося. Говорятъ, чтобы я составилъ списокъ всѣхъ интернированныхъ лемковъ и возобновилъ Горлицкія записки. Первые мои записки изъ Горлицкой тюрьмы, послѣ разстрѣла православнаго священника о. Максима Сандовича, бросилъ въ терновникъ, опасаясь обыска. (Машакъ и картины Ивана

Вербицкаго). Отецъ Курилло впервые со дня заключенія курить папиросу.

Власти лагеря приказали впервые наклеивать на письма почтовые марки. Очевидно, до сихъ поръ онѣ бросали наши письма въ мусоръ, не высылая ихъ. Марка на письмо стоитъ уже 35 геллеровъ, а не 25 какъ прежде. Поляки идутъ въ 5-ый баракъ, а свящ. о. Отто, Еднакій, и учитель Емильянъ Гивна, вмѣстѣ со многими другими, переходятъ въ нашъ баракъ. Нашъ баракъ переименовали въ 5-ый, а пятый въ первый! Власти лагеря заводятъ новые порядки. Коломеецъ и Добія состоятъ ихъ адъютантами. Первый изъ нихъ усердно работаетъ съ утра до поздней ночи.

18 ноября. — День немного солнечный, но вѣтренный. Возлѣ шатра раздаютъ почту. Я выбралъ двухъ изъ нашего барака въ качествѣ надзирателей за исправностью печекъ, за ихъ отвѣтственностью. Эти люди вскорѣ приобрѣли у насъ особое уваженіе, такъ какъ даже само приближеніе любого изъ насъ къ печкѣ отъ нихъ зависитъ.

19 ноября. — Похороны свящ. о. Сандровскаго. День солнечный, но дуетъ холодный вѣтеръ. Распространился слухъ, что 98 „украинцевъ“, выпустятъ на свободу. Свящ. Отто и Еднакій на паяхъ намѣреваются приобрести умывальникъ (тазъ). Составляю списокъ лемковъ нашего барака.

20 ноября. — День солнечный, но вѣтренный. Произвожу дезинфекцію нашего барака известью,

посыпая ею дорожки между рядами соломы, на которой мы спали.

21 ноября. — Холодно. Первая „вечерница“ в 4 барака. Свящ. Дм. Хилакъ переходит в наш баракъ.

22 ноября, воскресенье. — День св. Михаила. Первый снѣгъ. Первая обѣдня и вечерня в нашемъ баракъ, который о. Отто совер-

23 ноября. — Большой снѣгъ. Встрѣчаюсь съ Дм. Вислоцкимъ. За бараками молодежь играет в снѣжки. Раздаютъ нѣсколько паръ рубахъ и одѣялъ в нашемъ баракъ.

24 ноября. — Утромъ снѣгъ, нѣсколько позже мелкій дождь. Иду за завтракомъ. Высылаемъ Могилу, Савицкаго и Шука за углемъ, ибо

Вмѣсто лошадей,

шаетъ сборнѣ со всѣми священниками.

Я состою второй день замѣстителемъ главнаго коменданта барака. Феологъ Орскій и философъ Перегинецъ состоятъ надзирателями отдѣленій в баракъ.

Вчера нѣкоторые изъ нашего барака справляли свои именины. Свящ. Діонисій Мохнацкій изъ Мохначки находится в нашемъ баракъ. В баракъ № 7 устроена вечерника. Посѣжаю больного о. Нестора Полянскаго.

становится холодно. Власти не хотятъ дать угля, утверждая, что переговоры съ поставщиками (собственно торговцами) угля еще незакончены. Многие, в ихъ числѣ и я — сильно кашляютъ. Похороны Кобылки Николая.

Власти перевели всѣхъ еврей въ 11 баракъ, который потому и получилъ названіе „еврейскаго.“

25 ноября. — Сегодня раздаемъ полученныя отъ властей рубахи и

подштанники между людей нашего барака.

26 ноября. — Узнаю, что почти въ каждомъ баракѣ образовался хоръ.

27 ноября. — Много новыхъ людей переходитъ въ нашъ баракъ. Падаеть снѣгъ, но въ общемъ тепло.

28 ноября. — Пришелъ новый транспортъ интернированныхъ, который распределяютъ по баракамъ. Въ нашемъ баракѣ есть 200 человекъ, изъ которыхъ нѣкоторые спятъ на сырой землѣ, ибо нѣтъ соломы. Солома, на которой мы спимъ, стерлась и смѣшалась съ грязью.

29 ноября. — Холодно. Вода замерзла. Потомъ потеплѣло. Иду съ людьми къ повару съ ушатомъ за завтракомъ, котораго поваръ старается дать какъ можно меньше. Отправляюсь послѣ этого вторично къ повару съ просьбой дать намъ немного угля, ибо въ баракѣ отъ стужи нельзя выдержать, а много больныхъ стонетъ и трясется отъ холода, но пьяный поваръ съ палкой бросился на меня и лишь благодаря его помощнику, русскому, я успѣлъ спастись бѣгствомъ. Мои люди тоже удираютъ, послѣдній изъ нихъ, стоявшій найближе къ повару получилъ ударъ въ спину палкой, которую поваръ, съ крикомъ, отборныхъ ругательствъ, бросилъ ему въ догонку.

Молодежь устраиваетъ хорошее пѣніе въ баракѣ. Она поетъ и лемковскія свѣтскія и церковныя пѣсни. Люди злой воли доносятъ на нее 2 постовымъ, которые сейчасъ поспѣшили къ нашему бара-

ку, но намъ удалось уладить этотъ инцидентъ мирнымъ образомъ.

Получилъ открытку отъ Ивана Черкавскаго, преподавателя гимназіи въ отставкѣ, который спрашивается про адресъ живущаго теперь во Вѣнѣ Іосифа Гартвига, полковника въ отставкѣ.

30 ноября. Понедѣльникъ. — Въ баракѣ холодно. Власть раздають женщинамъ нѣсколько десятковъ сапогъ и солому. Одному священнику за то, что хотѣлъ взять себѣ немного соломы, солдатъ палкою перебилъ руку.

Слѣдственные власти допрашиваютъ гимназиста Богдана Кмицикевича. Въ нашемъ баракѣ починають дверь, которую никогда нельзя было плотно закрыть. Мизеракъ чистить лампу. Дръ Мациухъ ѣстъ хлѣбъ съ масломъ и, слыша пѣніе, говоритъ: „вотъ лемки поютъ!“ Червинскій просматриваетъ исторію. Одни варятъ чай, другіе же изъ кубиковъ, купленныхъ въ кантинѣ, варятъ гороховый супъ. Нѣкоторые же отогрѣвають полбу, воображая себѣ, что она приобрѣтетъ лучшей вкусъ.

Кирилловъ, производящій чистку бѣлья, приводитъ его въ порядокъ, совмѣсно со старикомъ Базаромъ. Кто-то изъ крестьянъ просилъ другого остричь его. Гривна съ какимъ-то филологомъ играютъ въ шахматы. Свящ. Отто ѣстъ очень медленно, а о. Еднакій молится изъ молитвенника.

Декабрь 1914.

1—2 декабря. — Около 130 человекъ, наши „украинцы“ и по-

ляки, выпущенные на свободу, выехали уже не сопровождаемые конвоем, в Грацъ. Передъ тѣмъ лагерныя власти отобрали у нихъ данныя имъ казенныя предметы, какъ „менажки“, одѣяла и пр.

Изъ нихъ 10 человѣкъ, за неимѣнiемъ путевого документа, вернулись. Нашъ баракъ получилъ незначительный транспортъ соломы. Выѣхавшіе въ Грацъ были: Подлускій Владиміръ изъ Перемишля, Посадскій Левъ, о. Крушельницкій, о. Левицкій Августъ и Владиміръ, со. Охримовичъ, Гродзичскій изъ Зарѣча, юристъ Ладыка, Шухевичъ Юліанъ, начальникъ почтового отдѣленія въ Ценжковцахъ, Ганкевичъ, завѣдывающій высшимъ начальнымъ училищемъ, д-ръ Назарукъ, редакторъ „Громадского Голоса“, Чижъ, преподаватель учительской семинаріи, Мыслякъ, почтовый чиновникъ, и др.

3 дек. — Императорскій день. Собираемъ деньги на Красный Крестъ. Я собралъ въ нашемъ баракѣ почти 6 кронъ. Поляки устраиваютъ иллюминацію и украшаютъ свой баракъ флагами. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ петличкѣ ленточки цвѣтовъ флаговъ австрійскаго и польскаго.

Объдно совершаетъ соборнѣ съ другими священниками, старшій изъ нихъ о. Дольницкій. Многочисленный хоръ поетъ великолѣпно и приводитъ въ восторгъ присутствующихъ австрійскаго офицера и его солдатъ. Во время пѣнія австрійскаго гимна „Боже буди покровитель“ одинъ изъ солдатъ держалъ въ зубахъ папироску. На объдно пришли преимущественно люди

изъ нашего барака, даже старики. Престоль украсилъ зеленью Данилюкъ.

Сегодня выпустили на свободу 8 человѣкъ, а изъ нашего барака: Галаха и Бабяка. Вечеромъ упалъ почти лондонскій туманъ, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Разсматриваю всеобщую исторію. Врачъ д-ръ Могильницкій констатируетъ у Телищака изъ Кривицы воспаленіе легкихъ, а у Жолкевича воспаленіе почекъ.

4 дек. — День довольно теплый. Бѣлградъ занятъ, почему вѣ Грацѣ ночью на воскресенье открыли побѣдно торжествующую пальбу.

Занятія людей въ баракѣ изо дня въ день почти тѣ же: послѣ завтрака идетъ ловля вшей, сначала осматриваютъ бѣлье, потомъ и платье. Вшей масса. Послѣ этого курятъ или дѣлаютъ папиросы на продажу, затѣмъ ходятъ изъ барака въ баракъ навѣстить своихъ знакомыхъ, собираются кучками и или бесѣдуютъ кой о чемъ, или поютъ, или же играютъ въ разныя игры.

Дорошъ уѣзжаетъ вѣ Грацъ. Падаетъ сильный дождь. О. Оришкевичъ устроилъ надъ своимъ логовищемъ навѣсъ изъ соломы для охраны отъ дождя. О. Копыстянскій держитъ надъ головой зонтикъ, ибо протекаетъ черезъ крышу. Это дало мнѣ возможность обратиться вниманіе д-ра на неисправность крыши и просить его о представленіи властямъ рапорта о необходимости починки крыши.

Гимназисты составили группу съ дѣвушками и поютъ. По иници-

тивъ о. В. Курилло въ нашемъ баракѣ впервые совершается вечерня, во время которой многіе плачутъ. Онъ приказалъ сшить епитрахиль изъ сѣраго полотна, на оборотной сторонѣ которой всѣ бывшіе въ лагерѣ священники положили свои подписи въ память талергофскаго лѣтна.

5 дек. — Введение въ храмъ Пресв. Богородицы. Съ разрѣшенія властей о. Гнатышакъ ѣдетъ въ Грацъ на операцию. Слѣдственные власти допрашиваютъ Будзиновскаго и многихъ другихъ. Макарь, комендантъ, утверждаетъ, что (старіки) 60-лѣтніе „украинцы“ должны получать лучшей столъ. Впервые пенсионеры получаютъ эмеритурю. Вечеромъ въ нашемъ баракѣ молодежь поетъ „коляды“. По приказу властей составляемъ списокъ столяровъ, вѣроятно заста ваятъ ихъ что-то строить.

6 дек. — Утромъ исторія съ Морисомъ из-за ушата.

Постовой солдатъ выстрѣлилъ въ одного челсвѣка, намѣревающагося перейти за рѣшетку, однако пуля попала не въ этого челсвѣка, а въ другого, который въ тотъ моментъ молился въ баракѣ № 15. Сейчасъ прибылъ д-ръ Могильницкій и 2 лейтенанта, велѣли взять раненаго въ лазаретъ, гдѣ спустя 2 часа раненый скончался. Его похоронили въ 6 ч. послѣ обѣда.

Изъ нашего барака высланъ былъ на похороны, какъ представитель, Гоцкій. Умершій былъ русскимъ душою.

Власти открываютъ госпиталь. Изъ нашего барака врачъ перево-

дить въ госпиталь Зуба и Петришака Антона изъ Криницы, такъ какъ у одного было гнойное а у другого обыкновенное воспаление легкихъ, полученное ими вслѣдствіе нестерпимой стужи, господствующей из-за недостатка топлива въ нашемъ баракѣ.

Вечерня, на которой присутствуютъ многіе изъ другихъ барачковъ. Въ баракѣ №г. 2 столяры дѣлаютъ нары (причи) изъ досокъ. Кулинарное искусство въ нашемъ баракѣ разсраивается, теперь все время царить зловоніе отъ пригорѣвшихъ съѣстныхъ припасовъ. Многіе съ вымытыми, но мокрыми носовыми платками стоятъ или сидятъ у печки и сушатъ ихъ, а потомъ прячя въ карманъ сухой носовой платокъ, возвращаются къ своему ложу. Нѣкоторые мастерятъ чемоданчики изъ дерсва, получаемаго и покупаемаго за рѣшеткой. Лемко Барна разсказываетъ товарищамъ исторію приобрѣтенія накидки и сапогъ, многіе осматриваютъ съ нескрываемой завистью эти вещи и разсуждаютъ, что изъ этого плаща можно было бы сдѣлать.

7 дек., воскресенье. — Постовые шатра сдѣлали изъ снѣга чорта къ великой радости дѣтей, которую однако одинъ изъ нихъ омрачилъ словами: „это русскій батюшка, сдѣлуйте его“.

Сегодня выпускаютъ „патріарха лагеря“ о. Дольницкаго. Я по хожу къ рѣшеткѣ, возлѣ которой собралась значительная толпа интернированныхъ, и вижу, за рѣшеткой стоитъ въ черномъ лѣтнемъ пальто и черной поярковой

шляпѣ почтенный старикъ съ 2 котомками въ рукахъ, привѣтливо прощающийся съ провожающими его людьми. Это и есть о. Дольницікій, душа лагеря, поддерживающийъ въ насъ бодрость духа.

Онъ стоитъ въ снѣгу и печально глядитъ на своихъ и обводитъ глазами весь лагерь, гдѣ пробылъ нѣсколько тяжелыхъ мѣ-

Конвойный солдатъ ведетъ о. Дольницікаго на станцію. Они съ нимъ вышли уже на дорогу. Мы всё смотримъ имъ вслѣдъ и видимъ, что солдатъ, замѣтивъ утомленіе о. Дольницікаго, взялъ у него одну изъ котомокъ. Тогда о. Дольницікій еще разъ оборачивается и издали креститъ рукой всѣхъ.

Уборка снѣга.

сяцевъ. Ноги у старика подкашиваются, видя это, выносимъ скамейку, на которую старикъ садится и тихо бесѣдуетъ съ Коломыйцемъ, но и этотъ отдыхъ его недологъ: появляются офицеры и велятъ ему идти. Тогда онъ робко поднимается, снимаетъ шляпу и прощается со всѣми, благославляя ихъ словами: Слава Іисусу Христу. — Слава во вѣки — отвѣчаетъ толпа — счастливый путь, дядя, будь здоровъ, до свиданія! — Тысяча шляпъ поднимается въ воздухъ.

Печально смотримъ въ сторону ушедшихъ и каждый въ душѣ винитъ власти, что не подвезли его на станцію лошадыми. Долго стоимъ и смотримъ за удаляющимися отъ насъ, пока густой туманъ не скрылъ ихъ отъ нашего взора. Съ поникшей головой расходимся, ибо ушла отъ насъ душа лагеря.

8 дек. — Въ 9 ч. утра уѣзжаетъ 11 человекъ, а въ 11 часовъ 17 человекъ въ Граць. Изъ нашего барака Мужинець и Сколевый. День солнечный и ясный.

9 дек. — Удалось мнѣ получить отъ властей 50 рубахъ, 18 одѣялъ и 35 онучей для нуждающихся въ нашемъ баракѣ. Я покупаю лампы за 4 кроны. Эта первая лампа въ лагерѣ вызвала восторгъ въ нашемъ баракѣ, ибо даетъ возможность читать и писать даже ночью.

10 дек. — Получаю изъ магазина для нашего барака 50 паръ онучей и 30 одѣялъ датскихъ, которые набиты вмѣсто ваты тоненькими обрѣзками бумаги, но толщина одѣяла незначительна. И такія одѣяла произвели радость, ибо многіе спали въ томъ, въ чемъ ходили.

Передъ обѣдомъ уѣзжаетъ въ Граць на свой счетъ транспортъ изъ 56 человекъ.

Въ 4 часа пополудни скончался въ госпиталѣ св. о. Сприссъ. Немедля отправляюсь въ госпиталь, гдѣ застаю священниковъ, отправляющихъ панихиду по покойномъ. Власти лагеря впервые выдаютъ депозиты людямъ 5-го барака.

11 дек. — Похороны о. Сприсса и 2 другихъ умершихъ. Польскій ксендзъ Замоискій тоже присутствуетъ на похоронахъ. Хоръ, регентомъ котораго является Смолинскій, поетъ соотвѣтственныя русскія пѣсни и одну польскую похоронную пѣсню „Въ могилѣ темной“. Гоцкій — завсегдагатай всѣхъ похоронъ. Грязь ужасная. О. Сприссъ похороненъ подъ соснами.

Власти берутъ 4 сотни интернированныхъ на земляныя работы, платя имъ по 20 геллеровъ въ сутки. У комендантовъ бараконъ съ

ними больше хлопотъ, ибо приходится спеціально для нихъ держать ушаты съ ѣдой.

По приказанію властей дѣлаемъ списокъ больныхъ и калѣкъ и стариковъ, для осмотра и — допроса.

12 дек. — Ужасная грязь на площади и между бараками. Слѣдственные власти допрашиваютъ Гоцкаго, Гладія и другихъ.

Казенный врачъ далъ распоряженіе комендантамъ бараконъ приводить больныхъ, въ госпиталь съ книгой больныхъ, которую я получилъ отъ Гельмана.

Послѣ вечерни священники играютъ въ „тарока“ а молодежь поетъ сначала коляды, а потомъ и свѣтскія пѣсни. О. Дикій и Гривна присматриваются играющимъ и вставляютъ свои замѣчанія знатковъ. Н. Копыстьянскій пишетъ прошеніе властямъ, о Мохнацкій Влад. бесѣдуетъ со своими прихожанами. Многіе варятъ чай. Морисъ при печкѣ вѣчно занимается мойкой бѣлья. Печка хорошо грѣетъ, ибо трубочистъ привелъ ее въ порядокъ. Кузминскій, обыватель г. Дор., каменщикъ, рассказываетъ встрѣчному и поперечному, какъ его допрашивалъ аудиторъ (военный судья), и какъ онъ удостоился чести быть позваннымъ первымъ къ судѣ, въ присутствіи какого-то коменданта барака Крестьяне слушаютъ его съ любопытствомъ и съ почтеньемъ. Послѣ этого поетъ пискливымъ старческимъ голосомъ: „Миръ вамъ, братья, всѣмъ приносимъ“, а потомъ рассказываетъ крестьянамъ сказки. Онъ — съдой старикъ, худощавый, одѣтый въ заплятанное разноцвѣтными кусоч-

ками платье, съ самодѣльнымъ ко-
лакомъ изъ разноцвѣтнаго одѣяла.
Онъ производитъ впечатлѣніе ка-
кого-то восточнаго „мага“.

Наши трубочисты чистятъ всѣ
печки въ лагерѣ.

На канунѣ св. Андрея по обык-
новенію гадали.

13. дек. — День св. Андрея
Первозваннаго. Обѣдня.

Главный комендантъ лагеря
приказалъ черезъ комендантовъ
бараковъ всѣмъ священникамъ
явиться къ нему. Когда у него соб-
ралось нѣсколько сотъ священни-
ковъ, онъ обратился къ нимъ съ
требованіемъ повліять на крестьянъ,
дабы они работали и въ праздники,
мотивируя это тѣмъ, что военное
время не признаетъ никакихъ празд-
никовъ. Священники, выслушавъ
его требованіе, разошлись, понуря
головы и рѣшивъ не говорить объ
этомъ крестьянамъ.

Видно, какъ работники, несмо-
тря на праздникъ, копаютъ на пло-
щади въ ужасной грязи. Въ бара-
кѣ собираемъ деньги для уплаты
трубочистамъ и на расходы по кан-
целяріи.

14. дек. — Орскій, д-ръ Мас-
цохъ, Клеcko и Бутринскій долж-
ны выйти изъ лагеря въ Грацъ.
Въ лагерѣ подъ управленіемъ офи-
цера сапернаго баталіона произво-
дятся дороги между бараковъ; во-
лами навозятъ камни и песокъ, а
по бокамъ дороги дѣлаютъ рвы
для стока воды. Строятъ при этомъ
новые бараки и готовятъ для про-
веденія сѣтей электрическаго освѣ-
щенія.

Власти выдаютъ депозиты лю-
дямъ и разрѣшаютъ совершать
покупки одежды въ Грацѣ черезъ
агентовъ.

15 дек. — Продолжаютъ ра-
боту около дороги. Сносятъ огра-
ду у бараковъ. Грязь ужасная.

Составляю списокъ обитате-
лей нашего барака. Священникамъ
впервые выплачиваютъ жалованіе.
Кузминскій, „обыватель и камель-
щик“, заболѣлъ.

Вечеромъ выхожу на площадь
покурить и вижу Гоцкаго, держа-
щаго въ одной рукѣ стаканъ чаю,
а въ другой папиросу, одновремен-
но и курить и пить чай.

За бараками проводятъ доро-
гу. Съ цѣлью утрамбованія дороги
саперный офицеръ, съ помощью
сотни человекъ и трехъ паръ во-
ловъ, доставилъ тяжелый трамбо-
вочный валъ, который эти люди
съ трудомъ вытащили изъ грязи.
Возлѣ кантины проводятъ водо-
проводы. Гурра назначается комен-
дантомъ отдѣленія барака. Соби-
раю на память подписи всѣхъ жи-
вущихъ въ баракахъ.

16 дек. — День теплый. Въ
2 ч. пополудни выходитъ изъ ла-
геря транспортъ интернированныхъ
въ Грацъ, среди нихъ: Петръ Явор-
скій — старикъ, который сначала
не хотѣлъ ни за что ѣхать, но
послѣ раздумалъ, собралъ вещи,
распрощался со всѣми и уѣхалъ.

Въ моемъ баракѣ 212 чело-
вѣкъ, изъ которыхъ много боль-
ныхъ, такъ что ежедневно веду по
нѣсколько человекъ въ лазаретъ.
Вшей такъ много, что не успѣваемъ
ихъ уничтожать, солома пропитана
и ими и грязью.

Барна и Демчакъ, крестьяне — лемки, у которыхъ бороды значительно отросли, бръютъ другъ друга обыкновеннымъ перочиннымъ ножикомъ и даже обѣщаютъ даромъ обрить старика Базара, обросшаго на подобіе первобытнаго человѣка. Базаръ лежитъ скорченный на горсточкѣ грязной соломы и, опираясь на руку, недоувѣрчиво глядитъ на нихъ. Одинъ дякъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, народный учитель, подходитъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и полупшепотомъ предлагаетъ мнѣ пойти въ одинъ изъ бараконъ на рюмку „сливянки“, которую тому баракону удалось раздобыть.

Впервые удалось мнѣ купить чернилъ и перьевъ; до сихъ поръ я писалъ письма только карандашомъ.

Одинъ изъ священниковъ, съ дяками и крестьянами, поетъ коляды, вторить имъ одинъ народный учитель и, видно, отдался этому пѣнію всей душой. Вдругъ пересталъ пѣть и заплакалъ, крестьяне посняли шляпы и дальше поютъ. У другихъ также появились на глазахъ слезы. Приготовляющіе супъ сидятъ, понутивъ головы. Старики же, лежа на соломѣ, разговариваютъ со своими сосѣдями. Одинъ желѣзнодорожный чиновникъ ложится спать съ видомъ оскорбленнаго человѣка, ибо Балабанъ сказалъ ему, что у него борода такая, какъ у „москаля“.

17 дек. — Морозъ сковалъ грязь. До обѣда уѣзжаютъ въ Грацъ: д-ръ Масцоухъ Вас., д-ръ Николай Ив. Антонецъ, Орскій Влад., Сав. Вудзиновскій, Теофилъ

Хомицкій и другіе, числомъ 26 человекъ. Они прощаются съ нами сердечно, а мы сопровождаемъ ихъ до ограды.

Въ 1-омъ баракѣ заведено электрическое освѣщеніе. Нашъ баракъ солдаты покрываютъ извнѣ папкой. Нѣкоторые изъ насъ приобретаютъ тайкомъ отъ солдатъ обрѣзки папки съ цѣлью подложить ихъ подъ солому, чтобы вода не пропитывала соломы.

Сегодня съ почты прибыло значительное количество посылокъ изъ Галичины съ съестными припасами для интернированныхъ.

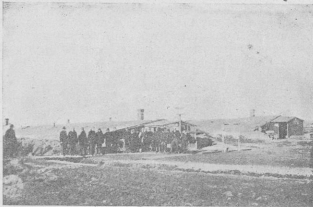
Я получилъ отъ одного изъ интернированныхъ нашего барака нѣсколько яблокъ. Впервые послѣ долгомѣсячнаго заключенія я, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, ѣлъ яблоки и восхищался ихъ вкусомъ. У о. Еднакаго есть здѣсь одинъ изъ прихожанъ по фамиліи Гаврилюкъ, который ради того, чтобы быть близко своего батюшки, служитъ ему безвозмездно. Это человекъ добрый, съ голубыми глазами, весьма преданный своему священнику. Онъ моетъ его бѣлье, чиститъ платье, готовитъ чай и всякую ѣду, стаканы моетъ, потирая пепломъ, сполоскивая водой, и вытирая рукавомъ своей дыривой свитки.

18 дек. — Канунъ св. Николая Чудотворца. Угнетенное настроеніе, ибо праздникъ приходится справлять далеко отъ родныхъ.

Въ лазаретъ, въ виду множества больныхъ, прибыли два новыхъ медика и одна сестра милосердія. День почти холодный.

Макаръ, посредникъ между нами а властями лагера, составляетъ списокъ крестьянъ, вызываемыхъ къ допросу. Податной чиновникъ, живущій въ нашемъ баракъ, рассказываетъ мнѣ, на какихъ основаніяхъ Макаръ составляетъ списокъ допрашиваемыхъ. Съ Гоцкимъ назначенъ Борухъ комендантомъ I отдѣленія. Власти приказываютъ провести въ нашемъ баракъ электрическое освѣщеніе.

ромъ Гр. Дѣвушки и гимназисты колядуютъ „Богъ предвѣчный“, а затѣмъ затыгиваютъ лемковскія пѣсни. Костовецкій поетъ что-то другое, кажется „Bog się rodzi“, а Котельницкій вторитъ ему. О. Отто старательно поправляетъ свое ложе, чтобы солома не оказалась слишкомъ жесткой и одѣяло его хорошо прикрывала., Жолкевичъ молится, со сложенными на груди руками и устремивъ взоръ въ электричес-

Землянки рабочихъ дружины.

Уже нѣсколько дней Базаръ боленъ и лежитъ на соломѣ, держа ноги въ мѣшкѣ съ соломой. За котелкомъ съ ѣдой протягиваетъ свою тощую руку и съ жадностью принимаетъ за ѣду. Порой ведетъ бесѣду со своимъ сосѣдомъ Куриловымъ о своей сторонущкѣ. О. Хилакъ Дм. ведетъ уроки съ 2 гимназистами въ темномъ углу барака. Послѣ науки играютъ въ „торока“ съ Гривной и о. Мака-

кую лампу. У печки собралась группа особенно продрогшихъ людей. Морисъ, по обыкновенію, кипятитъ воду на чай, жаритъ картошку и болтаетъ безостановочно со всѣми. Тутъ же о. Игнатій Мохнацкій уже, можетъ быть, съ полчаса силится продѣть нитку въ иголку, но напрасно: то нитка влѣво, а иголка вправо, то на оборотъ. Видя эти безплодныя попытки, Куриловъ подходитъ къ нему

съ помощью и наконецъ дѣло налаживается. Любезно благодаря за содѣйствіе, о. Мохнацкій, съ торжествующимъ видомъ, принимается за шитье.

20 дек., воскресенье. — Бороухъ, какъ комендантъ отдѣленія, хозяйничаетъ съ выдающейся энергіей

Прибыль новый транспортъ интернированныхъ. Въ нашемъ баракѣ помѣстили 3 „украинцевъ“ и одного нѣмца.

Юстинъ Воргачъ, солтысъ изъ Флоринки (лемко), обращается съ просьбой къ Базару дать ему нѣсколько небольшихъ гвоздей (цвяковъ), которые по его мнѣнію должны бы быть у Базара. Большой Базаръ, недовольный тѣмъ, что кто-то нарушаетъ его покой, въ сердцахъ бросаетъ фразу: „чтобъ зубы твои стали цвяками!“ послѣ чего всовываетъ ноги въ мѣшокъ съ соломой и, ложась на спину, закрываетъ глаза, но все таки поочередно открываетъ то одинъ, то другой глазъ, слѣдя за движеніями Воргача, какъ бы опасаясь непріязненныхъ съ его стороны дѣйствій. Увидѣвъ же, что Воргачъ надѣваетъ свой кожанъ и выходитъ на дворъ, чтобы покурить, говорить: „вотъ, смотрите, Воргачъ не даетъ мнѣ покоя, докучаетъ, хорошо что уже ушелъ“.

Приходить 2 юриста и рассказываютъ о новомъ военномъ законѣ. Еврей Мандель, кучерявый, по обыкновенію, читаетъ книгу, лежа на соломѣ. Гоцкій, въ самодѣльной фескѣ на головѣ, со стаканомъ чаю въ одной и папирской въ другой рукѣ, ведетъ диспутъ съ однимъ

священникомъ, о. Дикій, прислушиваясь этому диспуту, гладить изрѣдка свою жиденькую бородку и, кивая головой, приговариваетъ „ну такъ, ну такъ“, и частенько вздыхаетъ. Затѣмъ Гоцкій надѣваетъ длинную овечью шубу и самодѣльные сапоги. Калоши изъ соломы, съ деревянными подошвами, и, въ той же фескѣ, держа стаканъ чаю въ одной, а папирсоу въ другой рукѣ, отправляется медленнымъ шагомъ на дворъ гулять, стуча деревянными подошвами своихъ самодѣльныхъ калошъ. Тутъ онъ поочередно подходитъ то къ одному то къ другому изъ своихъ знакомыхъ, а въ лагерѣ почти всѣ знакомы между собой, угощаетъ каждаго папирской и жадно расправившись про новости Собравихъ такимъ образомъ, утомленнымъ возвращается въ баракъ и съ видимымъ наслажденіемъ передаетъ ихъ намъ. Одѣтый въ теплое плотно прилегающее пальто, о. Гр. Макарьъ лежитъ на соломѣ, накрывъ голову каракулевой шапкою и все думаетъ, видно, не веселую думу, но неожиданно для стоящаго возлѣ него сосѣда студента университета, обращается къ нему со словами: „а ты отправилъ на почту открытку къ женѣ?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ отворачивается и засыпаетъ.

21 дек. — Впервые появились въ баракѣ 2 электрическія лампы. Стало въ немъ свѣтло. Эта новость привела живущихъ въ баракѣ въ восторгъ: Священники тотчасъ же встали и начали служить вечерню. Врачи производятъ прививки противотифозной сыворот-

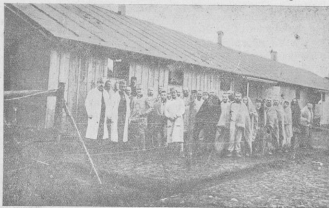
ки. Послѣ этого одинъ изъ живущихъ въ баракѣ устраиваетъ концертъ. Сначала поетъ изъ оперы „Страшный дворъ“, а потомъ мелочи. Составленъ списокъ пѣсней, распѣваемыхъ во всемъ талергофскомъ лагерѣ.

22 дек. — Простудился гдѣ-то, ибо сапоги мои протекаютъ, а починить ихъ негдѣ. Лежу, какъ и многіе другіе, на соломѣ, въ горячкѣ. Многіе изъ насъ больныхъ на-

а въ трегій еще какое-то лекарство.

Солдаты, видя, что въ баракѣ всѣ больны, не берутъ никого на работу. Живущимъ сначала въ шести первыхъ баракахъ прививаютъ противо-тифозную сыворотку, а затѣмъ во всѣхъ прочихъ баракахъ.

Вечеромъ выпалъ снѣгъ. Бороухъ заступаетъ комендантовъ барака, ибо оба они больны.

Зимой передъ баракомъ.

ходятся даже въ бреду. Лѣкарствъ нѣтъ, а врача видимъ только утромъ и то не больше 15-ти минутъ, его замѣняютъ студенты-медики I, II и III курсовъ, принося лекарство одного типа и пичкая имъ всѣхъ больныхъ безъ разбора, не принимая во вниманіе характера болѣзни хвораго. И такъ больной глазами получаетъ въ одинъ день аспиринъ, а въ другой каломель,

Власти, замѣтивъ усиливающуюся смертность у интернированныхъ, разрѣшаютъ одному изъ купцовъ Граца продавать интернированнымъ сахаръ, чай и пр. състные продукты.

23 дек. — Лежу и читаю фелетонъ Т. Герцля, ибо, не имѣя сапогъ, не могу ходить. Грязь смѣшалась со снѣгомъ. Изъ Граца прибываетъ братъ Вл. Бачинскаго

и черезъ рѣшетку здороваеся съ нимъ и передаетъ ему вещи и письма. Въ нашъ баракъ переводятъ власти изъ Граца 4 людей и налагаютъ на нашъ баракъ 15-дневной карантинъ.

Ухъ, какъ грустно и тяжело жить въ баракѣ!

24 дек. — День теплый. Получаю починенные сапоги, за что уплатилъ 4 кроны, и гуляю по площадке. Впервые получаемъ капусту и фасоль, къ которой примѣшано что-то похожее на мясо.

Получаемъ свѣжую солому, что даетъ возможность выбросить гнилую солому и на ея мѣсто положить свѣжую, но не всѣмъ это удается, ибо соломы немного. Барачный сапожникъ изъ интернированныхъ только сегодня получилъ кожу и тотчасъ же принялся за починку сапогъ интернированныхъ. Цыруль и Османъ дѣлаютъ деревянные чемоданчики. Подсаднюкъ дѣлаетъ небольшие деревянные кресты съ надписью: „на память изъ Талергофа“. Лемки изъ села Лосье играютъ въ карты, а другіе, лежа на соломѣ, бесѣдуютъ между собою. Базаръ произвелъ сенсацію, ибо постригся и побрился, т. е. снялъ свою густую и длинную бороду, послѣ чего расѣлся на соломѣ, на мѣшкѣ, и шьетъ. Въ баракѣ продаютъ казенный хлѣбъ по весьма дешевой цѣнѣ, по 20 геллеровъ за булку, ибо деньги нужны на лекарства, кожу и прочее.

Фута и Кузьминскій, сидя возлѣ печки, ведутъ бесѣду о чемъ-то въ задушевномъ тонѣ. Бандровскій вновь пишетъ, уже красками, картины изъ талергофской жизни.

Евусаякъ, чумакъ занимающийся извозомъ дегтя (мазаръ) изъ Лосья, жуя хлѣбъ, въ лежачемъ положеніи, иронически моргаетъ на присутствующихъ.

Интернированные разговариваютъ между собой о событіяхъ войны почти полушолотомъ. Вдругъ приходитъ кто-то и спрашиваетъ у одного изъ разговаривающихъ, не узналъ ли онъ какихъ-нибудь новостей съ театра военныхъ дѣйствій. Спрошенный, не зная въ лицо пришедшаго, стѣбчаетъ, что ничего не знаетъ. За то другой говорить пришедшему, что расскажетъ ему и начинаетъ фантазировать, перелетая свои фантазіи общезвѣстными дѣйствительными фактами.

25. дек. — Снѣгъ таеетъ, грязь невозможная. Въ сортиръ проложена лишь одна доска, по которой можетъ пройти одинъ человекъ, такъ что встрѣчаясь съ выходящимъ изъ сортира, или самъ же встрѣчный, должны всегда сойти въ грязь. Куртуаизъ во всемъ. Г. гуляетъ въ вѣлѣнемъ плащѣ и съ зонтикомъ, единственнымъ въ лагерѣ.

Латинскій праздникъ Рождества Хр. Получаемъ раньше обыкновеннаго завтракъ и что-то сладкое, но неизвѣстно что: чай или кофе. Въ третій разъ выдаютъ интернированнымъ депозиты. — Нѣкоторые изъ Восточной Галичины записываютъ лемковскія пѣсни. Многие изъ досокъ и папки устраиваютъ навѣсы надъ головой, ибо крыша протекаетъ. Одному спящему упало нѣсколько капель воды на лицо, онъ срывается съ мѣста, оглядывается безпокойно вокругъ и бѣ-

жить къ тому мѣсту, гдѣ сухо, ложится и засыпаетъ вновь.

26. дек. — День теплый. Собираемъ 5 кронъ на телеграмму Францу-Иосифу и его 3 министрамъ и даемъ деньги о. Евгению Хиляку изъ 8-го барака. Вѣроятно эта телеграмма останется гласомъ вопіющаго въ пустынь. Во второмъ отдѣленіи официально константированы возвратный тифъ. Это вызываетъ у каждого изъ насъ опасеніе зараженія, но полагаться остается только на волю Божию и отпорность и выносливость своего организма.

Ночью приходитъ транспортъ интернированныхъ поляковъ изъ Кракова. Когда они узнали, что въ лагерѣ тифъ, то пришли въ ужасъ.

Въ баракахъ выдѣлываютъ изъ дерева сапожные гвоздики для ботинокъ. Многіе изъ больныхъ передаютъ словесное завѣщаніе односельчанамъ на случай своей смерти и даютъ имъ наказъ, какъ распорядиться оставшимся послѣ нихъ добромъ.

27. дек. — Воскресенье. Грязь. День почти теплый. Священники совершаютъ обѣдню, а спустя короткое время, вечерню. Одного интернированного, который взялъ тайкомъ у повара 10 картошекъ, лагерная власть наказала 2-часовымъ „anbinden“, при чемъ солдатъ до того сильно затянулъ веревками почти голаго человѣка, что тотъ, несмотря на то, что наши ухаживали за нимъ, прикрыли его своими одѣялами и т. п., не выдержавъ этого наказанія и ночью скончался. Многіе печально смотрятъ на эту жертву, а одинъ гимназистъ силится увѣковѣчить эту картину,

зарисовывая ее на полотнѣ. Голодъ и холодъ донимаютъ насъ все острѣй. О. Еднакій говоритъ, что мы ѣдой талергофской не „напханы“, а только „наляны“ (налиты), ибо поваръ на литръ воды даетъ одну картошку.

Власти свозятъ хлѣбъ, солому, полбу и др. съѣстные припасы лошадьми и волами.

Распространился слухъ, что администрація лагеря намѣрена перевести всѣхъ изъ I. участка въ III., гдѣ господствуетъ тифъ. Опасаясь этого, выбираемъ депутацію къ властямъ, съ просьбой оставить насъ на мѣстахъ. Въ нашемъ баракахъ, по соглашенію съ врачомъ, издано распоряженіе касательно тифа. Врачъ д-ръ Дорикъ прочелъ лекцію о тифѣ и о предохранительныхъ средствахъ. Собираемъ деньги для больныхъ и нищихъ. Я собралъ 5 кронъ 30 геллеровъ и сдалъ ихъ Вл. Венгриновичу. Нѣкоторые студенты изучаютъ французскій языкъ. Дѣяки поютъ колады.

28. дек. — Главный комендантъ лагеря приказываетъ комендантамъ барачковъ явиться къ нему съ рапортомъ и говорить, что до сихъ поръ насъ власти наказывали плетью, а теперь стануть прокалывать штыками, ибо вахтеннымъ отдано приказаніе прокалывать штыкомъ всякаго упрямаго или дерзкаго по ихъ мнѣнію интернированнаго. Тоже самое повторяетъ нашъ комиссаръ Тымчакъ.

Въ 2 ч. ночи скончался 67-лѣтній крестьянинъ Афанасій Павловскій изъ Галича. Похоронное шествіе сопровождали оо. В. Курилло,

Вл. Венгринович и еще один священник, только до рѣшетки. Дальше запрещено было сопровождать покойника, котораго понесли 4 человека изъ нашихъ, сопровождаемые конвойными солдатами, подучаетъ кожу и съ усердіемъ принимается за починку сапогъ. Жаркая ссора изъ-за лампы съ наблюдающимъ за ея исправностью. Раздаютъ впервыя жалованіе преподавателямъ гимназій. О Вас. Курилло заказываетъ очки, ибо глаза его ослабѣли вслѣдствіе сырости и др. лагерныхъ причинъ.

29. дек. — Сегодня раннимъ утромъ одинъ изъ больныхъ, почти въ бреду, взявъ котелокъ и пошелъ къ рѣшеткѣ за водой, ворота были открыты. Постовой солдатъ вѣроятно крикнулъ ему „стой“ (halt), но онъ, сонный, не слышалъ окрика и шелъ дальше, тогда солдатъ выстрѣлилъ и ранилъ его, при чемъ ранилъ вторымъ выстрѣломъ другого, который побѣжалъ за первымъ, чтобы его вернуть. Раненыхъ тотчасъ же отвели въ лазаретъ. Распространился слухъ, что въ лагерѣ воскресъ мертвецъ.

Это, вѣроятно, былъ больной, который находится въ легкомъ летаргическомъ снѣ. Прибывшій медикъ, констатировалъ смерть вѣлѣлъ похоронить его. Мнимаго покойника, положили въ гробъ, въ дѣйствительности въ ящикъ, въ которомъ обыкновенно доставляютъ въ Галичинѣ яйца, забили крышку и понесли „къ соснамъ“; въ боковыхъ воротахъ рѣшетки одинъ изъ несущихъ покойника спотыкнулся, чѣмъ вызвалъ сострашеніе ящика;

почти тотчасъ же, внутри ящика, послышался стукъ, несущіе, въ испугъ, опустили ящикъ и стали отбивать крышку. Лежащій въ ящикѣ пошевельнулся и даже открылъ глаза, тогда вынули его изъ ящика и повели обратно въ лазаретъ. Постовой же солдатъ донесъ властямъ, что мертвецъ воскресъ.

Весьма возможно, что провѣрка факта смерти производилась медиками небрежно, только для виду. Такой медикъ тыкалъ предполагаемаго мертвеца палкой въ разные мѣста тѣла и, если тотъ не шевелился, признавалъ его мертвымъ, хотя тотъ могъ находиться въ летаргическомъ снѣ. Что же касается трехдневнаго срока для похоронъ, то его не придерживаются изъ-за эпидеміи тифа. Въ виду этого могло быть и больше такихъ случаевъ, когда мы по приказанію властей хоронили своихъ товарищей въ летаргическомъ снѣ, сами не зная этого. Только случай съ мнимо воскресшимъ открылъ намъ глаза на эту полную ужаса возможность.

Гура и Сулятицкій сушатъ бѣлье у печки. О. Оришневичъ, смотря въ маленькое зеркальце, тщательно расчесываетъ свою бороду. Дьяки и псаломщики ищутъ старательно въ молитвенникѣ тропари и кондаки къ ближайшему празднику.

Крыша нашего барака до того покрылась дырами, что вода во время дождя летится струями на наши головы.

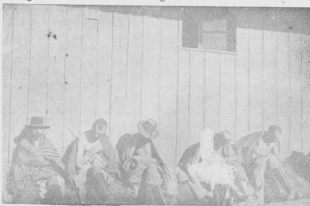
Власти приказали намъ составить списки всѣхъ неграмотныхъ

и учителей, не объявивъ цѣли этихъ списковъ.

Заика мальчикъ, Павелъ Мизеракъ, рассказываетъ о домѣ своего прежняго хозяина. Лѣсникъ Крайнякъ (лемко) съдой старикъ, худощавый, съ длинными усами и бородой, человекъ нрава тихаго, съ болѣзненнымъ видомъ лица, небольшого роста, разговариваетъ со своимъ сосѣдомъ о томъ, какъ теперь проводятъ время зайцы и серны,

сильный туманъ. Фельдфебель приказываетъ всѣмъ намъ выйти на площадь и строиться въ ряды, послѣ чего провѣряетъ нашу численность, дабы убѣдиться, не удралъ ли кто изъ насъ, но всѣ оказались налицо.

Изъ „семейнаго барака“ переводятъ часть людей въ бараки III участка. Главный комендантъ лагеря издастъ новыя распоряженія по лагерю и приказываетъ подчинить

Борьба съ „внутреннимъ“ врагомъ.

на Лемковщинѣ, послѣ этого высказываетъ мнѣніе, что лучше всего живется на свѣтѣ кошкѣ, ибо она всегда найдетъ мышку, а убить кошку не такъ легко, а онъ врядъ ли доживетъ до освобожденія изъ плѣна и возвращенія домой, и скорѣй же придется лежать „подъ соснами“. Послѣ чего поворачивается и засыпаетъ.

30. дек. — День солнечный и въ общемъ хорошій, вечеромъ

ся имъ съ 1-го января 1915 года. Вслѣдствіе весьма сильнаго тумана никто не выходитъ изъ баракозъ О. Зацерковный поетъ нѣкоторыя выдержки изъ оперъ „Лозингринъ“, „Гальки“ Монюшки и „Страшнаго Двора“; пріятный тембръ его голоса трогаетъ всѣхъ, даже болѣзные приподымаются и слушаютъ его плѣне съ видимымъ удовольствіемъ. Послѣ этого присоединяется къ нему Каз. Червинскій и по-

еть съ нимъ коломыйки и краковьяки.

31. дек. — Афера Д., коменданта III участка, и другихъ интернированныхъ. Говорятъ что онъ еще какъ комендантъ ангара, уже присваивалъ себѣ много вещей, которыя власти присылали для интернированныхъ, билъ сильно послѣднихъ и вообще обходясь съ ними жестоко, старался нажитья на ихъ счетъ. Предпринятая у него ревизія дала уличающіе его доводы. У него нашли много одѣяль, бѣлья, сапогъ и др. вещей. Всѣхъ виновныхъ арестовали, посадили въ тюрьму въ Грацѣ. Это было для насъ маленькимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ, ибо впервые лицо, имѣвшее власть надъ жителями ангара, понесло вѣроятно заслуженное наказаніе. (Точнѣе узнать бы можно изъ уголовныхъ актовъ въ судѣ въ Грацѣ). Въ баракахъ III участка есть по нѣсколько комнатъ съ печками, тогда какъ у насъ баракъ представляетъ одну длинную комнату съ 2 печками. Недалеко отъ бараковъ III участка стоитъ церковь съ 2 престолами. Если бы не то обстоятельство, что вблизи III участка находится тифозный баракъ, жить въ баракахъ III участка многіе согласились бы, въ виду ихъ большаго удобства. Немного подалеке виднѣется арестный баракъ, баня и землянки.

Власти разрѣшаютъ чтеніе польскихъ и нѣмецкихъ газетъ.

1915 годъ.

1. января. Латинскій новый годъ. Харчи сегодня даютъ получше и 2 раза въ день кофе. День

теплый. Беру съ собою 13 чело-вѣкъ, не имѣющихъ одежды, и иду съ ними къ фельдфебелю Новaku, завѣдывающему магазиномъ съ одеждой. Къ радости неизреченной приведенныхъ мною, всѣ они получили по платью, благодаря только хорошему настроенію фельдфебеля. О. Курилло покупаетъ въ Грацѣ черезъ агента шахматы. Вотъ цѣна денегъ: Зелесу упала 10-геллеровка въ солому; ставъ на колѣни, онъ шарить рукой въ солому, раздвигая ее, но все безрезультатно. Лобъ его поморщился, лицо приняло напряженное выраженіе, все ищетъ, все глубже раздвигая солому, наконецъ видно, какъ лицо его проясняется, онъ вынимаетъ платокъ, давно не видѣвшей мыла и отираетъ потъ съ чела. Ока зывается 10 галлеровъ были неподалеку отъ доски. Схвативъ ихъ, онъ, завязываетъ эту монету въ платокъ и сорвавшись съ мѣста почти бѣгомъ направляется въ лавку съ съѣстными припасами.

3. января. — Послѣ обѣда упаль до того сильный и густой туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно. Въ 2 ч. пополудни уже начинаетъ пробиваться сквозь туманъ солнце. Врачъ (медикъ) уменьшилъ число порцій бульона, выдаваемого по рецепту больнымъ, до нѣсколькихъ порцій на весь баракъ.

Интернированнымъ выдаютъ только заказныя письма. Вотъ обычная картина: Базаръ спитъ прикрытый съ головой датскимъ одѣяломъ, но ноги его торчатъ изъ подъ одѣяла голыя. Одѣяло это онъ старается держать въ возможной чистотѣ, выбивая ежедневно

изъ него пыль передъ баракомъ. Руссиякъ, изъ Верхомли, сидитъ на деревянной скамейкѣ, понутивъ голову, печальную думаетъ думу.

4. янв. — Грязь. Кузьминскаго и Моруса переводитъ комендантъ участка въ 8-ой баракъ. Кузьминскій сначала объявилъ намъ, что онъ не пойдетъ, ибо если его перевелъ въ баракъ солдатъ, то и солдатъ его долженъ отвести въ другой баракъ, но послѣ сообразивъ, что сказалъ чепуху, говорить, „а что будетъ, если придется солдатъ и еще чего добраго изрядно поколотить, ужъ лучше пойду, по доброй волѣ“ — и пошелъ.

Власти объявили списокъ лицъ, которые должны явиться съ дорожными (легитимациями) документами. Можно себѣ представить радость тѣхъ, чьи фамилии были прочтены, ибо это означало свободу. 6-ой баракъ изолированъ, ибо въ немъ появились заразительныя (эпидемическія) болѣзни. Всѣ съ понятнымъ трепетомъ проходятъ мимо 6-го барака и читають надпись „заразительныя болѣзни“. Женщины молятся, подходя къ кресту, и цѣлуютъ его, нѣкоторыя же плачутъ.

О. Сѣлецкій Алек., „бояринъ“ изъ Дошницы, стоя у окошка кантины въ хвостѣ за молокомъ, въ тотъ самый моментъ, когда дошла до него очередь получить часть стакана молока и уплатить за него, неожиданно покачнулся и упалъ, и подняли мы уже мертвца. Эта мгновенная смерть, въ связи съ появившимися заразительными болѣзнями и большой смертностью, подѣйствовала на насъ крайне удручающе. Распространился слухъ, что

село Криница возлѣ Н. Санча сожжена.

5. янв. — День приятный, хотя и свѣжо. Въ 2 ч. пополудни состоялись похороны о. Сѣлецкаго при большомъ скопленіи народа. Въ открытомъ гробу, кулленнымъ въ Грацѣ, вижу покойника, блѣднаго, со склоненной на бокъ головой. Хоронятъ его: оо. Вл. Венгриновичъ, Вас. Курилло, Мих. Вербицкій и др. Хоръ поетъ превосходно. Чтеніе евангелія о. Венгриновичемъ произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ.

По сегодня, какъ мнѣ извѣстно, похоронено въ Талергофѣ 250 человекъ. Шатры, возлѣ сосноваго лѣса уничтожены и только кучи грязи, угля и соломы, пропитанной вшами, свидѣтельствуютъ, что тамъ недавно жили и страдали тысячи людей.

Веду больныхъ своего барака въ амбулаторію и вижу, какъ несутъ изъ какого-то барака въ лазаретъ тифознаго больного. Каруль I участка, въ виду распространения заразныхъ болѣзней, удралъ изъ шатровъ, которые стоятъ разваленныя. Кантины облегли интернированные и стараются купить что только удастся, запасаясь съѣстными припасами, ибо предвидится возможность изолировки бараконъ, а тогда не будетъ возможности выйти изъ барака за покупкой.

6. янв. — Канунъ Рождества Хр. по старому стилю. Павель Святковскій, войтъ гмины Мохначки, (лемко), въ 4 ч. утра подрѣзалъ себѣ лѣвую сторону горла ножомъ почти на 2 пальца вглубь, ибо ему снилось, что австрійцы

хотя́ть его разстрѣлять, думая въ горячкѣ, что лучше самому покончи́ть съ собой. Разбудивъ сосѣда Ждыняка, просилъ его призвать священника. О. Зацерковный исповѣдалъ его, не зная смачала, что такое съ нимъ случилось. Кирилловъ, слыша стонъ Святковского, спросилъ его, что съ нимъ, получивъ отвѣтъ, что тотъ подрѣзался, разбудилъ меня. Узнавъ въ чемъ дѣло, я призвалъ врача нашего барака, д-ра Дорика, который сдѣлалъ предварительныя перевязки. На утро я повелъ Святковского въ лазаретъ.

7 янв. Власти прислали нашему бараку транспортъ бѣлья для раздачи. На обѣдъ, ради праздника, раздають макароны съ какимъ-то постнымъ масломъ. Священники совершаютъ литію, послѣ чего раздають: вино, просфоры и кутью. О. Отто держитъ рѣчь, всѣ мы, безъ различія партій и народности, желаемъ другъ другу всего наилучшаго. Поемъ въ радостномъ настроеніи коляды. Павелъ Посацкій, завѣдывающій начальнымъ училищемъ въ Подбережьѣ, возлѣ Станиславова, благодаритъ священниковъ и Гоцкаго за устроенное торжество по случаю праздника Рож. Христова, на что ему отвѣтилъ рѣчью Гоцкій. На ужинъ получаемъ кофе, молочную бѣлую булку и яблоки.

Комиссаръ Тымчакъ приказываетъ людямъ нашего барака обслуживать 1, 2 и 6 бараки закрытые по причинѣ карантина. Назначаемъ для обслуживания тифозныхъ барачковъ: поляковъ, нѣмцевъ и чеховъ нашего барака, а то изъ-за

того, что они не празднуютъ те перь. Вечеромъ стоять нѣкоторые люди съ протянутыми вверхъ руками, какъ бы въ молитвенной позѣ, но не всѣ въ дѣйствительности молятся. Солнышко сквозь открытыя окна проникаетъ въ баракъ, освѣщая его внутренность и звуки торжественной молитвенной пѣсни — несутся ввысь. Послѣ кофе хоръ дѣвушекъ поетъ коляды, при чемъ голоса: Евы Соболевской и Анны Масляной выдаются среди другихъ особенно мило; наша молодежь, сдѣлавъ лошадь и переодѣвшись въ еврейскіе костюмы, стала колядовать среди барачковъ, пока караульные не прогнали ее. За колядующими шла дѣтвора съ кружками въ рукахъ. Сегодня, по приказанію полковника, лагерныя власти не назначаютъ уніатовъ и православныхъ на работы.

8. янв. — У Святковского, подъ влияніемъ болѣзни, появилась манія преслѣдованія и склонность къ самоубійству, онъ, находясь въ больницѣ, прокололъ себя шиломъ. Эта ненормальность его вызвала со стороны властей приказаніе слѣдить за каждымъ его шагомъ. Къ нему приставленъ спеціальныи сторожъ. Узнавъ о томъ, что онъ прокололъ себя шиломъ, мы пришли къ нему и уговоривали его не покушаться на свою жизнь, а сохранить ее для возвращенія въ родныя мѣста.

Видимъ, что за рѣшеткой, подымается вверхъ австрійскій самолетъ.

9. янв. — Венгерскіе солдаты везутъ на телѣгахъ испорченные аэропланы, вѣроятно для починки, и

поютъ при этомъ венгерскія (военныя) пѣсни.

10. янв. — Грязь. Гуляемъ по доскамъ за сортиромъ возлѣ рѣшетки и покуриваемъ папиросы. Последніе дни отъ бездѣлья, ходимъ спать раньше обыкновеннаго.

Вчера проводили мы заболѣваго тифомъ Петра Домбровецкаго въ 20-ый баракъ. Полеты самолетовъ за рѣшеткой совершаются постоянно. Нѣкоторые изъ насъ

Одинъ старый дьякъ, собравъ вокругъ себя кучку людей, учитъ ихъ пѣть какую-то коляду, размахивая при этомъ рукой и моргая бровью и въ тактъ потупывая ногой. Такъ какъ пѣвчіе сначала поютъ довольно тихо, то слышится издали только пристукиваніе ногой, но затѣмъ пѣвчіе овладеваютъ мотивомъ и вдругъ раздастся громкое дружное пѣніе коляды.

Сожеженіе „живой“ соломы.

отъ бездѣлья выходятъ изъ бараковъ и цѣлыми часами слѣдятъ полетъ аэроплановъ, высказывая свои взгляды на аэротехнику. Госпиталь получаетъ транспортъ датскихъ одѣялъ и бѣлья для больныхъ.

Одни въ баракѣ выдѣлываютъ изъ дерева табакерки, папиросницы и скамейки, другіе же моютъ бѣлье, а иные составляютъ списки пѣсенъ, или же ведутъ дневники жизни въ лагерь.

О. Дикій задумчиво бродитъ между рядами соломы; хотъ тѣломъ онъ съ нами, но всѣми своими помыслами и душой онъ въ родныхъ мѣстахъ. Костовецкій же моетъ ушаты и поетъ: „Христосъ родился, Богъ воплотился“ и „Дивная новина“. Нотаріальный депендентъ Любомиръ Качмарчикъ, отъ скуки и тоски, не находитъ себѣ покоя.

Отъ бездѣлья затѣяли дурацкую „игру въ войта“. Посыпались наконецъ разныя остроумныя за-

мѣчанія и шутки и такимъ образомъ коротаемъ время.

13. янв. — Дни вѣтренные и холодные, люди торчатъ въ баракахъ, ибо холодно. Комиссаръ издаетъ почему-то запрещеніе читать газеты подѣ строжайшей отвѣтственностью. У многихъ изъ насъ пальцы у рукъ и ногъ отморожены. Въ амбулаторію перестали принимать больныхъ за отсутствіемъ своднаго мѣста.

Въ изолированномъ баракѣ № 1, умеръ вечеромъ одинъ народный учитель.

14. янв. — Русскій Новый Годъ и праздникъ Василія Валикаго. Даже начальство отнеслось, повидимому, къ этому празднику съ уваженіемъ, ибо даютъ намъ на завтракъ кофе и на ужинъ чай.

Политическій комиссаръ издаетъ распоряженіе содержать площадь въ чистотѣ и порядкѣ. Народнымъ учителямъ раздають жалованіе.

15. янв. — День хорошій. Аэропланы поднимаются вверхъ возлѣ лагеря, къ удовольствію смотрящихъ на ихъ полетъ жителей лагеря.

Въ 5 ч. пополудни состоялись похороны О. Юсифа Д. Черкаскаго. На нашъ баракъ пришлось 34 датскихъ одѣялъ, которые и розданы чинимущимъ. Дезинфекцируютъ нашъ баракъ извѣстью.

16. янв. — Изъ нашего барака идутъ нѣкоторые купаться. Одинъ человѣкъ получилъ кровотеченіе; иду съ народнымъ учителемъ Богачикомъ искать медика и чуть-чуть не былъ я проколотъ постовымъ, который не только не хо-

тѣлъ меня пустить за рѣшетку, но даже отказался извѣстить медика, и только бѣгствомъ спасся, а больной до того истекъ кровью, что къ вечеру скончался. Власти сгоняють людей здоровыхъ подбирать и ссыпать въ кучи картофель, купленный ими въ значительномъ за пасѣ и покрывать его землей для предохраненія отъ холода. Въ госпиталѣ подѣ лѣсомъ скончался тифозный больной Джугало.

Въ баракѣ № 1, страшно свирѣпствуетъ тифъ, уже 20 больныхъ тифомъ перенесены въ лазаретъ. По причинѣ тифа закрытъ баракъ № 3. Собираемъ деньги подѣ баракомъ для вдовы С. Осматриваемъ картины изъ жизни Талергофа, писанія Бандровскимъ. Столяры подготавлиють подсвѣчники къ празднику Богоявленія.

17. янв. — Ночью умерло 15 человѣкъ. Власти превратили въ спѣшномъ порядкѣ баракъ № 12, въ госпиталь, ибо нехватаетъ мѣстъ въ существующихъ лазаретахъ.

Большого Кашана перевозю въ лазаретъ. Если болѣзнь будетъ такъ распространяться, то все равно, нашъ баракъ станетъ лазаретомъ.

Ввиду того, что почти во всѣхъ баракахъ нѣтъ здоровыхъ, за исключеніемъ нашего, власти назначаютъ людей на работу почти исключительно изъ нашего барака по 170 человѣкъ ежедневно.

Изъ-за все новыхъ трудностей и осложненийъ Перегинецъ отказывается отъ обязанности раздавать харчи въ нашемъ баракѣ и эту обязанность беретъ на себя Гура. Отъ врача получаемъ керосинъ,

которым мажемъ себя, какъ предохранительнымъ средствомъ, противъ заразы.

Въ лагерь доставили два вагона соломы. Новый врачъ д-ръ Поллякъ заводитъ новые порядки, касательно соломы, купанья и проч., но всѣ больные скептически относятся къ его распоряженіямъ.

Одинъ преподаватѣль гимназій, съ цѣлью заработать, читаетъ всѣ попадающіяся ему въ руки газеты, а нужно признать, что онъ ухитряется всегда раздобыть по нѣсколькимъ газетъ, и за деньги сообщаетъ газетныя новости. За это прозвали его „ходячей газетой“.

17. янв. — По распоряженію врача, отправляемся въ баню, партіями купаться, помѣщающуюся въ одномъ изъ бараконъ, гдѣ есть даже бассейнъ съ теплой водой. Въ банѣ было такъ жарко, что нѣкоторые изъ насъ лишились чувствъ; ими занялась сестра милосердія, старающаяся привести ихъ въ чувство.

На Іорданъ наши священники посвящаютъ воду. Куликъ съ Борухомъ раздаютъ на обѣдъ мелкую крупу (грисикъ) съ макарономъ.

Власти загоняютъ людей прямо изъ бани на работу, расчищать снѣгъ между бараками, несмотря на то, что снѣгъ валитъ комьями и тотчасъ засыпываетъ расчищенное мѣсто. На эту работу взяли также больного Михаила Русиняка, который покорно поплелся. Я обратилъ вниманіе постового, что эта работа, пока падаетъ снѣгъ, не имѣетъ смысла, на что получилъ отвѣтъ: „приказъ есть приказъ“.

Снѣгъ падалъ весь вечеръ и всю ночь.

Въ теченіе дня умерло 23 человекъ въ лагерь. Д-ръ Майеръ тоже умеръ. Взаправду „Отецъ замученныхъ“ Словацкаго является только тѣнью по своимъ страданіямъ въ сопоставленіи съ тѣмъ, что мы здѣсь переживаемъ.

18. янв. — Дуетъ холодный вѣтеръ. Освященіе воды вышло величаво. Дьяки поютъ хорошо. Послѣ обѣда служатъ вечерню. Я все время лежу на соломѣ подъ одѣяломъ, ибо очень зябну.

Борухъ отказывается отъ своихъ обязанностей коменданта отдѣленія. Вечеромъ вышла процессія съ 12 гробами „подъ сосны“, этотъ видъ производитъ удручающее впечатлѣніе и вызываетъ тревожное настроеніе у жителей і участка.

Списокъ интернированныхъ нашего барака представляется такъ:

І отдѣлъ: Ілья Чижъ, Афанасій Мыдляръ, Іосифъ Фольварковъ, чиновникъ почтовый, изъ Каменя, уѣзда Ниско, крестьянинъ Василій Шулякъ, сапожникъ Михаилъ Билякъ, Георгій Ваглицъ, стьянинъ, работникъ Иванъ Скливаръ, портной Эрвстъ Вейсъ (нѣмецъ), стolarъ Іванъ Новакъ, переплетчикъ Василій Колодій, Василій Гладіо, чиновникъ изъ Закличина, Василій Тытыкъ, Владиміръ Гоцкій, начальникъ податного участка въ Закрчинѣ, Василій Бабякъ, Михаилъ Галахъ, Михаилъ Данилюкъ, офиціаль суда въ Закличинѣ, возлѣ Бжеска; Михаилъ Мельникъ, мясникъ, Іосифъ Муринець, строительный предприниматель, Иванъ Мельникъ, мясникъ Людочмаръ Киѣлевскій, чин. почт., изъ Жабна; Іосифъ Ванчикъ, канцеляристъ изъ Закличина.

II. отдѣлъ барака: Іосифъ Поповичъ, Ілья Блишанъ, дьякъ изъ Нижанковецъ, уѣздъ Перемишль; Максимъ Головка, сапожникъ; Константинъ Осьмакъ, муляръ;

Семень Тымочко, рабочий; Иванъ Середа Степанъ Качмарь, крестьянинъ; Григорій Старко, крестьянинъ; Максимъ Цыруль, стюляръ; Василій Федакъ, Василій Бакяла, мясникъ; Ома и Теодоръ Мелешакъ, крестьяне; Василій и Иванъ Лись, Игнатій Ксьендзякъ, крестьянля; Иванъ Папирникъ, муляръ; Михаилъ Савула, рабочий.

III. отдѣлъ: Даниль Милько, Дорофей Витовичъ, рабочий; Иванъ Балашъ, Даниль Зелесь, оба рабочіе; Григорій Маликъ, крестьянинъ; Онуфрій Репко, Григорій Кошка; дякъ Николай Сенюра; крестьяне: Николай Салдинъ и Иванъ Хархалисъ; Онуфрій Роботницкій, Теодоръ Совичъ, Василій Гирный, Михаилъ Богущкій, Софронъ Шалай; стражъ при жел. дорогѣ, рабочіе: Михаилъ Галиста; Юрій Банащъ, Николай Бенько; крестьяне: Иванъ (отецъ) и Михаилъ (сынъ) Школьники.

IV. отдѣлъ: Лейба Вольфъ, Василій и Иванъ Иваичика; стюляръ Теодоръ Петрышакъ; муляръ Иванъ Попельчукъ; рабочіе: Петръ Кузьмакъ, Теодоръ Палачъ, Лука Пляскунъ, Юрій Стеранка, Михаилъ Мастюкъ; крестьяне: Андрей Гарбера, Василій Мадей, Антонъ Кузьминскій, Яворскій Петръ, Стефанъ Салыжинъ, Василій Сукнацкій, Теодоръ Зубъ, Василій Фута.

V. отдѣлъ: Романъ Жолкевичъ, богословъ въ Завишахъ, уѣздъ Сокаль, Иля Гаврилишинъ, юристъ; Петръ Ключко, учитель; Эмилианъ Гринна, учитель изъ Маластова; о. Іоаннъ Златоустъ Отто; о. Михаилъ Еднакій, изъ Нагуевичъ; о. Влад. Мохнацкій изъ Гирной; о. Василій Теод. Курнало изъ Флоринки, Теофиль Вас. Курило, коммерсантъ и юристъ изъ Флоринки; о. Савинъ Кмицкевичъ Богданъ Кмицкевичъ гимназистъ; Михаилъ Максимчакъ, гимназистъ изъ Флоринки; о. Григорій Макарь изъ Угерецъ минеральныхъ; Владиміръ Савиновичъ Будзиновскій, преподаватель гимназій; о. Романъ Копыстьянскій; о. Владиміръ Бачинскій и его сынъ Іосифъ, гимназистъ.

VI. отдѣлъ: Павелъ Мизеракъ рабочий и его сынъ Іосифъ; крестьяне: Конрадъ Ждынякъ, Павелъ Святковскій,

войтъ; Илько Трушь, Теодоръ Базаръ, извошникъ; Бренья Лука; крестьяне: Григъ Децъ, Павелъ Барва, Дмитрій и Іосифъ Демчакъ, Иванъ Репакъ, Андрей Ващишинъ Иванъ Войтко, Федько Гаврилюкъ, Иванъ Малкошъ, торговщикъ Олекса Подсалюкъ, дѣшной сторожъ.

VII. отдѣлъ: Стефанъ Муранецъ, стюляръ; Петрашъ Пропокъ, стюляръ; крестьяне: Афанасій Павловскій, Николай Евусякъ, Михаилъ Руссинякъ изъ Верхомли великой; Иванъ Мазуръ, учитель; Іосифъ Звѣрикъ, учит. семинаріи; Василій Базилевичъ, крестьянинъ; Максимъ Карпякъ, портной изъ Климовки, уѣздъ горлицкій; Кондаль, Хомякъ крестьянинъ Иванъ Гени; рабочий Юстинъ Вергачъ изъ Флоринки; Дмитрій Юречко изъ Н. Санча; Иванъ Носекъ, рудокопъ; Патроникъ Іосифъ, Тимофей Букеда, Асафатъ Крайнякъ дѣшной сторожъ; крестьянинъ Иванъ Урбанъ.

VIII. отдѣлъ: Петръ Вербенець. Ив. Максимовичъ, нар. учитель; Михаилъ Перегинець, философъ вѣнскаго университета; Антоній Петрышакъ, Іосифъ Копыстьянскій, эмер. вахмистръ жандъ; Михаилъ Телишакъ, Онуфрій Нестеракъ, эмер. нар. учитель; Мих. Ѡ. Нестеракъ, гимназистъ; Владиміръ Нестеракъ, дѣловодчикъ; Павелъ Бандровскій, гимназистъ; Александръ Телехъ, гимназистъ изъ Лысы; Іосифъ Урбанъ, гимназистъ; Петръ Брунарскій, Иля Сенько, Дм. Дзядикъ; — крестьяне: Іосифъ Грыбень, банковый служащій; Вас. Сулима, сапожникъ; Семень Гриньчукъ, рабочий и Теодоръ Савицкій.

Кромъ выше упомянутыхъ, пребывали еще въ нашемъ баракъ, нѣкоторое время:

Григорій Волкъ, Ѡаддей Корнгольдъ, Артуръ Попель, Іосифъ Уейскій, Франць Іосефатъ о. Алекс. Полянскій, Семень Ждынякъ, Іоаннъ Томаль, Викторъ Тенча, Мих. Кириловъ, Антонъ Готфредъ, Якимъ Кирпакъ, Лесько Пилипчакъ, Евстахій Балабанъ, Онуфрій Орскій, богословъ; Евстахій Вильчинскій, богословъ; Ома Крехо, Франць Тухъ, (который работаль въ кухнѣ); Людвикъ Могила Мавей Мавърь, книгопродавецъ; Мечиславъ Крейсь, помѣщикъ; Войтехъ Боровичъ, Андрей Шеремета, Владиславъ и

Вацлав Родовичъ, Илія Мовчко изъ Н. Санча; Іоаннъ Сехурскій, Корнилій Левисскій, Антонъ Сулятицкій, Захарій Стависскій, промышленникъ изъ Свѣтницы; Д-ръ О. Мастоухъ. Любоміръ Качмарчикъ, депендентъ нотаріальный въ Снятинѣ; о. Теофілъ Качмарчикъ изъ Бѣлцаревой, Максимиліанъ Дьячукъ, Генрихъ Боссовскій изъ Ценжковичъ; д-ръ Романъ Ѳ. Дорикъ, врачъ; о. Теодоръ Дорикъ изъ Ветлина; Григ. Старко, Александръ Настазы, Рожнецкій, Владиміръ Качмарчикъ, юристъ изъ Бѣлоцаревой, Михаилъ Остапюкъ, Людвикъ, Гербецъ, Авраамъ Блюменрейхъ, Мельникъ, Заход-

въ давкѣ, вообще многіе кучками по 2 и по 3 человѣка стоятъ или гуляютъ, живо разговаривая.

Кучка крестьянъ окружила костеръ, который поддерживаемъ кусками уворованной доски. Пламя костра то потухаетъ, то вновь вспыхиваетъ ярко.

Хотя постовымъ запрещено было держать газеты, все таки они ухитряются раздобывать эти газеты, ибо продаютъ ихъ намъ по цѣ-

Дезинфекція бараковъ.

никъ, Драганъ, Грейфъ, о. Дм. Хиликъ изъ Избѣ, Іосифъ Поруцѣдло, дякъ изъ Мохначки нижней — хороший пѣвецъ, М. Назаркевичъ, учитель гимназ. изъ Львова; о. Игнатій Мохначскій изъ Войтковой; Юліанъ Каз. Червинскій, дякъ изъ Полнятичъ; Александръ Пирогъ, дякъ въ Поворозникъ и др.

19. янв. — День холодный, не смотря на это нѣкоторые изъ молодежи, стоя возлѣ табачной лавки, долго разговариваютъ съ дѣвушками, другіе покупаютъ хлѣбъ

намъ значительно превышающимъ стоимость газеты. Счастливый обладатель газеты позволяетъ только своимъ закадычнымъ друзьямъ прочитывать эти газеты, но за плату отъ 5 до 20 геллеровъ. Одно чтеніе же газеты всѣмъ людямъ оплачивается иногда 4 кронами и совершается со всѣми предосторожностями, дабы постовые не замѣтили этого, ибо могли бы подвергнуть строгому наказанію. Газета

по прочтении уничтожается, чтобы ее не нашли при обыске. Каждый барак имѣть челоѵка, специально занимающагося контрабандою газетъ и газетныхъ свѣдѣній.

20. янв. — Вслѣдствіе отказа Гоцкаго отъ исполненія должности коменданта барака; собраніе живущихъ въ баракѣ общимъ постановленіемъ, вопреки моему желанію, выбрало меня комендантомъ барака. Въ виду этого, я назначилъ замѣстителемъ коменданта Боруха, секретаремъ Гуру, предводителемъ носильщиковъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ Балабана, а Кулика завѣдывающимъ распределеніемъ пищи на завтракъ, обѣдъ и ужинъ.

Въ лагерѣ умерло 25 челоѵкъ. Врачъ д-ръ Дорикъ заболѣлъ тифомъ.

22. янв. — Снѣгъ падаетъ, но довольно тепло. Визитовъ казеннаго врача не было. Опасаюсь, что баракъ изолируютъ, ибо д-ръ Дорикъ боленъ, кажется тифомъ. Въ баракѣ пока только 4 больныхъ.

Изъ 4-го барака постовые загоняютъ здоровыхъ на работы въ землянки. Состояніе у всѣхъ подавленное, а при томъ ужасно скучно.

23. янв. — Д-ръ Полякъ велѣлъ перевести д-ра Дорика въ 12-ый (тифозный) баракъ.

24. янв. — Сегодня по приказанію д-ра Полляка перевели въ тифозный лазаретъ Антона Сулятицкаго и Копельчука. Въ виду того, что въ нашемъ баракѣ констатировали появленіе пятнистаго тифа, нашъ баракъ д-ръ Полякъ закрылъ (изолировалъ).

Солдаты за нашимъ баракомъ сдѣлали сортиръ. Три Качмарчика, о. Игнатій Мохнацкій, Назаркевичъ и нѣскольکو украинцевъ и чеховъ успѣли удрать еще до закрытія нашего барака въ другіе бараки, такъ что изъ правленія барака остались: я Борухъ, Куликъ и секретарь Александръ Телехъ. Юречко тоже хотѣлъ перебраться съ вещами въ другой баракъ, но потерпѣлъ фіаско, ибо ни одинъ комендантъ барака его не хотѣлъ принять, какъ челоѵка изъ тифознаго барака. Волей-неволей ему пришлось возвратиться въ нашъ баракъ. Ему устроили, по поводу возвращенія, овацію. Нашъ баракъ изолировали отъ сосѣднихъ бараконъ проволочнымъ огражденіемъ.

25. янв. — Весь день идетъ крупный снѣгъ. Этотъ первый день карантина проходитъ довольно весело, по скольку въ такихъ обстоятельствахъ можно быть веселымъ, ибо изъ нашего барака не гоняютъ людей на работу. Люди передъ бараконъ курятъ люльки и папиросы. Ю. затѣваетъ борьбу съ сосѣдями и чуть-чуть было не побилъ одного палкой къ общему удовольствію скучающей публики.

Сегодня врача у насъ не было, ибо онъ присутствовалъ при комиссіи, осматривающей бараки.

Больные лежатъ безъ медицинской помощи. Здоровые же, одни пишутъ красками на доскахъ картинки, другіе дѣлаютъ изъ дерева сахарницы, табакерки или чемоданчики. Гоцкій играетъ въ карты, а священникъ, о. М. чиститъ платье о. Діонисію Мохнацкому, пораженному отъ сырости куриной слѣпотой.

Дьяки играютъ въ карты и поють. Одинъ дьякъ, однако, скрестивъ руки, понурилъ голову, его взоръ тупо устремленъ впередъ, о чемъ онъ думаетъ и думаетъ ли вообще что-нибудь, одинъ Богъ вѣдаетъ. Другой толкуеть о родинѣ, а третій, не отдавая себѣ отчета въ своемъ настоящемъ положеніи, спрашиваетъ, чѣмъ онъ подкуеть лошадь, когда возвратится домой изъ Талергофа, хотя и толкують ему, что неизвѣстно еще, возвратится ли и застанетъ ли дома свою лошадь. Асафатъ К., все думаетъ о томъ, что будетъ съ зайцами въ лѣсу, довѣренномъ его надзору — сколько ихъ тамъ еще застанетъ Адольфъ К. поетъ соціалистическій „червоны штандаръ“ (красный флагъ), затѣмъ коломыйку, при чемъ выкатываетъ глаза и наконецъ оретъ благимъ матомъ. Б. ѣсть за четверыхъ, а потомъ молится, бросая косою пытливый взглядъ въ сторону священниковъ, какое производитъ на нихъ впечатлѣніе его молитвенное настроеніе, но недостигаетъ цѣли, ибо кто-то уже назвалъ его фарисеемъ.

27. и 28. янв. — Дуеть сильный вѣтеръ и падаетъ снѣгъ. Получаю для барака свѣжую солому. Медикъ велѣлъ Хивранову, Юречкѣ и Михаилу Русиняцу перейти въ тифозный госпиталь. Но медикъ оказался непутевымъ, ибо Русиняка, у котораго было расширение селезенки, повезъ на ручной двухколкѣ въ тифозный баракъ. Русинякъ же, зная свою болѣзнь и опасаясь заразиться тифомъ, тотчасъ же удралъ и, не прошло часа, какъ былъ уже въ нашемъ баракѣ и пре-

спокойно принялся за кофе, которое къ тому времени намъ принесли. Чтобы не имѣть несприятности съ медикомъ самодуромъ, я посоветовалъ Русиняку перебраться въ баракъ № 18, гдѣ Добія съумѣетъ справиться съ этимъ нетерпящимъ никакихъ возраженій ново испеченнымъ аскулапомъ.

Богъ одинъ вѣдаетъ, сколько мнимо больныхъ тифомъ эти медики помѣстили въ тифозный госпиталь, чтобы заразились тифомъ.

29. янв. — Изъ 6-го барака берутъ троихъ въ тифозный лазаретъ. Послѣ обѣда снѣгъ пересталъ падать. Солдаты везутъ дерево и уголь на саяхъ. Маленькая худощавая лошадка медленно шагаетъ и звонитъ привязаннымъ къ хомуту колокольчикомъ. На саяхъ возятъ также и хлѣбъ и гробы. На нашъ баракъ предназначено только 8 порцій тощаго молока для больныхъ, а больные — это почти всѣ.

Въ баракѣ холодно и сыро, ибо власти выдаютъ весьма мало топлива. Живущіе въ баракѣ берутъ, гдѣ только возможно, доски или другое дерево и топятъ ими въ печкахъ.

Поварь, въ виду того, что больные тифомъ не могутъ ѣсть общей пищи, присылаетъ въ нашъ баракъ увеличенныя порціи капусты, полбы и фасоли, сдобренной воловьимъ или овечьимъ мясомъ, или кониной. Капусту ѣдятъ изрядно только лемки. Въ баракѣ находится 176 человекъ, освобожденныхъ отъ перевода въ новые бараки, дабы отбыли 16-дневный карантинъ, часто случается, что ос-

вобожденный заболѣваетъ и послѣ выздоровленія подвергается вторичному карантину.

Наши крестьяне очень довольны карантиномъ нашего барака, еще не особенно строгимъ, ибо ихъ не берутъ на работы въ эти дни стужи.

О. Дм. Хилякъ открылъ курсъ нѣмецкаго языка при 10 учащихся. Игра въ карты становится до того азартной и страстной, что доходитъ иногда до крупныхъ ссоръ.

Въ лагерѣ отъ нужды, холода, сырости и тифа, умерло 33 человѣка. Между лагеремъ, а кладбищемъ, постоянно везутъ умершихъ и вѣроятно мнимоумершихъ. Если Богъ насъ не помилуетъ, то скоро всѣхъ насъ свезутъ на кладбище.

30. янв. — Сегодня очень холодно. Большая часть людей лежитъ на соломѣ прикрытая всѣмъ, что только у каждого еще есть. Велю топить печку досками, ибо стужа нестерпима. Нѣкоторые изъ насъ имѣютъ только подобіе кожуховъ, ибо эти кожухи вслѣдствіе дезинфекціи паромъ, пришли въ негодность.

Куликъ брѣветъ людей, Барна, который старательно ухаживалъ за своими усами, ради гигиены пожертвовалъ ими — сбрилъ ихъ. Говорятъ, что въ баракѣ освобожденныхъ, но подвергнутыхъ карантину людей, вспыхнулъ тифъ и баракъ изолировали.

31. янв. — Гоцкій освобожденъ, съ нами прощается, со слезами на глазахъ. Я и о. Ром. Копыстьянскій прощаемся съ нимъ отъ имени всего барака. Отъ свя-

щенниковъ получаетъ напутственное благословеніе. Гоцкій былъ хорошимъ комендантомъ барака.

Февраль 1915 г.

1. и 2. фев. — Руссинякъ, народный учитель изъ Ганчовой (Горлицкаго уѣзда), умеръ въ госпиталѣ 2-го февраля. Вл. Гоноцкій, Хроновякъ, Осипъ Бачинскій, Старко, двое Мелешаковъ, два Лисы, Середя, Качмаръ, Цыруль и Муранецъ, идутъ въ баню, а оттуда переходятъ въ другой баракъ. Люди изъ 4-ого барака идутъ частью въ землянки, частью въ 6, 8 и 9 баракы, а на ихъ мѣсто приходятъ другіе. Комендантъ лагеря, полковникъ, получивъ чинъ генерала, вышелъ въ отставку. Мы свободно вздохнули, ибо надѣмся, что ужъ хуже не будетъ. Вчера капитанъ, произведенный въ майоры, призвалъ всѣхъ комендантовъ бараконъ и обнадѣжилъ насъ, что къ 1-му марта мы всѣ будемъ дома, по скольку — не будемъ болѣть, или же не умремъ. Утромъ и вечеромъ сильная стужа и густой туманъ.

Вслѣдствіе недостатка движенія у большинства наступили такіе запоры, что только значительныя дозы каломели или глауберовой соли могутъ очистить желудокъ.

Въ баракѣ дѣлаютъ изъ дерева рамки для картинъ, чемоданчики и подошвы для салогъ специфически Талергофскаго типа. Другіе пробавляютъ ничего не стоящее время игрой въ карты, многократнымъ чтеніемъ одной и той же книги, пѣніемъ, бесѣдами, гуляньемъ и т. п. занятіями.

Перегинець, съ иглой въ рукахъ, ведетъ упорную борьбу съ постоянно распающимися по швамъ брюками.

Богданъ Кмицикевичъ шиваетъ тетрадку для неизвѣстной пока цѣли. Софроній Криницкій, закуривъ въ баракѣ люльку, оглядывается боязно по сторонамъ, не видитъ ли его кто-нибудь изъ представителей власти. Въ баракахъ снова курить запрещено. Ж. со сосредоточеннымъ видомъ молится. Базаръ и Трушь неподвижно лежать на соломѣ. Освобожденные съ нетерпѣниемъ ожидаютъ минуты, когда ихъ переведутъ въ карантинный баракъ. На лицѣ ихъ написана горячка ожиданія.

Д-ръ Романъ Дорикъ скончался 2-го февраля въ тифозномъ госпиталѣ. Въ нашемъ баракѣ правятъ панихиду. Утромъ состоялись его похороны, послѣ панихиды четверо людей понесли его гробъ, который на солнцѣ ярко блестѣлъ; остальныхъ умершихъ везли другіе лица на санкахъ. Мы всѣ вышли передъ баракъ и взоромъ сопровождали похоронное шествіе, прощаясь мысленно съ молодымъ нашимъ врачомъ, сопровождать намъ похороны вслѣдствіе изолировки нашего барака нельзя было.

Отецъ учителя Емилиана Гривны умеръ тоже отъ тифа. Несмотря на закрытыя нашего барака, какъ тифознаго, врачъ все же разрѣшилъ постовымъ солдатамъ брать на работы по 20 человекъ ежедневно. По причинѣ участвовавшихъ смертныхъ случаевъ, всѣ ходимъ какъ убитые.

4. фев. — Получаю на нашъ баракъ 47 датскихъ одѣялъ, у всѣхъ оказалось теперь по одѣялу, за исключеніемъ о. Курилло, который отказался взять одѣяло. Въ 7 часовъ полудни температура въ баракѣ пала до 12° Реомюра.

Юрковскаго, гимназиста, изъ 6 барака перевели въ тифозный го-

Санитарный обходъ.

спиталь. Комendanтомъ 6-го барака состоитъ о. Сенникъ, а его замѣстителемъ, о. Калужняцкій изъ Бортнаго. Казенные врачи назначили санитаря Гребена временно исполняющимъ должность врача при арестномъ домѣ и землянкахъ.

5 фев. — Большого Лашневича перевели въ тифозный баракъ. Копельчукъ, Сулятицкій и Домбро-

вещей считаются реконвалесцентами. Служащие бани доставили нашим крестьянам полушубки, которые у них были отобраны перед купанием в бане для дезинфекции. Доставленные полушубки сильно попорчены паромъ и дезинфекционнымъ аппаратомъ, такъ что почти крошатся въ рукахъ. Крестьяне, осматривая ихъ, не находят своихъ полушубковъ и берутъ любые повашіеся подъ руку, но, кто поручится за то, что среди этихъ полушубковъ нѣтъ полушубковъ по скончавшимся отъ тифа, которые замѣнили полушубки хорошие, взятые у крестьянъ? Видно на главной улицѣ и площади 30 тощихъ, изнуренныхъ и исхудалыхъ людей, сисящихся тянуть возъ со съѣстными припасами къ кухнѣ лагера, конвоируемыхъ солдатомъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ ружье съ штыкомъ, а въ правой изрядной величины палку, которой подгоняетъ онъ лѣнливыхъ, по его мнѣнію. Идя подъ угрозой удара палкой, возлѣ воза, спереди, съ боковъ и сзади, эти люди или тянутъ за веревку или за дышло, или же подталкиваютъ возъ, возъ медленно катится по улицѣ; будь они здоровы, не требовалось бы столько людей, но силы ихъ истощены, и они еле-еле сами могутъ двигаться. Съ ними идетъ переводчикъ изъ интернированныхъ, понуря голову, ибо ему тошно смотрѣть на эту картину насильства надъ несчастными парями!

6 фев. — День теплый, Вечеромъ насталъ морозъ. Распространился слухъ, что выдадутъ намъ списки людей предназначенныхъ къ

отправкѣ въ арестный баракъ; этотъ слухъ вызвалъ среди насъ панику, ибо къ стыду нашему нужно признаться, что вѣроятно среди насъ есть единицы, доносящіе на насъ властямъ, а оправдаться невозможно.

Вечеромъ моемъ руки лизоломъ. Куликъ занимается бритьемъ и стрижкой волосъ.

Священники вечеромъ правятъ вечерню при участіи хора дьяковъ. Голосъ дьяка Блищака и Поруцды особенно хорошей.

9. фев. — Двухъ больных нашего барака врачъ не принимаетъ въ госпиталь за недостаткомъ мѣста. Въ большей половинѣ бараковъ поголовно все больны, такъ что эти баракы представляютъ тоже лазареты.

10. февр. — Послѣ обѣда падаетъ снѣгъ. Въ баракѣ жизнь течетъ мирно и тихо, ибо даже болтать нѣтъ силъ ни охоты. Замѣчаю, что даже доселѣ не курившіе втянулись въ куренье папиросъ и курятъ ихъ одну за другой. Петрышакъ изъ Криницы оковываетъ жестью чемоданчикъ. Нѣмецъ Вейсъ занятъ починкой носковъ. Грина и о. Курилло играютъ въ шахматы. Жители деревни Лосья тоже отъ скуки пристрастились къ игрѣ въ карты.

Врачъ велѣлъ передѣлать одинъ изъ бараковъ въ госпиталь, ибо больныхъ тифомъ прибываетъ все больше и больше. Аполинарій Филиповскій скончался въ 12-омъ баракѣ. Богданъ Кмицкевичъ заболѣлъ: быть можетъ это тифъ также.

11. и 12. фев. — Въ госпиталѣ умерли отъ тифа: Галиста и о.

Несторъ Олимпіевичъ Полянскій. Послѣдній болѣлъ что-то около недѣли. Онъ окончили курсъ богословія въ Римѣ и посѣщали философскій факультетъ во Львовѣ, и играли при этомъ превосходно на цитрѣ. Еще одинъ подающій большія надежды русскій человекъ скончался въ дни своей молодости. Похоронили ихъ утромъ безъ вѣдома и участія родныхъ.

Сегодня умерло еще 12 человекъ. Комиссаръ съ капитаномъ посадили въ арестный баракъ посылку Кр—ву, ибо она въ баракѣ, была причиной неприятныхъ исторій и даже ссоръ. Грязь ужасная.

Одинъ рабочій, который еще вчера работалъ, во время визита врача шель къ нему просить касторки и, не дойдя до порога барака, упалъ мертвымъ къ ногамъ врача. И врачъ и сопровождавшие его растерялись, не зная, по причинѣ какой болѣзни онъ скончался, ибо считали его здоровымъ. Эта внезапная смерть подѣйствовала на всѣхъ особенно угнетающе. Говорятъ, что это была холера.

Въ нашемъ баракѣ ежедневно всѣ моютъ руки лизоломъ. Священники правятъ панихиду за упокой души блаженной памяти Юліи Демчаковой.

13. февр. — Воскресенье. Берутъ въ госпиталь: Максима Костыка, а Богдана Кмицкевича возьмутъ только завтра утромъ. Получаемъ впервые на весь баракъ 7 кусковъ мыла, которое считалось у насъ роскошью.

14. февр. — Больного тифомъ Богдана Кмицкевича берутъ въ госпиталь. Коломыець тоже забо-

лѣлъ тифомъ. День солнечный, чѣмъ воспользовались живущіе въ баракахъ, чтобы выйти передъ баракъ погрѣться на солнышкѣ.

Хотя мы часто писали письма домой, но моя мать ихъ не получила, обезпокоенная тѣмъ, что не получаетъ отъ меня и моего отца извѣстій, она непосредственно спрашиваетъ коменданта лагеря, живемъ ли мы и что съ нами? Комендантъ, встрѣтивъ по дорогѣ о. Вл. Мохнацкаго, спросилъ его, живы ли мы, и получилъ отвѣтъ, что живы, официально увѣдомилъ мою мать объ этомъ. На обѣдъ получаемъ картофельный супъ, ибо это первый день поста.

15. февр. — Добія заболѣлъ; врачъ сегодня насъ не посѣщаетъ, ибо участвуетъ въ комиссіи ревизирующей бараки. Эта ревизія для насъ всегда весьма желательна, ибо тогда получаемъ значительно лучшую пищу, больные же молоко. Даже фельдфебель Новакъ лично раздаетъ платье въ 9-мъ баракѣ. Люди 6-го барака получаютъ часть своихъ депозитовъ. Приказано тушить электрической свѣтъ уже въ 8½ ч. вечера.

Темно, зажгли ночную керосиновую лампу; я не могу уснуть и вижу при тускломъ свѣтѣ, какъ многіе сквозь сонъ то молятся, вытягивая исхудалыя руки впередъ, то встаютъ еще сонные и выходятъ изъ барака, чтобы тотчасъ же вернуться и снова лечь на солону и слышу стоны, вздохи и плачь, даже одинъ довольно пріятнымъ голосомъ съ соответственной интонаціей, философствуетъ про себя. Одинъ старикъ срывается съ по-

стели съ крупными каплями пота на лбу, и открывая глаза и протягивая руки вперед, что-то кричить, а потомъ вытирая потъ съ лица, снова ложится спать. Все это показываетъ, что мы до того изнурены и изнервничались, что во время сна насъ душитъ кошмаръ. Не удивительно, что у меня въ эти темныя ночи бродятъ черныя думы.

16. февр. — Всѣ грѣются на солнышкѣ. Я играю въ шахматы съ Мандлемъ, о. Хилякъ и Звѣрикъ читаютъ книгу, молодежь играетъ, крестьяне сидя на брускѣ стараго сортира курятъ трубки и бесѣдуютъ между собой. Василия Шулика и Асафата Крулевскаго, какъ больныхъ тифомъ, перевозятъ въ тифозный баракъ. Число жителей нашего барака уменьшилось до 162 человекъ. У большого д-ра Могильницкаго наступило улучшение.

17. февр. — День довольно теплый. Больныхъ: Иосифа Урбана переводятъ въ 12-ый баракъ, Ивана Школьника въ 17-ый. Иду въ амбулаторію съ однимъ человекѣмъ, оглушимъ до того, что ничего не слышитъ.

18. февр. — Казенный врачъ д-ръ Подлякъ палъ жертвой тифа и умеръ какъ солдатъ на посту.

19. февр. — Больной ушами, Иванъ Балашъ переведенъ въ 14-ый баракъ. Взлеты аэроплановъ неудачны, аэропланы падаютъ, а летчики разбиваются.

20. февр. — Колодѣй имѣлъ 2 полѣна дерева, изъ которыхъ дѣлалъ палки и держалъ ихъ на полкѣ надъ собой. Ночью Тытыкъ, желая итти въ сортиръ и шаря по полкѣ схватилъ свою шляпу и не-

чаянно задръ рукой за одно изъ полѣнъ, которое скатилось съ полки и ударило въ грудь съ правой стороны спящаго Ватылика, минуя голову спящаго Ксендзыка, я тотчасъ, вмѣстѣ съ Сухимъ, поспѣшилъ съ помощью пострадавшему и сдѣлалъ ему перевязки. Съ этихъ поръ потерпѣвшій постоянно жалуется на боль въ груди.

Въ берлогѣ, подъ ногами Вейса, котрѣ вырылъ значительную кучу земли, что на суетѣрнаго Вейса сильно подѣйствовало. Онъ намъ боязно жаловался, что ему придется умереть.

21. февр. — Сегодня купаются тѣ 120 человекъ, которые должны завтра отправиться въ Граць. Въ баракѣ часто возникаютъ споры изъ-за того, что выходящіе ночью въ сортиръ, мѣшаютъ другимъ спать, то наступая на ноги спящимъ, то толкая ихъ; при возвращеніи въ баракъ эти ночные пѣшеходы, чтобъ отыскать въ темнотѣ свое ложе и одѣяло, невольно шарятъ по землѣ руками, задръжая часто сосѣду пальцами въ открытый ротъ, носъ и глаза; достаётся при этомъ и рукамъ и бокамъ товарищей, ибо идущій ничего не видитъ.

Изъ нашего барака переводятъ въ рабочій 4-ый баракъ 60 человекъ, часть лосьянъ и криничанъ. Эти 60 человекъ послѣ купанія въ банѣ, вернулись въ баракъ, наполнили свои мѣшки свѣжей соломой и, взявъ ихъ и другія свои вещи, отправились въ 4-ый баракъ. Многіе изъ нихъ со слезами на глазахъ распрощались съ нами.

Люди 1-го барака спят сегодня на голых досках, ибо в надежде на получение свежей соломы, которой имь недоставили, выбросили свою истертую солому. Осталось тамъ только 79 человекъ, ибо 120 заболѣвшихъ тифомъ перевели въ тифозный баракъ. Говорятъ, что всѣхъ насъ переведутъ въ 1-ый баракъ.

22. февр. — День теплый. Конференція всего медицинскаго персонала лагеря подь председательствомъ главнаго врача. Врачъ нашего барака, послѣ конференціи, заявляетъ намъ, что произведетъ дезинфекцію нашего барака. Мы собрали всю солому нашего барака и вывели ее, со всеми паразитами въ ней находящимися, за баракъ и сложивъ въ одну кучу сожгли ее. Многие изъ нашихъ пытались уйти въ 1-ый баракъ, но вернулись обратно.

Я очень утомленъ и ложусь спать; ночью снятся мнѣ неприятные и страшные сны, по причинѣ лихорадки. Часто, подь влияніемъ этихъ сновъ, я срываюсь съ постели, но, придя въ сознание, вновь ложусь спать. Одинъ транспортъ освобожденныхъ отправляется въ Грацъ, но и тутъ ждетъ ихъ еще неприятность въ видѣ ревизіи ихъ вещей передъ отъездомъ.

23. февр. — Насъ перевели въ первый баракъ. День хороший. Пользуясь разрѣшеніемъ врача, гуляемъ весь день, ибо завтра нашъ баракъ (№ 1) закрываютъ. Посѣщаю Качмарчиковъ въ ихъ баракъ и осматриваю всю Талергофскую колонію. Нѣмцы въ своей землянкѣ разгостились по своему, а съ

бывшаго нашего барака № 5, власти выбрасываютъ все, что только въ немъ находилось, приготовляя его къ дезинфекціи.

Польскаго ксендза Замойскаго, власти отпускаютъ на свободу, ибо врачъ нашелъ, что у него нѣтъ тифа и что онъ здоровъ. Изъ барака № 1 перевели Труша въ 14-ый баракъ, а другого въ госпиталь, какъ больного тифомъ.

24. февр. — День вѣтренный и морозъ. Холодъ достигаетъ — 8° по Реомюру. Въ баракѣ № 1, находятся нары и на нихъ положены сѣнники. Увидя эти нары, мы немедленно воспользовались ими, чтобы узнать разницу удобства лежанія на нихъ въ сравненіи съ лежаніемъ на солѣмъ положенной на голой землѣ; посыпались восклицанія и дебаты по этому поводу. Мы послѣ этого принялись по прежнему за обыденныя занятія, котормъ предавались въ прежнемъ баракѣ, т. е. занялись игрой въ шахматы, вызываемемъ изъ дерева, дѣлая чехмоданчики и т. п., съ надписью „памятка изъ Талергофа“. Это — специальное кустарное производство въ „стиль Талергофскомъ“. Изъ барака выходитъ кто хочеть, ибо караулъ притворяется, что не видитъ выходящихъ, хотя выходить запрещено по поводу установленнаго карантина. О. К.—скій пишетъ, играетъ въ карты, изъ-за таза затѣялъ ссору; во время же сна, разговариваетъ съ кѣмъ-то, для него видимымъ, но не для насъ. Вообще это человекъ нервный, впечатлительный, мозгъ котораго даже во снѣ не можетъ бездѣйствовать.

25. февр. — День солнечный, но морозный. Отдаю весь наличный инвентарь бывшего нашего барака и 2 кр. 70 гел. наличными, главному коменданту барака № 1, Кичкѣ. О. Гайдукевичъ, палскій шамбелянъ, соборнѣ съ другими священниками, служатъ молебенъ. О. Сенникъ утверждаетъ, что изъ Граца ежедневно приходитъ телефонограмма съ предписаніями, касательно нашего барака, имѣющими силу только въ течение 24 часовъ. Знакомлюсь съ нотаріальнымъ депендентомъ Черкасскимъ. Оберъ-комендантъ участка О. Красицкій на вопросъ, что новаго, отвѣчаетъ, „что ничего сказать не можетъ, ибо это государственная тайна“.

26. февр. — Въ баракѣ холодно, ибо живущіе не прикрываютъ плотно дверей и кромѣ того, потому, что между нарами и землей находится пустое пространство, по которому свободно гуляетъ сквознякъ и снизу поддуваетъ спящихъ. Многіе уже въ виду этого разочаровались въ нарахъ и жалуютъ о томъ времени, когда спали на голой землѣ прикрытой лишь соломой. До нашего прихода врачъ, какъ мнѣ рассказывали, перевелъ изъ перваго барака 120 человекъ въ тифозный баракъ. Между двумя „сосѣдями по спанью“ возникаетъ страстный споръ, кто изъ нихъ лучше играетъ въ карточную игру „керки“, сами не въ состояніи рѣшить спора, обращаются къ одному священнику разсудить ихъ. Послѣ его приговора, начинаютъ разсуждать уже на тему обработки земли и тутъ тоже возникаетъ меж-

ду ними горячая распря, которую священникъ разрѣшаетъ въ пользу одного изъ нихъ. Подобныя картины и эпизоды въ этой страшно монотонной и полной страданій и лишений жизни представляютъ для насъ развлеченіе.

27. февр. — Солнышко грѣетъ до обѣда, потомъ прячется за тучи. Нѣкоторые гимназисты также играютъ страстно въ карты, и также загло ссорятся.

Вечеромъ скончался отъ тифа о. Коломыецъ, человекъ, которому извѣстны были всѣ предначертанія властей, касающіяся насъ.

28. февр. — О. Красицкій идетъ подъ карантинъ, какъ предназначенный къ освобожденію. Изъ интернированныхъ Горлицкаго уѣзда, освобождены только: Емельянъ Гривна, учитель изъ Чернаго, и О. Волянскій изъ Смерковца.

Изъ перваго барака пошли подъ карантинъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще лица: Костовецкій, Котельницкій, о. Андрей Гайдукевичъ изъ Святого, уѣздъ Ярославль, вдовецъ; Чирнянскій Іоаннъ, ур. 1858 г., холостой, эмер. машинистъ жел. дороги изъ Загорья, возлѣ Сянока; Терлецкій Андрей, ур. 1885 г., женатый, крестьянинъ изъ Высоцка, возлѣ Ярослава, о. Серединскій Феодоръ, ур. 1877 г., женатый, изъ Быкова, п. Перемышль; Кузьматичскій Анатоль, юристъ и его отецъ о. Юліанъ, р. 1860 г. изъ Дроздовичъ, у. Перемышль; о. Подляшескій Іоаннъ, р. 1859 г., изъ Кобылины, у. Яворовъ, и его сынъ Владиміръ, юристъ; о. Ракъ Феодоръ; Солтынский Ів., р. 1866 г., торговецъ изъ Березки, у. Добромиль; Засѣволкъ Іоаннъ, р. 1867 г., крестьянинъ изъ Галича; Мудрецкій Корнилий, р. 1870 г., сторожъ жел. дороги изъ Любачева, возлѣ Цѣшанова и др.

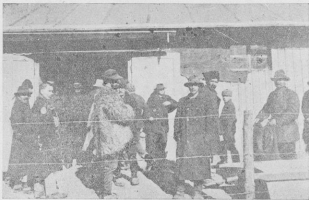
Нашъ баракъ посѣщаетъ Бекерскій. Это старикъ средняго ро-

ста съ лысиной св. Павла, въ длинной, свѣтлой шинели солдатскаго кроя, окаймленной значительныхъ размѣровъ воротникомъ. Онъ носитъ очки почти на концѣ носа, глядя въ небо поверхъ очковъ своими добрыми и ласковыми глазами. Спокойный, услужливый и уступчивый, онъ до того исхудалъ, что походить лицомъ своимъ на аскета. Приходитъ онъ чаще всего къ о. Дикому и къ другимъ и

тая „Отче нашъ“, нѣсколько разъ ловить кусающихъ его вшей и съ молитвенными словами на устахъ бьетъ ихъ на обложкѣ молитвенника.

Мартъ 1915 г.

1. марта. — Вѣтеръ сильный и холодный. Въмѣсто О. Красицкаго назначенъ оберкомендантомъ нашего участка полякъ Уейскій. Два транспорта освобожденныхъ, вмѣ-

Зарывсе отдѣленіе.

потчиваетъ ихъ нюхательнымъ табакомъ и, если кто чихнетъ, онъ, кланяясь, отвѣчаетъ „сто лѣтъ вамъ здоровья!“ Бекерскій до того благочестивъ, что напоминаетъ собой монаха.

Коломыйца похоронили въ гробѣ, обитомъ жестью. Въ баракѣ одинъ молится изъ стариннаго оправленнаго въ кожу молитвенника, украшеннаго большимъ количествомъ изображеній святыхъ, и, чи-

стѣ съ Гоккимъ уѣхали въ Грацъ. Второй баракъ намѣреваются власти передѣлать въ баракъ исключительно для дѣтей.

2 марта. — Къ Папачу, Поручьдлу и другимъ прибываютъ деньги изъ Снѣтницы, благодаря высланной „Вл. Мохнацкимъ“ телеграммѣ. Матерямъ и дѣтямъ второго барака врачъ велѣлъ выдать одежду и сапоги въ виду прибытія контролирующей комиссиі.

3. марта. — Дѣйствительно прѣхала комиссія. Третій баракъ подвергаютъ дезинфекціи. Въ первыхъ баракахъ выбрасываютъ всю солому со вшами и милліардомъ болѣзнетворныхъ бактерий, пропитанную потомъ и кровью плѣнныхъ. Люди нехотя собираютъ ее руками, принуждаемые къ этому солдатами, которые не позволяютъ брать лопаты для этой цѣли. Люди изъ третьяго барака должны перейти въ пятый баракъ.

4. марта. По баракамъ впервые раздають по одной ваннѣ, многіе изъ насъ смотрятъ на эти ванны съ такимъ видомъ, какъ будто впервые въ жизни видятъ что-то подобное, до того мы отвыкли отъ привычекъ культурной жизни.

Власти запрещаютъ играть въ карты, такимъ образомъ отняли у насъ одно изъ главныхъ средствъ нашего развлечения и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ значительнаго дохода лавочниковъ, торгующихъ этими картами. Дѣти втораго барака получаютъ много игрушекъ, какъ то: сабли, лошадки и т. п. Удалось намъ получить газету, за которую, однако, пришлось уплатить 80 геллеровъ.

5. марта. Фельдфебель беретъ, несмотря на карантинъ нашего барака, по 30 человекъ ежедневно на работу. На жалобу по этому поводу нашего команданта врачу, полученъ отвѣтъ отъ д-ра Келлера: что разъ фельдфебель требуетъ людей, то надо ихъ ему дать, но карантинъ, не смотря на это, снятъ быть не можетъ. Между тѣмъ съ момента послѣдняго слу-

чая заболѣванія тифомъ до сегодняшняго дня прошло больше 8 дней.

В нашемъ баракѣ въ числѣ другихъ были: Крыжановскій Іоаннъ, ур. 1861 г., кузнецъ, женатъ, въ Галичъ; Коваль Θεодоръ, р. 1849 г., крестьянинъ въ Пелесницѣ сам., возлѣ Лыска; Божокъ Яковъ р. 1855 г., жен., ц. м. оберпостмейстеръ въ Белзѣ, возлѣ Сокаля; Бурдякъ Ст., р. 1861 г., жен., крест. въ Добромилѣ; Трофанакъ Стефанъ р. 1863 г., крест. въ Высоцкѣ, возлѣ Ярославля; Якубовъ Ив., эм. жандармъ, въ Высоцкѣ; Лазоръ Лука, р. 1888 г., холостой, крестьянинъ, въ Яблоновѣ, возлѣ Турки, Гвоздзевскій Іосифъ, р. 1861 г., женатъ, полицейскій въ Галичѣ; Завадскій Петръ, р. 1876 г., крест. въ Красной, возлѣ Крона, Лысенко Ив., р. 1886 г., юристъ, въ Свраковцѣ, уездъ Перемышль; Махляй Ник., р. 1852 г., надъофиціаль суда, въ Перемышлѣ; Щуцуря Мафей, р. 1837 г., раб., въ Мацинѣ вл., у. Горлицы; Смолька Ив., р. 1863 г., крест., въ Городкѣ Яг.; Горпакъ Ив., г. 1847 г., крест. въ Дыковѣ, у. Бжозовѣ; Вуйцикъ Мафей, р. 1852 г., крест., въ Дембовцѣ, возлѣ Піотркова; Галантѣй Петръ, р. 1885 г., крест., въ Сувачкѣ, у. Добромилъ; Подгорецкій Θεодоръ, р. 1859 г., общ., въ Бруснѣ Новомъ, возлѣ Цѣшанова; Тымковъ Василій, р. 1864 г., крест., въ Лишинѣ, у. Дрогобычъ; Емилій Преторіусъ, р. 1891 г., абсолютный политехникума, въ Переворскѣ; о. Преторіусъ Іос., р. 1867 г., въ Поздзячѣ; Черкавскій Романъ, нотаріальный канц., въ Сокалѣ; у. Мостиска; Цыбыкъ Ант., р. 1874 г., почтмейст., въ Ярославѣ; Кицька Павелъ, р. 1859 г., крест. въ Поздзячѣ и его сынъ Михаилъ, р. 1866 г., юристъ; Сенета Дм., р. 1842 г., кушнѣръ, въ Старомъ Самборѣ; Конопинскій Фаддей (полякъ), р. 1868 г., эм. почтовый чиновникъ, въ Риглицахъ, у. Тарновъ; Кисѣлюкъ Влад., р. 1892 г., част. чин., въ Микулчицѣ, у. Надворна; Ковальскій Іосифъ, р. 1839 г., эм нар. уч. въ Пядикахъ, у. Коломыя; Стецьевъ В., есть тоже полякъ Карлъ Рыбинскій, р. 1872 г., банковый чиновникъ и др.

Изъ Грибовскаго уѣзда приходятъ письма и деньги. Приходящіе изъ другихъ баракъ, могутъ съ нами разговаривать только черезъ рѣшетку, ибо намъ подвергнутымъ карантину, нельзя выходить за рѣшетку, окружающую нашъ баракъ, а тѣмъ нельзя переходить сюда. Полная изоляція.

6. марта. Сначала тепло, но вѣтеръ появившійся до обѣда пронизываетъ холодомъ. Видимъ какъ

послѣдовавшей вскорѣ послѣ смерти трехъ шурьевъ онъ составилъ завѣщаніе.

Чтобы какъ-нибудь раздобыть деньги, многіе въ баракѣ занимаютъ торговлей тѣмъ, что кому удастся на сторонѣ приобрести, и такъ: Одинъ продаетъ чай, другой са-саръ, третій укусъ, тотъ экспеллеръ, а иной еще что-нибудь.

7. марта. — День теплый и солнечный. Почти всѣ люди нашего

Д-ръ В. О. Могильницкій за операціей.

на поле упалъ аэропланъ и разбился вдребезги. Мелешаки, съ другими изъ второго барака, идутъ въ баню, а послѣ подъ карантинъ.

Умеръ отъ тифа Шуликъ. Говорятъ, что онъ былъ богатый человекъ въ Галичинѣ. На телеграмму своей жены, съ запросомъ, живы ли ея три шурина, не отвѣтилъ, ибо — къ тому времени всѣ они умерли отъ тифа. Передъ смертью,

барака повыходили грѣться на солнышкѣ.

Арестованы четверо комендантовъ тифозныхъ баракъ за то, что издѣвались надъ больными и крали у нихъ деньги и цѣнные вещи. Произведенная у нихъ ревизія дала, какъ говорятъ въ лагерѣ, поразительные результаты. У нихъ нашли деньги, золотые часы, кольца, цѣпочки и даже золотую зуб-

ную пломбу, а у одного из них даже цѣлый зубъ, покрытый золотой пломбой.

Власти потому запретили играть въ карты, что кто-то проигралъ 800 кронъ и затѣялъ драку съ обыгравшимъ его.

8. марта. — Снѣгъ падаетъ. Мы получили платье и 17 паръ венгерскихъ сапогъ. Получилъ впервые рубашку и прочее бѣлье, въ которое незамедлил сейчасъ же одѣться, сбросилъ свое бѣлье, котораго уже не стоило стирать, до того оно было изношено. Теперь я чувствую себя словно обновленнымъ и уже не боюсь, что заболѣю.

9. марта. — День морозный. Въ трубѣ 14-го барака зажглась сажа; капитанъ, съ помощью солдатъ, потушилъ пожаръ. Въ кантинѣ продаютъ булки по 4 геллера, но они крошечныхъ размѣровъ и изъ темной муки. Комиссаръ поймалъ одного въ моментъ, когда онъ продалъ полученную имъ контрабанднымъ образомъ водку и въ наказаніе посадилъ его подъ арестъ. Въ 6-омъ баракѣ поймалъ священника на игрѣ въ карты, это навело страхъ и на другіе бараки и тамъ перестали на время играть въ карты.

Увы, мы получаемъ вещи забракованныя и сшитыя почти по одной мѣркѣ, и то получаемъ ихъ всегда передъ прибытіемъ ревизионной комиссіи. Понятно, что эти вещи почти никуда не годятся и особенно не подходятъ тѣмъ, кто ихъ получаетъ. Изъ-за этого почти всегда передаются портному Вейсу (нѣмцу), для передѣлки и вслѣдствіе этого у него всегда много ра-

боты. Одинъ проситъ укоротить брюки или душегрѣйку, другой, напротивъ удлинитъ брюки или ихъ сьюзитъ или же расширитъ, тоже съ душегрѣйками: тому она узка, а другому черезчуръ широка, тому рукава коротки, другому же длинные и т. д. Бѣдный Вейсъ не знаетъ, за что раньше взялся, а работу надо скоро окончить, ибо можетъ нагрязнуть комиссія. Часто можно видѣть людей, ходящихъ въ платьѣ сшитомъ изъ кусковъ разныхъ матерій, ибо Вейсъ производитъ починки изъ всего, что ему попадаетъ подъ руку.

10. марта. Холодный день. Получаемъ лекарства за 3—5 кронъ. Священники же получаютъ жалованіе (конгруу). О. Еднакій получаетъ письмо изъ Львова, помѣченное январемъ via Женева.

Стедеца берутъ въ госпиталь. Въ кантинахъ не хотятъ продавать масла. Вчера мы наши сѣнники обсыпали нафталиномъ, какъ лучшимъ средствомъ противъ наѣдокъ комыхъ.

11. марта. — И о. Влад. Бачинскій и о. Преторіусъ идутъ подъ карантинъ. Одинъ летчикъ упалъ съ высоты 100 метровъ и убитъ.

13. марта. — Ночью прибыло въ Талергофъ 200 плѣнныхъ русскихъ солдатъ привезенныхъ изъ Венгріи. Нѣмцы построили деревянные ворота передъ лагеремъ съ надписью „Лагерь интернированныхъ“. Работа продолжалась два дня.

14. марта. — День теплый и ясный. Идемъ почти всѣ изъ нашего барака купаться въ баню. Батюшка Тофанъ имѣетъ бібліотеку

ку и отпускает другимъ книги для чтенія, взывая по 4 геллера за томъ въ сутки и 1 крону въ залогъ.

Хромого портного за то, что удралъ изъ подъ карантина, въ 1-ый баракъ, капитанъ приказалъ посадить подъ арестъ. На площади читаютъ громкимъ голосомъ, по списку, фамилии освобожденныхъ.

15. марта. — Освобожденные подписываютъ свои путевыя легитимациі. Толпа крестьянъ собралась возлѣ воротъ. Получаемъ газету, которая переходитъ изъ рукъ въ руки.

16. марта. — У кого-то пропало 20 кронъ. Подозрѣніе пало на невиннаго крестьянина Тымкова. Комиссаръ приказалъ ему выйти изъ барака на воздухъ и раздѣться почти до нага и самъ производилъ ревизію, держа почти голога челоуѣка довольно долго на холоду. Не найдя у него этихъ 20 кронъ, отпустилъ его. „Бау-офиціаль“ (техникъ зодчій, запрещаетъ стирать бѣлье возлѣ сортира. Въ бараки приходитъ парикмахеръ. Людей изъ 7-го барака переводятъ въ 3-ій баракъ.

17. марта. — Сегодня день былъ хороший и безвѣтренный. Воздухъ былъ такъ чистъ, что вдали виднѣлись Альпійскія вершины, частью покрытыя снѣгомъ. Взлеты аэроплановъ не удаются. Часто видно, какъ аэропланъ сразу поднимается передней частью вверхъ, почти отвѣсно стоя въ воздухѣ. Паденія часты, вслѣдствіе чего, стоящій на готовѣ автомобиль тотчасъ же подлетаетъ и забираетъ раненыхъ въ госпиталь. Лемки и бойки долго

стоятъ возлѣ сортира и смотрятъ вверхъ, слѣдя полеты аэроплановъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ во время катастрофы съ аэропланами выпадаютъ изъ ртовъ трубки.

О. Д. М. со скуки, не отдавая себѣ отчета, курить одну папиросу за другой, но закуриваетъ одну папиросу отъ другой, лишь въ то время, когда чувствуетъ, что курить уже пустую бумагу. Болѣя глазами, онъ не можетъ читать и все его дневное занятіе состоитъ въ куреніи папиросъ.

Уже второй день повара не даютъ намъ на ужинъ чаю, а только тощій и жидкій пшениный супъ. О. Александръ Полянскій скончался въ 8 часовъ вечера подъ карантинномъ. Все свое имущество, которое имѣлъ при себѣ, онъ передалъ на руки о. Генриху Полянскому.

18. марта. — Отмѣняютъ карантинъ нашего барака. Панихида по о. Полянскому и похороны его въ 3 ч. пополудни. На обѣдъ получили мы впервые жиденькій супъ изъ кукурузы

20. марта. — Почти 100 челоуѣкъ уѣзжаютъ. Нѣкоторые студенты изъ 3-го барака подверглись наказанію „шпанги“, вслѣдствіе чего население барака избираетъ новаго коменданта барака. О. Сенникъ предостерегаетъ людей отъ перенасыщенія ѣдой, реконвалесцентовъ послѣ тифа, ибо тѣ, объѣвши, вновь заболѣваютъ и умираютъ. Въ 1-омъ участкѣ оказалось пять случаевъ заболѣванія тифомъ. Врачи отдѣлили аптеку отъ амбулаторіи. Дуетъ холодный вѣтеръ.

21. марта. — Похороны гимназиста Льва Куцѣля изъ Старого

Самбора. Русскимъ изъ Буковины власти запрещаютъ пѣть пѣсни внѣ барака.

22. марта. — Абсолютента юридическихъ наукъ Д. посадили подъ арестъ за продажу спиртныхъ напитковъ. Толпа людей преимущественно крестьянъ ожидаетъ возлѣ рѣшетки, дабы подписать путевую легитимацию. На завтракъ и на ужинъ даютъ намъ супъ вродѣ лемковской „кеселица“, но очень жидкой. Многие не кушаютъ этого супа, до того онъ противенъ. Послѣ даютъ черный кофе съ сахариномъ. Кислый супъ, въ связи съ кофе и сахариномъ, у многихъ вызвалъ боли желудка. Въ баракѣ такъ холодно, что наши люди принуждены даже ночью топить печки досками.

23. марта. — 50 человекъ уѣзжаютъ утромъ въ Граць. 2 Качмарчика, о. Дорикъ, Куликъ и др. идутъ подъ карантинъ.

24. марта. — Влад. Качмарчикъ тоже идетъ подъ карантинъ. 4 лемковъ наказаны одиночнымъ арестомъ за то, что высказали свое мнѣніе о занятіи русскими войсками Перемышля. Изъ Крыницы приходятъ пакеты на имя Стефана Криницкаго. Такъ какъ постоянные приказали тушить лампы въ 8¹/₂ часовъ, то въ лагерѣ и баракахъ такъ темно, что нельзя гулять.

25. марта. — День теплый. Юсифъ Урбанъ получилъ изъ дому посылку съ ѣдой и водкой и немедленно распаковалъ ее и со свойственнымъ славянамъ гостеприимствомъ угощаетъ лемковъ. Старикъ Матвей Цукура изъ Мацины Великой, переходитъ въ 14-ый ба-

ракъ. По общему требованію страшно обросшихъ людей прибываетъ къ намъ брадобрей.

26. марта. — Дуетъ холодный вѣтеръ. На обѣдъ получаемъ кукурузянку и небольшой кислый хлѣбъ. Священники высылаютъ телеграмму съ просьбой объ освобожденіи въ Граць, а о. Мохнацкій проф. Черкасскому въ Вѣнѣ.

27. марта. — Приглашенъ съ Кицькой къ Криницкому и Петришаку по случаю получения ими изъ дому пакетовъ со съѣстными припасами. Новые порядки въ аптекахъ и амбулаторіи. Вдова Пелагія Сандовичъ прибыла съ новорожденнымъ ребенкомъ изъ Граца въ лагерь.

28. марта. — Получили въ течение нѣсколькихъ мѣсяцевъ задержанные властями лагеря наши письма. О. Макарь Григорій получилъ письмо помѣченное еще 1914 годомъ.

29. марта. — Переходимъ всѣ послѣ бани въ первый карантинный баракъ. Много хлопотъ у насъ съ этимъ, ибо надо выискать удобное мѣсто и поближе помѣстить наши вещи. Новый баракъ имѣетъ 2 комнаты, одну для интеллигентной публики, а другую для крестьянъ. Здѣсь многимъ лучше живется, ибо баракъ чище и свѣтлѣе и имѣетъ каменную печку. Желѣзные печки фельдфебель Новакъ перевелъ въ магазины. Баракъ имѣетъ 2 лампы, умывальню, водопроводъ и что-то въ родѣ передней. Въ канинахъ блага хлѣба не продаютъ.

Узнаю, что 27-го, власти лагеря наказали двухдневнымъ аре-

стомъ Дм. Собина, Карела Андрея и Ядловскаго ивана (лемковъ), за то, что передали выходящимъ въ Грацъ письма къ своимъ родственникамъ въ Америкъ съ просьбой о матеріальной поддержкѣ.

Въ виду того, что 6-ой баракъ подвергнуть дезинфекци, его жителей перевели въ 7-ой баракъ. Старикъ Школьникъ умеръ отъ тифа. Въ виду отказа Кицьки отъ должности коменданта барака, избирають на эту должность Прегориуса, а его замѣстителемъ Феофила Курилло. Въ другой части барака, гдѣ находится о. Отто съ дякомъ Червинскимъ, состоитъ комендантомъ Мазуръ. Власти 30 человекъ отпустили на свободу.

30. марта. — День холодный, пасмурно. Изъ ночныхъ приключеній: Перегинецъ пошелъ ночью въ сортиръ; постовой солдатъ не преминулъ его задержать и узнавъ, что онъ изъ нашего барака, не довѣряя ему, разбудилъ Преториуса, дабы провѣрить показанія Перегинца.

31. марта. — Нашъ баракъ визируетъ уже не д-ръ Коллеръ, а какой то другой врачъ. Я выхлопоталъ у властей двѣ желѣзныя печки, ибо каменные совершенно не грѣютъ, при томъ количество отпускаемаго намъ топлива, очень скудно. День холодный и падаетъ снѣгъ. На обѣдъ получаемъ кукурузянку. Кому то удалось гдѣ то раздобыть боченочекъ селедокъ-москальковъ, которые были на расхватъ интернированными разобраны. Хлѣбъ получаемъ изъ кукурузы. О. Курилло подаетъ прошеніе черезъ Гельмана о выдачѣ свя-

щенникамъ жалованія. Гельманъ обязанъ всѣ прошенія и заявленія къ властямъ дезинфицировать.

Апрѣль 1915 г.

1. и 2. апр. — Сегодня 30 человекъ уѣзжаютъ въ Грацъ; въ ихъ числѣ: Соболевскій съ супругой и сестры Мокрицкія. Ихъ чемоданы, сложенные на телѣгѣ, везетъ старая, сухая и заморенная лошадь. Всѣ мы прощаемся съ ними и машемъ шляпами. Провѣтриваемъ наши вещи возлѣ решетки. Воргачъ же сторожитъ ихъ.

Нѣсколько дней тому назадъ чиновникъ по политическимъ дѣламъ, въ сопровожденіи 2 солдатъ арестовалъ д-ра Крушинскаго изъ 30-го барака, но за что, того я не могъ узнать. Получаемъ изъ магазина 2 литра вина на весь баракъ. Получаемъ на нашъ баракъ платье и сапоги, которые распредѣляемъ между неимущими въ баракѣ. Богослуженія страстной недѣли совершаются въ обѣихъ половинахъ барака.

3. апр. — День прекрасный. Получаю на баракъ 5 литровъ вина, а хлѣба столько, что небольшая булка приходится [на 4 человекъ], приходится жить впроголодь. У кого есть деньги, и то значительныя, тотъ можетъ приобрести ветчину, краковскую колбасу, хрѣнъ и т. п. Вещи эти мы могли бы купить, но въ три дорога, ибо продавцы стараются использовать недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, назначая на свой товаръ немовѣрно высокія цѣны. Кантину (лавку съ съѣстными припасами) почти всегда осаждаютъ интернированные.

Несмотря на то, что небольшой хлѣбецъ стоитъ 52 геллера, онъ въ мигъ исчезаетъ, ибо его нарахватъ покупаютъ изголодавшіеся люди. Сегодня почталіонъ Лейссъ принесъ значительную почту и даже посылки изъ Галичины, для раздачи къ общей радости всѣхъ насъ. Приготовляемся къ празднику Пасхи и моемся, чистимъ платье, бреемся, штопаемъ и зашиваемъ платье, баракъ тоже чистимъ и покупаемъ кое-что къ свѣтлому празднику.

Завѣдывающіе печками заготавливаютъ дрова и доски для топки на 4 дня праздниковъ. Священники совершаютъ Богослуженія. Думы мрачныя на чужбинѣ, въ Штириі, преслѣдуютъ меня, когда вспомню я праздники, проведенныя мною дома.

4 апр. — Сегодня первый день Пасхи. Уже 8 мѣсяцевъ томлюсь въ неволѣ. При раздѣлѣ я текъ высказываемъ пасхальныя пожеланія. Д-ру Коллеру вѣтрено печеніе надъ семью бараками. Первый участокъ (гофъ) отданъ Пистингеру изъ Галичины. У меня идетъ изъ носа кровь. Я, вмѣстѣ съ отцомъ, и г. Попель помѣщаюсь въ маленькой комнаткѣ, въ другой такой же помѣщается продавщица въ кантинѣ.

7. апр. — Въ 9 ч. утра 20 человекъ отправляются въ Грацъ, среди нихъ о. Влад. Бачинскій.

Вчера о. Обушкевичъ изъ Олифанта, Па. въ Соед. Штатахъ Америки, прислалъ 300 кронъ Мих. Дубику для раздачи нуждающимся лемкамъ. Эмигранты изъ деревни Лосье (горлицкаго уѣзда) въ Аме-

рикѣ прислали на руки Андрея Карела 250 кронъ для раздачи нуждающимся лосьянамъ. На руки Кузьяка изъ Богуши (грибовскаго уѣзда) пришло 300 кронъ для лемковъ О. Василій Курилло составляетъ списокъ интернированныхъ лемковъ.

На обѣдъ даютъ недоваренную кукурузянку („поленту“). Больныхъ тифомъ переводятъ въ новые бараки. Встрѣчаю юриста Юрія Полошиновича.

8. апр. — Падаетъ дождь. Грязь изрядная. Маленькій хлѣбецъ стоитъ 52 гелл. булокъ же вовсе не получаемъ. Паша и я получаемъ письмо отъ о. Мих. Вербицкаго, который чуть ли не первый подаль о себѣ вѣсточку, другіе освобожденные, хотя и обѣщали писать намъ, но своего слова не сдержали. Головка чесноку стоитъ 24—26 гелл., а литръ топленого молока 40 гел. Кусокъ торта (но какого!) — 36 гел. Въ лагерѣ находятся слѣдующія лавки: молочная съ хлѣбомъ и булками, которыхъ обыкновенно не бываетъ, колбасная, трафика (табачная) и для „карантина“, продавщицей которой состоитъ нѣмка (швабка). Въ молочной продавщицей состоитъ панна Зося, съ прислуживающей ей дѣвкой; въ булочной поляки, въ табачной — судья Гиссовскій, а въ колбасной русскій изъ-за кордона, у которого получаемъ яблоки, апельсины и другіе съѣстные продукты. Говорятъ, что за 4 мѣсяца рыжеволосая нѣмка заработала только на одномъ хлѣбѣ и чаѣ 30.000 кронъ. Въ лагерѣ прибыла въ поношенномъ и подранномъ платьѣ, теперь же обросла въ перья и задираетъ носъ вверхъ.

Кромѣ того есть въ лагерѣ агенты, которые посредничаютъ между нами а торговыми фирмами въ Грацѣ, таковы: Теофанъ Морозъ, Ткачукъ, капралъ Гельманъ и др. О. Сеникъ продаетъ снимки I и II участковъ (гофа) и кладбища по 70 гел. Попадаются также тайные продавцы стиртныхъ напитковъ, таковъ Д. и другіе. Папиросы продаютъ гимназисты. Отъ тифа умеръ въ послѣднее время только одинъ человекъ.

11. апр. — Врачъ Пистингеръ велитъ составить списокъ людей нашего барака съ цѣлью прививки оспы. Спустя два часа прибылъ онъ съ Полякомъ (чехомъ) и заставилъ всѣхъ поддаться этой операціи прививки оспы, хотя намъ слѣдовало бы привить противотифозную, а не оспенную сыворотку. Одинъ Боюкъ лишь спасся бѣгствомъ отъ этой не нужной ему вовсе операціи.

Сожженіе „живой“ соломы.

9. апр. — Дезинфекція нашего барака состоитъ въ томъ, что его внутри спрыскиваютъ лизоломъ. Вещи, чтобы не портились, мы вынесли на воздухъ и потомъ обратно внесли въ баракъ. Карантинъ для военныхъ талергофскаго лагеря снятъ.

10. апр. — Деньги присланныя изъ Америки раздѣляются между лемковъ. Дезинфекція земляковъ и бараконъ III-яго участка.

13 апр. — Сегодня три Качмарчика и о. Дорикъ отправляются въ Фельдбахъ на конфинацію (подъ надзоръ полици на свободу). Изъ лагеря выѣзжаютъ около 160 чел. Поляки безъ денегъ ѣдутъ въ Лейбницъ, а русскіе изъ Галичины въ Вольсбергъ. Они выходятъ партіями. Интеллигенція занимается телѣгу съ запряженной парой лошадей, на телѣгу складыва-

есть свои ничтожные пожитки. В 4 ч. по полудни, толпа крестьян, в сопровождении солдат без штыковъ, покинула лагерь и направляется въ Граць. „Украинцы“ получили 3, 5 или 7 кронъ въспомоществованія, русскіе ничего. Сейчас же вслѣдъ за ними власти освободили доктора Войтовича, который уѣхалъ на автомобиль Евреи Лейзеръ и Мазеръ сопровождаютъ всѣхъ со свойственными имъ приговариваніями. Петрусь продаетъ супъ людямъ по 2 гел. за кружку.

15. апр. — Сильный вѣтеръ несетъ въ лагерь туманы песку. Поставшихъ солдатъ замѣнили другими молодыми, ибо старыхъ солдатъ берутъ на фронтъ. Даже славный „ца ундъ цва“ поваръ Гавсъ Фашингъ, который прославился среди насъ жестокимъ обращеніемъ и побоями разливной ложкой за малѣйшую по его мнѣнію провинность, долженъ былъ отправиться на фронтъ, послѣ чего многіе изъ насъ облегченно вздохнули. Подъ карантинъ отправляются: о. Игнацій Мохнацкій, Гулла и др.

16. апр. — День почти лѣтній. Мнѣ удалось выхлопотать у повара пицци полъ ушата больше для нашего барака.

19. апр — Несогласія въ бараке вызвали рапортъ комисару, который разсудилъ споръ такимъ образомъ, что коменданты обѣихъ частей стали самостоятельными и заботится каждый о своей части. Вечеромъ цѣлая толпа окружаетъ какого-то парубка — работника сидящаго на доскѣ и въ тактъ своей пѣснѣ ударяющаго палкой въ доску,

издающую звуки какъ бы для аком паніамента къ его пѣснѣ.

22. апр. — Почту разноситъ молоденкій ефрейторъ. Новый лейтенантъ призываетъ всѣхъ комендантовъ бараковъ къ рапорту. Этотъ же лейтенантъ, придя неожиданно для насъ въ баракъ, увидѣлъ священниковъ играющихъ въ шахматы, почему то разолился, схватилъ шахматную доску и такъ сильно ударилъ ею о столъ, что столъ раскололся.

Среди насъ набираютъ охотниковъ на военную службу. Нашъ баракъ отгородили рѣшеткой отъ мастерскихъ.

23. апр. — День пасмурный, несмотря на это уже въ 5 ч. утра мы всѣ были на ногахъ. Цугфиреръ (взводный) приноситъ чистую бумагу для канцеляріи барака. О. Сеникъ отказывается отъ должности плаць-коменданта. Русинякъ и Бо-рухъ занимаютъ шлифовкой найденныхъ по дорогѣ кусковъ мрамора, на которыхъ потомъ вырываютъ надпись „памятка изъ Талергофа“. Эта работа прививается потомъ и въ другихъ баракахъ.

Судъ надъ Д. Бубнякомъ, о. Крушинскимъ и прочими.

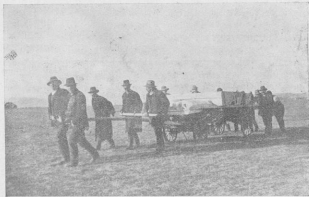
25. апр. — Воскресенье. Гуляю по дорогѣ между бараками. Жаворонки поютъ надъ нами въ воздухѣ. Озимая рожь такъ пышно разрастается, что любо смотреть на нее. Главнымъ священникомъ у насъ, вмѣсто о. Отто, выпущеннаго на свободу, состоитъ о. Григорій Макаръ изъ Угерецъ минеральныхъ. Лейтенантъ кого-то устраняетъ отъ должности коменданта барака.

26. апр. — После 8 дневнаго карантина 59 человекъ отправляются частью въ Лейбницъ, а частью въ Вольсбергъ, между ними судья Гулла и о. И. н. Мохнацкій. Падаетъ сильный дождь.

Похороны Иеронима Куновскаго.

27. апр. — Въ виду предстоящей ревизіи комиссиі приводятся баракы въ порядокъ. Прибывшему генералу рассказываемъ о нашемъ

не такъ она исправна, какъ это бывало во времена завѣдыванія его Лейземъ. Капитана Стрика (Stricka) нѣтъ уже въ лагерѣ. Вотъ, какимъ образомъ мы приобретаемъ картофель: Для чистки картофеля нашъ баракъ обязанъ высылать 2 или 3 человекъ. Такихъ людей мы всегда снабжаемъ самыми широкими шароварами съ весьма глубокими карманами. Эти люди, чистя кар-

Въ послѣдній путь.

жить-быть... Онъ говоритъ по польски. Осмотръ бараковъ и участка онъ производитъ подробно и довольно милостиво разговариваетъ съ делегатами бараковъ, позволяя имъ высказывать свои желанія. Въ 10 ч. утра купаемся. На обѣдъ даютъ намъ желтую вареную рѣпу. По приказу генерала получаемъ вещи изъ магазина. Дождь падаетъ. Хлопоты съ пошкой, уже

тофель, крадутъ его потихоньку и прячутъ въ свои шаровары и потомъ продаютъ его намъ.

28. апр. — Собираемъ деньги для одного лемка изъ Воловца. Принимаюсь за изученіе римскаго и церковнаго права (Institution des g^om. Rechts u. Kirchenrechts), которыя забралъ я изъ Горлицъ съ собою. Пишу секретарю Вѣнскаго университета и прилагаю марку въ

1 крону на отвѣтъ. Д. Дубняка и Галя послѣ 27-дневнаго ареста вы пустили вчера и отправили вновь въ бараки. Очень жарко, жаль что нѣтъ огорода въ лагерѣ.

29. апр. — Люди изъ карантинна идутъ купаться, потомъ ихъ помѣщаютъ въ 39-омъ баракѣ. Возлѣ лагеря проходить похоронная процессія какого то нѣмца съ музыкой во главѣ. Слышенъ похоронный маршъ Шопэна. Опять работы въ полѣ. Для лемка изъ Воловца собрано 5 кр. 40 гел. и передано на руки Авг. Мышковской. Съ папашей и Перегинцемъ гуляю возлѣ новаго карантинна Зелень кругомъ.

Возвращаясь, замѣтили одного больного, лежащаго на землѣ, которому первую помощь оказалъ врачъ д-ръ Могильницкій.

30. апр. — Боюкъ и Завойскій идутъ подъ карантинъ. Завтра всѣ мы должны перейти въ шестой баракъ.

Май 1915 г.

1 мая. — Суббота. Переходимъ въ шестой баракъ. Второе отдѣленіе прежняго барака, подъ предводительствомъ Мазура, выражаетъ протестъ, но вскорѣ успокаивается. Устраиваемся въ баракъ, прибывая къ стѣнѣ полки изъ досокъ. Такъ какъ „полевая кровать“ довольно просторны, то съуживаемъ ихъ. Въ баракъ А) переходятъ реконвалесценты изъ II участка. Совмѣстно съ Прегоріусомъ хлопочу о присылкѣ въ нашъ баракъ мастеровъ. Часть плѣнныхъ закордонныхъ русскихъ идетъ куда-то, а остальные обмазываютъ

крыши дегтемъ и зарабатываютъ т. об. по 5 кронъ въ день.

2. мая. — Адресовать къ намъ надо: „An Lagerkommando“ а не „Bewachungskommando“. Послѣ о. Сеника плацкомендантомъ сталъ какой-то полякъ, но ненадолго. Послѣ жары падаетъ дождь. Опять является комиссия во главѣ съ генераломъ, который внимательно спрашиваетъ делегатовъ барачковъ. Д-ръ Крушинскій подаетъ ему жалобу, которая навела страхъ на всѣхъ чиновниковъ и военныхъ, держащихъ насъ, что называется въ ежовыхъ рукавицахъ. Можно себѣ представить какимъ негодованіемъ они къ намъ заплыали. Ватилинъ проситъ объ улучшеніи пищи, такъ какъ ежедневно даютъ на обѣдъ вареную рѣпу и ничего больше. Власти вербуютъ „добровольцевъ“ на фронтъ. Изъ Граца привозятъ 14 человекъ въ лагеръ

3. и 4. мая. — Подъ карантинъ идутъ Махляй, Ковальскій, Сухнацкій, Милько и др., всѣхъ 9 человекъ; на ихъ мѣсто прибываетъ новыхъ 6 человекъ.

5. мая. — Дезинфекція нашего барака. Снова таскаемъ свои вещи то изъ барака то въ баракъ; эта работа заняла намъ цѣлое послѣобѣденное время. Мы какъ жиды на пустынь таскаемся изъ шатра въ шатеръ, а Богъ вѣсть, сколько разъ еще придется намъ такъ скитаться, т. е. въ сущности только топтаться на мѣстѣ. Принимаемъ въ нашъ баракъ Григорія и Николая Галя и Федорка (лемковъ).

6. мая. — Снова 12 человекъ отправляются въ Граць, среди нихъ и о. Отто. Сегодня прибыва

еть къ намъ санитарная комиссія для осмотра лагеря. Въ кантинѣ можно купить марки для писемъ, но при условіи покупки и бумаги для письма. Заказное письмо стоитъ 74 геллера. Одинъ крестьянинъ изъ Званивки (уѣздъ Кросно), хотя былъ освобожденъ, въ отчаяніи отъ полученныхъ имъ свѣдѣній, бросился подъ поѣздъ, и лишь на другой день нашли его тѣло.

7. мая. — 89 людей изъ Терезина прибыли утромъ и заняли II участокъ лагеря. Евстахій и Романъ Макаръ изъ Угрець Минеральныхъ посѣщаютъ о. Григорія Макара въ нашемъ баракѣ и рассказываютъ свои перипетіи. Къ намъ приходятъ знакомые и прихожане о. Макара, которые были во второмъ, а послѣ въ 20-омъ баракѣ. Транспортъ Терезинцевъ раздѣленъ на двѣ группы: одна интернированныхъ, которые должны остаться въ лагерѣ, а другая людей, которыхъ отправятъ въ разные города подъ надзоръ полиціи.

8. мая. — Второй участокъ изолированъ отъ перваго проводочной рѣшеткой и поставлены кругомъ него сторожевые посты. Снова прибываетъ комиссія во главѣ съ генераломъ; о. Савула пошелъ подъ карантинъ.

9. мая. — Воскресенье. Дождь весь день и понятно все время проводимъ въ баракѣ. На обѣдъ даютъ по обыкновенію вареную рѣпу. Обѣвши этой рѣпой, мы почувствовали тяжесть въ желудкѣ, вследствие которой почти все поголовно легли спать, но и во снѣ рѣпа даетъ себя чувствовать такъ, что неспящие были вынуждены суетиться.

Многіе почти всю ночь не спали.

Почту разноситъ по лагерю ефрейторъ Мандль.

10. мая. — Генераль снова посѣщаетъ лагерь. Вдова Нестора Полянскаго хочетъ посѣтить до отъѣзда гробъ своего мужа, но власти не разрѣшили ей этого. Запрещается женамъ, мужьямъ и дѣтямъ молиться у гроба своихъ родныхъ передъ отъѣздомъ.

Имѣемъ новаго врача Полячка (чеха). Врачъ Пистингеръ уѣзжаетъ на фронтъ, онъ былъ довольно хорошей и врачъ и челювѣкъ и помогалъ намъ сколько могъ. Петро Дидчикъ переходитъ въ госпиталь не заразительныхъ болѣзней.

11. мая. — Медицинскій осмотръ сегодня производятъ врачи: д-ръ Ляйакеръ и Поллячекъ. Сегодня уменьшено число порцій супа съ 28 на 8 на весь баракъ. На обѣдъ даютъ разваренную рыбу, цѣликомъ не очищенную. Пріѣзжаютъ въ лагерь два офицера польскихъ легионовъ съ заданіемъ вербовать австрійскихъ и русскихъ поляковъ въ легионы. Многихъ изъ интернированныхъ уже вчера призывали къ воротамъ эти офицеры и предлагали имъ вступить въ легионы.

Генераль разрѣшилъ читать газеты къ нашему общему удовольствію, ибо это разрѣшеніе все таки подаетъ надежду, что въ будущемъ жизнь наша станетъ немного легче.

О. О — вичъ пользуясь этимъ разрѣшеніемъ беретъ старую газету, которую онъ читалъ нѣсколько разъ, выходитъ съ нею на площадь и, развернувъ ее съ торжествую-

щимъ видомъ, начинаетъ читать во всеуслышаніе. Военный судья допрашиваетъ „заподозрѣнныхъ“ или тамъ обвиненныхъ. О. Х.—къ читаетъ „Universum“, послѣ чего засыпаетъ сномъ праведнаго, не выпуская изъ рукъ экземпляра этого журнала. Подойдя къ нему, мы прочли заглавіе статьи, которую онъ читалъ. Оказалось, что это была статья „о модахъ“. Очевидно, что чтеніе такой поучительной статьи вліяетъ на мужчинъ пожилого возраста, благотворно убаюкивая ихъ ко сну.

Киселюкъ Романъ и вдова Полянская, идугъ подъ карантинъ, а Боюкъ и 40 терезинцевъ уѣзжаютъ въ Граць. Возлѣ ангаровъ для аэроплановъ власти устроили пекарню. Люди нашего барака употребляютъ въ разговорѣ часто слова: „хомикъ“ и „папа римская медвѣдикъ XVI“. Среди людей изъ Терезина находятся о. Пирогъ, студентъ Шуминскій, Кмицкевичъ и др. Крестьянинъ Барна заработалъ столько на стиркѣ бѣлья, что купилъ себѣ впервые въ жизни бинтъ на усы и надѣвъ его кичливо разгуливаетъ по площади съ засунутыми въ карманы руками. Тѣ, которымъ врачъ запретилъ давать мясной супъ, обсуждая это между собой, говорятъ: „Я могу обойтись безъ мясного супа, но почему меня исключили изъ списка получающихъ мясной супъ, не понимаю“. Ненормальный Стефанъ ухаживаетъ за толстой продавщицей булочной и за „Schwester“, чѣмъ приводитъ толлу гуляющихъ въ неопишное веселье.

12, мая. — Генераль осматри-

ваетъ бараки. Одинъ старый крестьянинъ проситъ его отпустить его въ виду его старости, съ сыномъ на свободу, отправивъ предварительно подъ карантинъ. Генераль, выслушавъ его, обещалъ размотрѣть его дѣло. Ободренный милостивымъ отношеніемъ генерала, старикъ гнусливымъ низкимъ голосомъ, по польски обращается къ генералу: „Ваша эссенція!“ „Чего хочешь?“ — спрашиваетъ генераль. „Врачъ не хочетъ дать мнѣ карточки на мясной супъ!“ Присутствующіе улыбнулись. Генераль махнулъ рукой и пошелъ дальше. Читаемъ газеты передъ баракомъ. М.—къ беретъ обычно за одиночное чтеніе газеты 70 гел. Юсеферта (поляка), посаженного на 4 мѣсяца въ одиночное заключеніе безъ объясненія причинъ и безъ слѣдствія, выпустили 11-го сего мѣсяца въ часть ночи и направили въ баракъ. Кицька въ 7 ч. утра привелъ по приказу властей, въ арестный баракъ Карела и Дудру. Утромъ холодно, но послѣ обѣда потеплѣло.

13, мая. — Дм. Качоръ заболѣлъ тифомъ. Во время ѣды хлѣба смазаннаго медомъ у меня сломался зубъ, къ счастью моему я во время это замѣтилъ и выплюнулъ его. Подъ карантинъ, оказывается, отправлены изъ нашего барака: Базаръ, Середа, Стефанъ Качмаръ, Коваль, отецъ о. Калиновича и др. Сборъ для больного Качора. Вечеромъ разговариваемъ съ Шуминскимъ, Романомъ Макаромъ и однимъ крестьяниномъ, который передалъ намъ фактъ преднамѣреннаго убійства постовымъ одного крестьянина. Нѣсколько мѣся

цевъ тому назадъ разсказчикъ стоялъ поодаль отъ поста и видѣлъ, какъ къ постовому солдату подошелъ другой солдатъ и посоветовалъ ему зажечь папиросу и бросить передъ проходящимъ той дорогой интернированнымъ крестьяниномъ, что постовой солдатъ немедля исполнилъ. Крестьянинъ, видя лежащую на землѣ зажженную папиросу, не смотря на то, что курить было запрещено, поднялъ ее и, конечно, сейчасъ сталъ ее курить. Этого только и ожидалъ солдатъ и, подбѣжавъ къ нему, прокололъ его штыкомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ! Въ настоящее время солдаты чехи къ намъ относятся гораздо снисходительнѣе, чѣмъ солдаты австрійцы.

Сегодня приняли мы въ нашъ баракъ лемковъ: дьяка Казимира Червинскаго, Гаврана и Олесевича. День жаркій. Возлѣ бараконъ занятыхъ людьми изъ Терезина торчитъ цѣлая толпа нашихъ, которыхъ чешскіе посты не отгоняютъ. Съ почтой нѣтъ порядка, ибо раздаютъ ее 5 человекъ. Играю въ шашки съ Федоркой.

14 мая. — Военный слѣдователь допрашиваетъ меня и о. Кирилла В. Мой протоколъ гласитъ: Феофиль Курилло, 23 лѣтъ отъ роду, гр.-католикъ, свободный, юристъ и практикантъ въ уѣздной польской ссудо-сберегательной кассѣ въ Горлицахъ, арестованъ въ Горлицахъ, на дому, однимъ изъ вахмистровъ жандармеріи „За что арестованъ?“ отвѣчаю: „не знаю причины, быть можетъ — Вамъ, господинъ судья, это извѣстно“. „Имѣете деньги?“ — „не имѣю, но

мой отецъ ихъ имѣетъ“. „Почему онъ сюда не явился?“ — „Потому, что не былъ призванъ“. „Ну такъзовите его“. (Я призвалъ папашу). Судья тоже спрашиваетъ отца, такъ же его имя и фамилію, сколько лѣтъ, женатъ ли онъ, былъ ли подѣ слѣдствіемъ. Отецъ отвѣчаетъ, что въ Новомъ Санчѣ, былъ подѣ слѣдствіемъ, по причинѣ анонимнаго доноса. Изъ заподозрѣнныхъ только двумъ былъ объявленъ приговоръ: благочинному Сандовичу и его сыну Антону, которые и были разстрѣляны въ Новомъ Санчѣ, а остальные, въ виду появленія въ Н. Санчѣ холеры, были перевезены въ Талергофъ. Я былъ преданъ военному суду и какъ видно, освобожденъ. Судья: „Сколько денегъ имѣте вы?“ Отецъ: „въ депозитъ 400 кронъ и 130 кронъ мѣсячнаго жалованья“. Сегодня военный слѣдователь допрашиваетъ всѣхъ заподозрѣнныхъ изъ Перемышля, а изъ лемковъ только: д-ра Дм. Собина и его брата Михаила и еще нѣсколькихъ крестьянъ. Душная жара. Мы всѣ только въ рубахахъ и штанахъ. На площади нѣкоторые собираютъ окурки брошенные на землю и, вытряхивая изъ мундштуковъ оставшіяся табакъ, сушатъ его и употребляютъ эту массу на изготовленіе новыхъ папиросъ. Утромъ, во время завтрака, можно видѣть цѣлую толпу голодныхъ людей, молящихъ о предоставленіи имъ остатковъ супа! Получившіе его хлебаютъ съ жадностью чисто звѣриной. Нѣкоторые покупаютъ, этотъ сильно разбавленный супъ по 4—10 гел. за кружку. Военный слѣдователь ут-

ромъ допрашиваль Боруха, послѣ чего его переводить вмѣстѣ съ Крыжановскимъ, Кмицикевичемъ и Прислопской, въ 34-ый баракъ. Надъ Талергофомъ разразилась буря съ громомъ.

15. мая. — Безчеловѣчное обращение старшаго надзирателя арестнаго барака съ однимъ русскимъ интернированнымъ. Неизвѣстно, за что, билъ его палкой по спинѣ и рукамъ и на возраженія битаго ругалъ его (каналья, свинья и т. п.) и послѣ длительного истязанія, посадилъ его снова подъ арестъ.

Власти велятъ побѣлить извѣстную бараки извнѣ, а возлѣ нихъ устроить у стѣны грядки, борозды и посадить въ нихъ фасоль, дабы она, выросши, накрыла стѣны барака. Сильный дождь. Кригичъ (Kriegicz) вечеромъ отправляется въ Граць. Комиссія разсматриваетъ дѣло устройства часовни и спрашиваетъ священниковъ, какой они вѣры, ибо нѣмцамъ не было ничего извѣстно объ униатахъ и они ихъ принимали до сихъ поръ за православныхъ.

16. мая. — Хлѣбъ пекутъ въ Талергофѣ, но онъ уже не тотъ, ибо къ мукѣ примѣшаны отруби и обрѣзки картофеля. Понятно, что многие изъ насъ сильно болѣютъ послѣ принятія такой неудобваримой пищи. Даже солдаты отказались брать свой паекъ въ видѣ этого хлѣба. Топить печку можно только въ опредѣленное время. Случилось, что кто-то въ баракѣ, послѣ того какъ поѣлъ этого Талергофскаго хлѣба, заболѣлъ желудкомъ, и ему нужно было приготовить горячую пищу, для чего

другой затопилъ печку и сталъ варить воду. Врачъ увидя дымъ изъ трубы нашего барака, сейчасъ прибылъ въ баракъ и, вызвавъ меня, какъ одного изъ комендантовъ барака, обѣщаль подать рапортъ на меня, если подобное своеволие со стороны жителей барака еще разъ повторится. Читаю новопоявившійся юмористическій листокъ „Терезинская вошь“.

На обѣдъ, несмотря на жалобы генералу, всетаки подають рѣпу и рѣпу. Встрѣчаю бывшаго гимназиста втораго класса въ Яслѣ, Станчака. Разговариваю съ о. Калужницкимъ по дѣлу вспомоществованія для больнаго Качора.

17. мая. — Даютъ одну булку недопеченнаго хлѣба на 5 человекъ. Хлѣбный голодъ господствуетъ во всемъ лагерѣ.

18. мая. — Работники поправляютъ дорогу за бараками. Жара ужасная. Послѣ съеденія всенепременной рѣпы идемъ спать. Постоявой солдатъ побилъ до крови одного старика, три сына, котораго служили въ австрійской арміи и сражались на фронтѣ.

19. мая. — На меня и Кицьку подаль Полячекъ рапортъ, что въ баракѣ, несмотря на напоминанія, топлено въ печкѣ въ недозволенное время. Присутствующій при допросѣ офиціаль Тымчакъ далъ о насъ коменданту лагеря благоприятный отзывъ, говоря, что мы лучшіе коменданты въ цѣломъ лагерѣ. Въ виду этого отзыва комендантъ лагеря выразилъ надежду, что мы, какъ коменданты барака, будемъ стараться строго слѣдить за тѣмъ, чтобы обитатели барака

не топили печекъ въ недозволенное время, и отпустили насъ.

Къ рапорту представлены тоже были: д-ръ Собины и Прислпская. Главный комендантъ лагеря, (оберштъ) полковникъ, сегодня почему-то въ хорошемъ расположении духа. Пользуясь этимъ, о. Курилло идетъ къ нему и показываетъ недопеченный хлѣбъ. Увидя этотъ хлѣбъ, оберштъ немедля распорядился забрать у насъ этотъ хлѣбъ и выдать замѣсто него лучшій.

спрашиваетъ меня, что сказала мнѣ главный комендантъ (полковникъ), не похвалили ли меня. Въ отвѣтъ говорю ему, что полковникъ махнулъ рукой на его рапортъ и велѣлъ мнѣ идти въ баракъ.

Мандъ абонируетъ: „Neue Freie Presse“, а о. Курилло: „Nowa Reformę“. О. Х. читаетъ лекцію дякамъ, сначала объ эмансипаціи женщинъ, потомъ о грамматикѣ и наконецъ о Шпицбергенѣ. П — ло сначала слушаетъ потомъ встаетъ съ

Похоронная процессія

Одна булка хлѣба приходится на 4 человекъ. Вообще затрудненія въ полученіи хлѣба непреодолимы. Только сегодня прибываютъ на дверяхъ бараковъ инструкцію о многихъ обязанностяхъ и никакихъ правахъ для интернированныхъ. Узнаемъ, что Италия присоединяется къ коалиціи, враждебной Австріи. Говорятъ, что завтра будутъ допрошены 400 человекъ. 4-ый баракъ дезинфицируютъ.

20 мая. — Падаетъ проливной дождь. Врачъ Поллячекъ ра-

мѣста, поправляетъ шляпу, гладитъ усы и, не оглядываясь, выходитъ изъ барака, за нимъ удираютъ по одиночкѣ и остальные слушатели, „остается лишь одинъ Вербенецъ, но рѣчь уже идетъ о судахъ. У П — са много чемодановъ, чемоданчиковъ и коробочекъ. Кто-то въ его отсутствіе написалъ на нихъ: панталоны, подштанники, галстуки, воротники и прочее, какъ будто это была лавочка. Такъ какъ топить печку можно только въ определенное время, то въ запрещенное

время варимъ себѣ чай, супъ и прочее на Примусѣ. Хлѣба получаемъ одну булку на 5 человекъ. Утромъ получаемъ мучной супъ (пшено рѣдко кто беретъ), на обѣдъ рѣпу, а наужи ть кофе. Въ нашемъ баракѣ помѣщается 120 людей. Вечеромъ мы всѣ идемъ гулять, но не надолго, ибо падаетъ дождь.

21. мая. — Первое упражненіе пожарной дружины подъ руководствомъ взводнаго (капрала) Ревса, и инструкція, какъ пользоваться пожарной трубой.

На обѣдъ гнилая рыба. Много бараковъ возвращается ея обратно. Сопровождаю больного Паранича въ госпиталь. Въ амбулаторіи дѣлають снимки. Хлѣбъ получаемъ только въ 4 ч. пополудни. Собираемъ деньги на уплату работникамъ въ баракахъ.

22. мая. —купаемся въ банѣ. Папаша пишетъ письмо Сашѣ К., адресуя его на имя Перегинца (за согласіемъ тойже) черезъ Галацъ (Румынія) для передачи Сашѣ К., ибо всѣ наши письма къ ней были безъ отвѣта. Хлѣба получаемъ на 3 дня впередъ. На обѣдъ: картофельный супъ съ мясомъ неопредѣленного вида и вкуса. „Рацца“ одѣваясь, цѣлуетъ каждую отдѣльную вещь своего гардероба и также уважительно, какъ эпитрахиль и фелонъ священникъ.

23. мая. — Первый день праздника св. Троицы. Бараки украшаемъ зеленью. По всѣмъ баракамъ священники правятъ утрению. Врачу заявляю, что подаваемый намъ супъ невозможенъ, на что онъ отвѣтилъ, что надо обратиться къ полковнику. На обѣдъ получаемъ

рись, а на завтракъ опять до того скверный супъ, что выливаемъ его въ сортиръ. Дипломатическія сношенія Австріи и Германіи съ Италией прерваны. Хоръ Терезинцевъ подъ регенствомъ Галушки поетъ хорошо. Сегодня не видно полета аэроплановъ. Проходя около луговъ, слышимъ стрекотанье кузнечиковъ и пѣніе жаворонковъ и вдыхаемъ въ себя живительный воздухъ, приносимый вѣтромъ съ Альпъ. По баракамъ завелось, кроме обычныхъ и вездѣсущихъ насекомыхъ, также много новыхъ, какъ напр. муравьевъ и др.

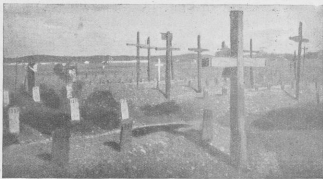
24. мая. — На обѣдъ даютъ неизмѣнную, возненавиженную рѣпу, а на ужинъ плохого качества фасоль. По случаю праздниковъ, газетъ не получаемъ. Послѣ обѣда старикъ Ч., лежа на кровати безъ сапогъ и сюртука, рассказываетъ желающимъ его слушать, какъ хорошо въ молодости онъ читалъ „Апостола“ въ церкви и какъ за это угощали его у себя благочинный и совѣтники. Эти разглаголовствія его были прерваны о. Вл. Мимъ, ибо не давали ему спать; большинство людей уже спитъ, другіе играютъ „въ дураки“, иные же молятся или пишутъ домой письма, даже втихомолку поплакивая и всхлипывая. Распря Богдана Км. съ Добіей. У Богд. Км. производятъ ревизію и наказываютъ его одиночнымъ заключеніемъ. На другой день Богд. Км., допрошенный Тымчей, выпущенъ изъ подъ ареста, ибо признанъ невиновнымъ.

25. и 26. мая. — Слѣдственные власти допрашиваютъ нѣкоторыхъ. Получаемъ сегодня на обѣдъ

картофельный супъ и рисъ. Въ лагерѣ мало хлѣба, мы его не только не получили, но даже не можемъ за деньги достать. Вышло приказаніе, дабы тѣ изъ поляковъ, которые не ходили къ допросу, явились въ часть дня, у воротъ лагера, для допроса. До сихъ поръ всякую корреспонденцію передавали мы Уейскому, Мандлю, Папари и двумъ постовымъ, и часто наши письма не доходили по адресу, теперь же бросаемъ корреспонденцію

кой, поэтъ удивительно хорошо. Вижу здѣсь о. о. Феленчака, Пи. Пирога и прочихъ.

Часть людей изъ карантиннаго барака уѣзжаетъ домой на свой собственный счетъ, въ ихъ числѣ: Стефанъ Криницкій. Священникамъ выдлачиваютъ жалованье. Прошу врача, чтобы велѣлъ давать одинъ хлѣбъ на 4 человѣка, такъ какъ хлѣба, который выдаютъ, не хватаетъ, на что получилъ отвѣтъ, что это невозможно ибо, и мирное

Кладбище „подъ соснами“.

въ почтовый ящикъ. Одного человѣка, который сошелъ съ ума вслѣдствіе долгаго одиночнаго заключенья, отправили къ врачу въ Грацъ. 50 человѣкъ изъ Терезина уѣхали въ Грацъ. Карантинъ наложенный на Терезинскій отдѣлъ отиѣненъ.

27. мая. — Мой первый визитъ у Романа и Евстахія Макаровъ, которые прибыли изъ Терезина. Хоръ, управляемый Галуш-

населеніе имперіи не получаетъ больше хлѣба. Получаю на весь баракъ 3 куска мыла и нѣсколько др. вещей.

28. мая. — Получаемъ хлѣбъ, представляющій смѣсь муки, деревянныхъ опилокъ пыли всякихъ др. неудобоваримыхъ примѣсей. Этотъ хлѣбъ вызываетъ у насъ боли въ желудкѣ и головную боль. Генераль приѣзжаетъ ревизовать ла-

геръ. Онъ милостиво принимаетъ всѣ жалобы. Бараки бѣлятъ извнѣ известно. Гвоздевскій показываетъ генералу хлѣбъ. Штирія объявлена на военномъ положеніи. Хлѣбъ сталъ дороже на 4 геллера. Въ баракахъ заведены посты пожарной стражи.

29 мая. — Даютъ на два дня впередъ горькій хлѣбъ. Всю ночь падалъ дождь. Переводятъ изъ нашего барака 9 человекъ въ 19-ый баракъ, въ числѣ ихъ: Сенку Брунарскаго и Червинскаго. Иностранцевъ Круля и Вуйчика переводятъ въ 10-ый баракъ. Тѣхъ, которые были подъ карантинномъ, вмѣсто того чтобы выпустить на свободу, вновь, безъ объясненія причинъ, помѣстили въ бараки, задержавъ ихъ освобожденіе на неопредѣленное время (Befehl ist Befehl!) Получаемъ журналъ „Universum“, за 3 кроны. Возлѣ кантины (лавки) устроили фонтанъ. Изъ газетъ имѣемъ: „Neue Freie Presse“, „Gratzer Tageblatt“ и „Курьеръ Вѣнскій“.

30 мая. — Воскресенье. Утромъ прибыла новая партія интернированныхъ, числомъ 500 человекъ, изъ разныхъ городовъ. Среди нихъ православный священникъ Гудима изъ Вейнберга и нѣсколько крестьянъ изъ грибовскаго и другихъ уѣздовъ. Ихъ размѣстили частью въ трехъ карантинныхъ баракахъ, частью въ баракахъ №№ 31, 32 и 33. Пелагея Сандовичъ спрашиваетъ о Гудиму про его жену. До 28 с. м., интернированныхъ въ Талергофскомъ лагерѣ насчитывалось 5.164 человекъ. Однихъ булочниковъ (пекарей) было 40 человекъ. Кофе не получаемъ, ибо

его нѣтъ. Получаемъ лишь прескверный супъ, отъ котораго у многихъ появился поносъ.

31 мая. — 88 поляковъ, русскихъ подданныхъ, переводятъ въ Штейнкламъ (нижня Австрія). Хлѣбъ получаемъ вечеромъ. Дождь падаетъ довольно часто. На площади огласили власти фамиліи тѣхъ, которыхъ уже давно одержать въ Талергофскомъ лагерѣ, но не объяснили причины такого оглашенія. Одинъ старикъ изъ Мостискъ житель 7-го барака задохся въ банѣ, видно любилъ сильно попариться. Изъ за этого всѣ работники бани призваны къ рапорту.

Июнь 1915 г.

1 июня. — Я изучалъ законы, но прихожу къ заключенію, что изучать ихъ не стоитъ, ибо здѣсь въ лагерѣ нѣтъ законовъ, а лишь своеволие властей и сплошное беззаконіе. Читаю газеты. 50 терезинцевъ выѣхали на свой счетъ въ Граць. На баракъ прислано 3 килограмма мыла. Позже идемъ купаться.

2 июня. — Утромъ слѣдственная власти допрашиваютъ интернированныхъ изъ слѣд. уѣздовъ: Новый Санчъ, Горлицы, Грибовъ, Ясло и Броды. Михаилъ Дудыкъ и Трембачъ, арестованные, заспали въ арестѣ такъ, что надзиратель послѣ 8 ч. утра засталъ ихъ спящими. Вслѣдствіе этого онъ пожаловался полковнику, что они не исполнили приказа вставать до 8 час. утра. Полковникъ сдѣлалъ имъ выговоръ и выразилъ надежду, что впередъ они этого не сдѣлаютъ.

Упражненія пожарной дружины на случай пожара. Лемкамъ почта доставила 15 посылокъ. Мандль раздаетъ ихъ вмѣстѣ съ корреспондентшей, возлѣ нашего барака. Утромъ получаемъ давно ожидаемый кофе, въ которомъ было больше желудей, ржи и т. п. вещей, чѣмъ настоящаго кофе. 8 человекъ, среди которыхъ Полянская, о Дыгдалевичъ и о. Савула освобождены, и отправляются въ Граць. Хлѣбъ до того скверный, что никто изъ насъ не принимаетъ его. Еще 80 человекъ освобождены и уѣзжаютъ.

3. июня. — Прибыло 300 человекъ интернированныхъ въ Талергофъ. Знакомлюсь съ Тустановичемъ. Изъ Сандецкаго уѣзда прибылъ лишь одинъ крестьянинъ и нѣсколько женщинъ изъ Ростоки; изъ Горлицкаго уѣзда тоже нѣсколько крестьянъ. Въ транспортѣ этомъ много женщинъ. Вещи ихъ доставлены въ лагерь на тельгѣ. На площади слышится рѣчь польская, цыганская и румынская, но преимущественно раздается русская рѣчь. Впервые ѣдимъ салатъ.

4. июня. — Прибылъ транспортъ русскихъ военнопленныхъ. Васильевичъ изъ 30 го барака, по моей просьбѣ, стрижетъ теперь людей нашего барака, но подъ условіемъ, что за это кто-нибудь изъ нашего барака сыграетъ съ нимъ въ шахматы. Власти перемѣщаютъ людей изъ одного въ другой баракъ, какъ будто пѣшки на шахматной доскѣ. Вслѣдствіе этого Жолкевичъ, Киселюкъ и прочіе переходятъ въ баракъ А. Людямъ транспорта изъ Гейнбурга не назначено карантина

и разрѣшено свободно гулять на площади. Полуумный Стефанъ изъ Бережанскаго уѣзда чуть было не убилъ одного крестьянина за то, что тотъ дразнилъ его. Когда шелъ взводъ солдатъ, мы всегда уступали ему мѣсто, а Стефанъ шелъ всегда на прямикъ, за что получалъ изрядные побои, ибо мѣшалъ взводу идти. Вахмелевскій идетъ подъ карантинъ въ 15-ый баракъ.

5. июня. — Перемышль взять австрійцами. Больному Качору приношу хлѣбъ и деньги. Нашъ баракъ покидаютъ: о. Оришкевичъ, о. Дикій, Мизераки отецъ и сынъ, Мазуръ и др. Ужасно жарко. Вечеромъ приходитъ пьяный взводный (капралъ) и велитъ очистить грядку фасоли передъ нашимъ баракомъ, на мое заявленіе, что нѣтъ ни лопаты ни другого подобнаго орудья для этой работы, получаю отвѣтъ, что Адамъ и Ева не имѣли подобнахъ орудій, а все таки умѣли взрыхлять землю.

6. июня. — Воскресенье. Получаемъ отъ о. Отто открытку съ дороги. Видно, онъ не забываетъ насъ. Почту раздаютъ уже 4-ый день возлѣ нашего барака. На почтамтѣ Пунтигамъ задерживаютъ посылки съ съѣстными припасами, такъ долго, что наши люди получаютъ ихъ испорченными. Въ лавкѣ можно приобрести салатъ и содовую воду. Внутри въ часовнѣ пишутъ иконы и красятъ иконостасъ. Романъ и Евстахій Макаръ живутъ въ нашемъ баракѣ. Жара ужасная, 27° по Реомюру. Многихъ изъ Терезинцевъ высылаютъ власти въ Граць на свободу. Сегодня даютъ на завтракъ супъ изъ немь

той фасоли, на обѣд картофельный супъ съ мясомъ, какъ поговариваютъ, старой лошади, а на ужинъ совсѣмъ скверный супъ неопредѣленного вкуса и цвѣта.

8. іюня. — Въ 4 ч. полудни температура достигаетъ 27° по Реомюру. Лысенко уже самъ моетъ свое бѣлье. Въ ангарѣ находятъся аэропланы, которые совершаютъ полеты только утромъ и вечеромъ, днемъ же вслѣдствіе жары этого не дѣлаютъ. Кто-то изъ нашего барака получилъ списокъ раненыхъ и убитыхъ на фронтѣ. Всѣ просматриваютъ его, нѣтъ ли тамъ родныхъ или знакомыхъ. Хитрый, хвастливый и вѣчно довольный собой Дизіо М. сидитъ одѣтый въ коужу и жалуется на страшную жару. Кто-то совѣтуетъ ему сбросить коужу, но получаетъ отъ него отвѣтъ, что безъ коужовъ онъ обойтись не можетъ и такъ бы скучалъ за ними и себя грызъ, что умеръ бы, и такъ коужа и не снялъ. О. Макаръ, Хиякъ и другіе играютъ съ преферансъ, иные читаютъ газеты или бесѣдуютъ между собой. Впервые мы узнали о смерти двоихъ дѣтей о. Игнатія Мохнацкаго изъ Вейтковой.

Абитуриентъ Теофиль, заподозренный въ шпіонствѣ въ пользу Россіи, повѣшенъ 18. января 1915 года, на рынкѣ въ Грибовѣ, а Марія звѣрски убита на улицѣ въ Перемышлѣ 15. сентября 1914 года. Число невинныхъ жертвъ австрійскаго террора все увеличивается. Изъ Криницы пишутъ, что вербуютъ дѣвицъ въ сестры милосердія австрійскаго Краснаго Креста. Муравьи насъ прямо таки преслѣ-

дуютъ, ихъ всюду въ баракѣ полно. Съ 11 ч. утра до 5 ч. по полудни на улицахъ лагеря почти не видно людей. Всѣ жители прячутся по баракамъ и лежатъ почти раздѣтые, до того жарко. Михаилъ Нестеракъ идетъ подъ карантинъ. Покидаетъ лагерь 35 чело-вѣкъ.

9. іюня. — Въ 12 ч. температура доходитъ до 26°. Поваръ присылаетъ мясо изъ кухни и велитъ его дѣлать въ баракѣ на порціи. Ссора въ кухнѣ съ поваренкомъ. Дьякъ Дуфанецъ идетъ въ солдаты въ Новый Санчъ. Сегодня выѣхало въ Грацъ около 20 чел. Въ нашемъ баракѣ находится 101 чело-вѣкъ. Прибываетъ транспортъ въ числѣ 25 чело-вѣкъ изъ окрестностей Коломыи. Тымчакъ велитъ мнѣ писать протоколы дознаній.

Одинъ изъ только что прибывшихъ интернированныхъ на вопросъ, за что его арестовали, отвѣтилъ, что одолжилъ какому-то товарищу прокурора суда что-то около 18 кронъ и встрѣтя его на улицѣ, просилъ его отдать ему долгъ. Товарищъ прокурора не только не отдалъ денегъ, но приказалъ еще доставить его въ Талергофъ, какъ неблагонадежнаго. Г-жу Рубингеръ взяли за то, что она, будучи хозяйкой у настоятеля приходѣ, разговаривала съ о. Левицкимъ, недавно выпущеннымъ на свободу изъ Талергофскаго лагеря и возвратившимся домой.

Теодоръ Мохнацкій, о. Сеникъ, Дм. Вислоцкій, Андрейко, Гнатышаки (кромѣ Ореста), Мащакъ, Іоанна Дуркотъ и др., идутъ подъ

карантинъ, послѣ котораго отправляютъ ихъ въ Вѣну, подѣ судѣ. Зубъ разболѣлся, а дентиста нѣтъ, его обязанности исполняетъ поварь! Волей-неволей иду къ нему. Онъ ткнулъ мнѣ въ ротъ какую-то свою пачкатню и велѣлъ уплатить за это двѣ кроны

10. іюня. — Работники изъ нашей братіи работали весь день несмотря на нестерпимую жару, подгоняемые кнутами сторожащихъ постовыхъ. Они исправляли дороги, носили на спинѣ дрова отъ станціи желѣзной дороги въ лагерь, или же выкапывали камни, то какъ невольники тянули везы, то трамбующій дороги валь. Эти несчастные даже не имѣютъ цѣлаго платья, а отдыхъ имъ даютъ только на часъ или два, когда нестерпимая жара даетъ себя болѣе чувствовать и сторожащимъ ихъ людямъ. Бѣду получаютъ очень скудную и потому, если не имѣютъ своихъ денегъ, положительно примираютъ съ голоду. Почту получаю неисправно, а пакеты съ испорченными съѣстными припасами. Сортиръ распространяетъ ужасную вонь.

11 іюня. Жарко. Качоръ находится въ 7-омъ баракѣ, а Юречко изъ Новаго Санча въ 19-омъ. Сегодня дежурятъ въ кухнѣ изъ нашего барака Максимовичъ и Пирогъ. Каждый въ баракѣ получаетъ отдѣльно порцію мяса и отдѣльно порцію супа. Такой порядокъ заведенъ по приказанію властей, дабы прекратить воровство нѣмецкихъ поваровъ. На карантинѣ, гдѣ находится о. Дикій, появи-

лись два роя пчелъ, которые были пойманы и помѣщены въ ульи.

Постовые солдаты спокойно смотрѣли и даже выражали по этому поводу радость. Русскіе плѣнные пекутъ хлѣбъ качества значительно лучшаго, чѣмъ наши пекари — „бавроши“. Въ кантинѣ берутъ: за 10 гр. „брынды“ (спеціального сорта сухой творогъ) 5 гел., за головку попорченного салата 14 гел. и за вязанку луку — 60 гел. Читаютъ акты судопроизводства по дѣлу ссоры Кмицкевича и Добии въ полюбовномъ судѣ, въ которомъ членами состояли д-ръ Орестъ Гнатышакъ, о. Мащакъ, о. Кисѣлевскій, д-ръ Могильницкій и д-ръ Санецкій. О. Жолкевичъ уѣзжаетъ въ Лейбницъ. Михаилъ Нестеракъ рассказываетъ мнѣ, что постовые солдаты 2 и 3 участково бьютъ нашихъ крестьянъ по лицу.

12. іюня. — Поварь „пломбируетъ“ мнѣ зубъ. Около 600 человекъ, преимущественно изъ терезинскаго транспорта, взяты на работы. Жители трехъ бараконъ А, Б и Ц (А, В С) отправлены въ Гминденъ, остается только Ивашкевичъ. Велю дѣлать порядки въ нашемъ баракѣ; утромъ выносить кровати, моютъ полъ и окна и раздаю людямъ нафталинъ, какъ средство противъ вшей, отъ которыхъ нѣтъ спасенія. Власти приказываютъ явиться тѣмъ, которые служили на военной службѣ, но не перешли 42-лѣтняго возраста.

Власти разрѣшаютъ итти около 70 человекамъ въ 6 час. на кладбище, гдѣ о. Влад. Венгриновичъ совершаетъ панихиду по усопшимъ

Хоръ поетъ подъ управленіемъ Галушки. Веземъ гробы одного русскаго солдата и остальныхъ австрійскихъ солдатъ; послѣдніе гробы украшены деревянными крестами.

Между похороненными находится самоубійца, австрійскій солдатъ; о причинѣ его самоубійства многіе разное толкуютъ, но настоящая причина не извѣстна. Одни говорятъ, что души проколотыхъ и убитыхъ имъ интернированныхъ не давали ему спать; другіе, что снѣ не могъ больше смотрѣть на талергофскій адъ, и потому жизнь ему опротивѣла, а иные еще что-то, да мало ли тутъ всякихъ причинъ?

Мы воспользовались разрѣшеніемъ выхода за ограду лагеря и суляемъ въ сновомое лѣсу, воздухъ котораго благотворно вліяетъ на насъ и подкрѣпленные возвращаемся черезъ Карльсдорфъ въ лагерь. Впервые послѣ 10-мѣсячнаго заключенія шли мы черезъ штирійскую деревню, возлѣ Талергофа, конечно, сопровождаемые солдатами со штыками. Хлѣбъ выдаю намъ на 2 дня впередъ. Григорію Галю изъ Лосья пропало на почтѣ 50 кронъ, высланныхъ ему изъ его родныхъ мѣсть.

13. іюня. — Совмѣстно съ отцемъ составляю родословную таблицу нѣсколькихъ семействъ Лемковщины. Военныя власти берутъ на военную службу: д-ра Собина и др. 90 человекъ, которыхъ временно помѣщаютъ въ 32-омъ баракъ. Д-ръ Собинъ п рошается со всѣми. Власти переводятъ въ карантинный баракъ до 400 человекъ,

изъ нашего барака 10 человекъ, среди которыхъ: Бенька, Кошку, Бурдяка, Школьника, а изъ 4-го: Головку, Собоитцакого и др. людей, изъ уѣздовъ Ярославскаго и сосѣднихъ. Всѣ прощаются, плачутъ, причитаютъ и даже стонутъ. Крики раздаются со всѣхъ сторонъ. Всѣ скопляются возлѣ бани.

Посѣщаю выздоравливающаго Дм. Качора, который, чувствуя себя очень слабымъ, лежитъ неподвижно на нарахъ. Я убѣждаю его, если еше сможетъ, гулять по площади, на солнцѣ. Послѣ же съ больнымъ Трембачемъ изъ Лосья иду въ аптеку уже въ третій разъ за глазами лекарствомъ. Получаемъ супъ, что-то вродѣ лемковской „киселицы“ овсянки. Супъ этотъ единодушно прозвали мы „гальопка“, что значить „бѣги отъ него галопомъ“.

На товарныхъ самоходахъ летки, увозя испорченный аэропланъ, уѣзжаютъ и при этомъ поютъ пѣсни. Вслѣдъ за ними идетъ толпа людей, около 100 человекъ, выпущенныхъ на свободу. Среди нихъ вижу: Червинскаго, Петра Брунарскаго и др. Идетъ проливной дождь.

Въ нашемъ баракѣ насчитывается теперь всего 93 человекъ. На весь баракъ получено 3 килограмма мыла. Писаремъ нашего барака состоитъ Лысенко, ибо „радца“ получилъ постъ коменданта I участка. Передъ обѣдомъ выѣхало въ Грацъ еще нѣсколько человекъ.

14. іюня. — Ночью шелъ проливной дождь. Изъ Кракова прибыло 25 человекъ, а изъ Криничи: Ольга и Марія Гнатышакъ. Туста-

нович помѣщенъ въ нашъ баракъ. О. Василій Курилло, философъ Пегинецъ, о. Діон. Мохнацкій, Бандровскій, Блишакъ и я, переходимъ въ 21 ый баракъ, который на первый взглядъ уютнѣе и удобнѣе прежняго барака. Чувствую себя очень утомленнымъ и стараюсь отдохнуть, а впрочемъ, все — отдыхъ. Бекерскій сердечно прощается съ нами, не забывая своей привычки

„гдѣ живутъ здѣсь дѣвки?“ „я не знаю, гдѣ подобныя созданія обитаютъ“, отвѣчаю я и обратно иду въ баракъ. День сегодня теплый и пріятный. Концертъ Гринберга.

16. іюня. — Прозабатели нашего барака идутъ купаться. Ночью, почти съ разсвѣтомъ, прибыло 25 человекъ изъ Дрогобычскаго уѣзда. О. Гнатышакъ пріѣхалъ изъ Граца. Упражненія пожарной дру-

Панихида на могилѣ о. Олимпія Полянскаго,

потчиванія насъ нюхательнымъ табакомъ, съ низкимъ поклономъ.

15. іюня. — Ночью приморозокъ. Комендантомъ барака состоитъ о. Козиневичъ. Въ баракѣ есть два отдѣленія. О. Вахнянинъ заказываетъ въ Грацѣ три книги. На почтѣ все таки безпорядки. Дежурю въ баракѣ съ 12 ч. ночи до 6 час. утра. Одинъ пьяный солдатъ ночью зоветъ меня и спрашиваетъ:

„Исправляютъ 22-ой баракъ, а его жителей временно, до окончанія починки, распредѣляютъ по сосѣднимъ баракамъ. Мих. Собинъ исполняетъ обязанности раздѣляющаго въ баракѣ порціи. Слѣдственные власти допрашиваютъ лемковъ изъ горлицкаго, санецкаго и грибовскаго уѣздовъ. Федорко, студентъ академіи художествъ, написалъ довольно удачно портретъ

О. Василя Курилло. Я уже со дня прїѣзда въ Талергофъ переведенъ въ десятый по счету баракъ. Почта доставляетъ въ лагерь много денежных переводовъ на имя интернированныхъ. Эти деньги даютъ возможность покупать съѣстные припасы и одежду. Не будь этихъ денегъ, смертность въ лагерѣ возросла бы до страшныхъ размѣровъ.

17. іюня. — Михаилъ Максимчакъ, Поруцѣдло и др. „добровольцы“ переходятъ въ III баракъ. Сегодня утромъ выпущено на свободу 100 человѣкъ. День хорошей. Тымчакъ назначилъ меня секретаремъ въ свою канцелярію. Составляю протоколы и ежедневные списки для двухъ госпиталей.

18. іюня. — Власти принуждаютъ насъ записываться въ пожарную дружину. Продолжаютъ допрашивать крестьянъ — лемковъ. Больше писать не могу, ибо поранилъ палець. Врачъ третьяго участка Вейссъ смазалъ мой палець іодомъ, облилъ рану іодной настойкой и наложилъ на него пластырь.

19. іюня. — Вѣльно собирать въ нашемъ баракѣ по 10 гел. съ человѣка на уплату прислугѣ барака.

20. іюня. — Цѣлый день льетъ дождь ливня. Ночью съ транспортомъ интернированныхъ прибылъ о. Іоаннъ Руссинякъ, парохъ изъ Королевой русской (уѣздъ Грибовъ) и др. Отъ прибывшихъ узнали, что въ клиникѣ въ Вѣнѣ скончался преподаватель гимназіи въ отставкѣ Иванъ Черкавскій, бѣженецъ изъ Галичины.

21. іюня. — изъ Америки приходятъ деньги на руки Собина для разда-

чи лемкамъ. 150 человѣкъ отправлены подъ карантинъ. Посѣщаю о. Дикаго и о. Хомина. О. Руссинякъ переходитъ во 23-ій баракъ. Здѣсь совершаетъ обѣдню и читаетъ молитвы до и послѣ ѣды о. Полянскій. Тымчакъ возвратился изъ Граца только въ 9 ч. вечера. Онъ получилъ телеграмму переводящую его въ Перемышль. Прощаясь со мной, онъ оставилъ мнѣ на память пузырки красныхъ и зеленыхъ чернилъ.

22. іюня. — Въ 3-мъ участкѣ пищу даютъ лучшую, чѣмъ въ первомъ и даже во время жары орошаютъ землю водой. Снова прибыло въ лагерь 45 человѣкъ изъ Ярославскаго и Дрогобычскаго уѣздовъ. Одна партія изъ подъ карантина уѣзжаетъ въ Граць. Въ лагерь можно купить пустигальское пиво по 30 гел. за бутылку и конденсированное молоко въ жестянкахъ.

23. іюня. — Жарко. Въ пожарную команду вербуютъ насильственно и заставляютъ вести ежедневно упражненія во время жары до 6 ч. вечера, поэтому я удираю въ 6-ой баракъ и торчу тамъ до 3½ часовъ. Должность Тымчака принялъ судья Величковскій. Допрашиваютъ: Якова Вислоцкого, о. Гумецкого, о. Василя Дорика, о. Милянча и др. О. Милянча присудили къ двухгодичному тюремному заключенію. Сегодня скончался Іосафатъ Крулевскій, служащій „Лемк. Кассы“ изъ Лѣщинъ, горлицкаго уѣзда. Онъ заболѣлъ тифомъ и лежалъ въ изолированномъ баракѣ. Подъ вліяніемъ жара, въ бреду, онъ хотѣлъ ударить изъ барака и выбѣжалъ, постовой сол-

дать окликнуть его, но тотъ продолжалъ бѣжать, тогда солдатъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ выстрѣлилъ въ него и убилъ его. Такъ скончался тихій а ревностный патріотъ.

300 работниковъ должны выѣхать въ Австрію на работы, ожидаютъ только агента. Сегодня выдаютъ намъ фасоль и кукурузянку. Въ баракъ, какъ обыкновенно, одни играютъ или въ карты или

О. Киселевскій совершаетъ панихиду при участіи хора. 55 лѣтнихъ мужчинъ переводятъ въ 19-ый баракъ, а людей до 53-го года наряжаютъ всѣхъ въ „добровольцы“. Йосефертъ передаетъ намъ, что Кжижикъ взять въ солдаты, а его жену выпустили на свободу.

25. іюня. — Сегодня идемъ купаться. Возлѣ сортира строятъ новые бараки. Берутъ въ солдаты интернированныхъ.

Послѣ похоронъ.

въ шахматы, другіе варятъ чай или супъ собственнаго изобрѣтенія, а третьи курятъ папиросы и бесѣдуютъ о чемъ-то или просто раздумываютъ. Бл. ѣсть кукурузянку и запиваетъ ее кофе. Чашка кофе въ лагерѣ стоитъ 24 гел. Работники копаютъ землю за воротами. Изъ Перемышля прибылъ транспортъ въ 50 человекъ.

24. іюня. — 2 сотни людей отправляются на кладбище „подъ сонами“, помолиться за усопшихъ,

26. іюня. — Составляю списокъ лемковъ горлицкаго уѣзда, подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Вечеромъ получаемъ супъ съ картофелемъ и капустой. Опять переселеніе, изъ шестого барака всѣхъ въ 20-ый, а всѣхъ изъ 20-го въ 22-ой. Для чего такое перебрасываніе людей изъ одного барака въ другой, не извѣстно. Oberлейтенантъ допрашиваетъ всѣхъ тѣхъ, которые покупали табакъ у Дейтшера. Онъ слиш-

комъ поздно взялся за раслѣдованіе этого дѣла, ибо много важныхъ свидѣтелей уже покинуло Талергофъ. Въ баракѣ производимъ чистку вещей, пола и т. п. Вечеромъ запрещено въ цѣломъ лагерѣ зажигать огни и лампы, видимо опасаются полета непріятельскихъ аэроплановъ. Ночью буря.

27. іюня. — Составляю списокъ новобранцевъ изъ шести уѣздовъ. Феленчакъ приходитъ въ нашъ баракъ. Приводятъ въ порядокъ шесть бараковъ, вѣроятно для новыхъ интернированныхъ.

28. іюня. — Ночью идетъ дождь, утромъ воздухъ чистъ и свѣжъ. Годовщина смерти Фердинанда, на наследника австрійскаго престола. Панихида воз. ѣ церкви. У О. К. развелась страсть къ словопреніямъ, онъ очень радъ, если его слушаютъ. Повторяя нѣсколько разъ

свой выводъ или взглядъ, онъ говоритъ своему слушателю, „слушайте, но вѣдь не въ этомъ дѣло“, и дальше развиваетъ прямо противоположный взглядъ, на что слушатель даетъ отвѣтъ: жаль что батюшка учился богословію, а не юриспруденціи, сталъ бы хорошимъ адвокатомъ, ибо ловко орудуешь софистикой. Гуляетъ онъ обыкновенно въ одной бѣлой рубахѣ (не застегнутой у воротника) съ открытой грудью и не застегнутыми рукавами, которые на воздухѣ при каждомъ его движеніи болтаются. Руки держитъ обыкновенно въ карманахъ. Въ разговорѣ употребляетъ выраженіе „Знаете, ибо это знаете“. Этотъ священникъ небольшого роста, сѣдой, съ краснымъ, вздернутымъ носомъ былъ въ свое время благочиннымъ на Лемковщинѣ и дѣлалъ много пользы народу.

Лемковщина въ Талергофѣ.

Редакціей Талергофскаго Альманаха собираются матеріалы для составленія возможнаго полнаго списка всѣхъ узниковъ Талергофскаго лагеря. Покаместъ помѣщаемъ списокъ Талергофскихъ мучениковъ-лемковъ, съ обозначеніемъ даты смерти тѣхъ, которые умерли въ Талергофѣ.

✓ **Высова** — п. тамъ же.

Сивакъ Григорій.
Демяничъ Θεодосій, ум. 24. 3. 1915.
„ Андрей, 5. 3. 1915.
Бабаракъ Стефанъ
Курило Мефодій, ум. 22. 1. 1915.
„ Яковъ, ум. 18. 2. 1915.
Фаренцъ Іоаннъ
Вариха Григорій
Касперъ Лука
Коваль Алексій, ум. 27. 1. 1915
Яцевичъ Симеонъ
Дулина Михаилъ

Дрекслеръ Захарія
Гатала Іоаннъ, ум. 24. 2. 1915
Кристиничъ Яковъ
Ясьоновскій, огородникъ
Петришинъ Алексій
Васильчакъ Георгій
Коблошъ Павелъ
Лабашъ Θεодоръ
Куликъ Георгій, ум. 27. 1. 1915
Свѣменовскій Іоаннъ, ум. 13. 2. 1915

Регетовъ-Выжній, пов. Гладышевъ

Павчакъ Θεодоръ
Дзюбакъ Василій

Курмякь Симеонъ
Лабуда Кирилль
Газда Іоаннь
Шелецкій Климентій
Морохъ Михайль
Забавскій Николай
Барювичъ Макарій
Тезбиръ Михайль
Морохъ Алексѣй
Гайдошъ Константинъ, ум. 5. 2. 1915
Морохъ Кодратъ
" Матвій
Тезбиръ Симеонъ

Регетовъ Нижній, пов. Гладышевъ

Кода Несторъ
Сысакъ Эмилианъ
Биянскій Іоаннь
Дзендранъ Константинъ
Корѣнь Симеонъ
Дзендранъ Петръ
Подлипчакъ Спиридонъ
Корѣнь Іоаннь
Обухъ Іоаннь
Соколичъ Михайль
Тутко Ѳеодоръ
Фецяшко Онуфрій
Обухъ Захарій
Дудычъ Левъ
Вѣльха Григорій
Пеньковичъ Ѳеодоръ
" Лука
Тутко Симеонъ, ум. 3. 2. 1915
Губякъ Димитрій, 23. 2. 1915

Скиртно, п. Устье Русске.

Гибей Іоаннь
Тыма
Станчакъ Павелъ
Дзембулякъ Іосифъ
Обухъ Марко
Лазорко Павелъ
Крайнякъ Авксентій
Клапъ Даниль
Катроничъ Климентій
Суличъ Миронъ
Салко Ѳеодоръ
Дуда Григорій
Кода Іоаннь

Бѣянина, п. Шимбарскъ.

Забавскій Лука, ум. 3. 2. 1915
Зарето Антоній, ум. 3. 2. 1915
Тыма Даниль, ум. 5. 2. 1915
Лавовскій Іоаннь
" Никодимъ
" Самуиль
" Іоаннь
Стефановскій Григорій
Дутка Іоаннь
" Александръ
Руссиякъ Михайль
" Іоаннь
Шпакъ Марко
Дзвончикъ Петръ
Чупикъ "
Руссиякъ Іоаннь

Чорне, п. Незнава.

Ванько Лука
" Іоаннь
Китчакъ Ѳеодоръ
Байса Петръ
Прислопскій Петръ
Гривна Эмилианъ учитель въ Гладышовѣ
Войса Михайль
Валько Лука
Роздзелскій Іосифъ
Байса Даниль
Ванько Лука, дякъ
Шевчикъ Іоаннь
Гиба Петръ
Лы акъ Іоаннь
Баволякъ "
Барна "
Прислопскій Лука
Хованецъ Ѳеодоръ, ум. 4. 3. 1915

Долге, п. Незнава.

Сабатовичъ Ѳеодоръ
Шута
" "
Яцовичъ "
Ксеиничъ Константинъ
Копча Іоаннь
Васенько Димитрій
Кусайло Іоаннь
Зеленякъ Георгій
Чуликъ Андрей
Зеленякъ Михайль

Соховицкій Іоаннъ, ум. 9. 1. 1915.
 Васенько Ѳеодоръ, ум. 19. 2. 1915.
 " Михаилъ
 Сынъ Даниилъ

Ыпина, п. Незнаева.

Пелешъ Іоаннъ
 " Адамъ
 Яцевичъ Андрей
 Пелешъ Николай
 " Исидоръ
 Гащицъ Николай
 Котанскій Лука, ум. 12. 12. 1914
 Гащицъ Симеонъ, ум. 27. 1. 1915
 Галечко Василій, ум. 23. 1. "
 Стасякъ Діонисій

Радоцина.

Кравчицкій Іоаннъ
 Юрковскій Николай, учитель въ Сквир-
 тиомъ
 Петрилякъ Ілія
 Турко Василій
 Курыловичъ Терентій
 Костыкъ Павелъ
 " Іоаннъ
 Павелчакъ Симеонъ
 Гелета Андрей
 Павелчакъ Іоаннъ
 Добровольскій Ілія
 Павелчакъ Максимъ

Незнаева, п. тамъ-же.

Хомикъ Ілія
 Сенчакъ Лука
 Слота Михаилъ
 Пыртко Ева
 Сенчакъ Василій, ум. 12. 1. 1915
 Дмитикъ Ѳеодоръ, 5. 1. 1915

Маластовъ, п. Ропица Русская.

Дзыбанъ Петръ
 Ротко Михаилъ
 Адамъ Андрей
 Баясь Симеонъ
 " Петръ
 Ротко Андрей
 Баясь Ѳеодоръ
 Выссовскій Ілія
 Шкирпанъ Павелъ

Желемъ-Петръ
 Кардашъ Антоній Іоаннъ
 Кикила Алексій
 Гривна Ѳеодоръ, ум. 3. 2. 1915
 Шкирпанъ Онуфрій

Ждыня п. Гладышевъ.

Спіякъ Кондратъ
 о. Дуркотъ Ѳеодосій
 " Іоанна
 Спіякъ Димитрій
 " Николай, теперь
 Потоцкій Діонисій, гимназистъ,
 въ Прагъ
 Хованскій Емилианъ
 Млынарникъ Андрей
 Одомырко Петръ
 Сандовичъ Тимофей
 " Николай
 " Пелагія
 " Максимъ
 Канищакъ Петръ
 Капитула Александръ
 Падла Максимъ
 Филякъ Стефанъ
 Варыха Ѳеодоръ
 Шевчикъ "
 Перунъ Василій, Ганъ
 Вислоцкій Александръ, учитель
 човой
 Усцкій Симеонъ, эмер. учитель
 Чухта
 " Анавія, ум. 18. 1. 1915
 Филякъ Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Конецна, п. тамъ-же.

Лызакъ Андрей
 Урбанъ Алексій
 Спіякъ Адамъ
 Шевчикъ Іосифъ
 Млынарникъ Пантелеймонъ
 Дзямба Павелъ
 Шевчикъ Мафей
 Томашевикъ Марко, ум. 19. 1. 1915

Грабъ.

Свянтко Андрей
 Котырга Михаилъ
 Уранъ Димитрій
 " Іоаннъ
 Пягошъ Андрей

Валько Михайлъ
Лызакъ Іоаннъ
Пахъ Марія
Павелчакъ Сильвестръ, ум. 25. 12. 1914
Романчакъ Григорій, ум. 3. 1. 1915
Давидъ " ум. 23. 12. 1914
Сидорякъ Стефанъ
Гончакъ Георгій
Ясѣнска Пелагія
Томашчикъ Марія
Курилко Марія
Нащикъ "

Вышоватка.

Козко Лука, ум. 2. 1. 1915.
Байса Феодоръ, ум. 16. 1. 1915.
Китчакъ Іоаннъ
Симъ Дмитрій, ум. 19. 12. 1914.

Смереконецъ п. Гладышевъ

Ядловскій Іоаннъ, студентъ, нотаръ въ
Чехахъ.

Ядловскій Феодосій, медикъ
о. Волянскій Стефанъ
Ковальчикъ Викторъ
Врона Феодоръ
Шмайда Іоаннъ
Павчикъ "
Лукачинъ Андрей
Цюрикъ Стефанъ
Васичко Андрей
Станчакъ Симеонъ
Дытко Іоаннъ
Пупчакъ Прокопъ, ум. 25. 12. 1914.

Лосье, п. Роба.

Галь Григорій
Дудра Іоакимъ
Шлянта Григорій
Телехъ Александръ стар.
" " мл., медикъ, въ

"Америкъ"

Павлякъ Стефанъ
Феула Назарій
Дудра Григорій
Галь Михаилъ
" Іоаннъ
Дудыкъ Михаилъ
Гирникъ Павелъ
Крѣль Василій
Трембачъ Григорій

Кундрацикъ Эмануилъ, отравился
Телехъ Михаилъ
Спѣльникъ Іоаннъ
Малецкій Феодоръ
Крѣль Іосафатъ
Хома Даниилъ
Дутка Симеонъ
Евусякъ Николай
Олесневичъ Іоаннъ
Спѣльникъ Николай
Кароль Андрей, юристъ, въ Чехахъ
" Павелъ
Палюхъ Іоанъ
Сивакъ Яковъ, цыганъ
Гирникъ Николай
Параничъ Григорій
Спѣльникъ "
Новакъ Іоаннъ
Галь Николай

Гладышевъ, п. тамъ-же.

Вислоцкій Яковъ
Михалякъ Іосифъ
Сиротякъ Юстинъ
Вислоцкій Іоаннъ, юристъ, въ Чехахъ
" " ум. 24. 2. 1915

Дзюбина Пилипъ
" Діонисій
Федорко Гаврилъ
Басалига Петръ
Павелчакъ Ілія
Шмайда Юліанъ
Вирхвянскій Василій
Подлясковичъ Кондратъ
" Григорій
Сиротякъ Симеонъ
" Михаилъ

Федорко " художникъ, въ Чехахъ
" Антоній
Бодонъ Іоаннъ, ум. 22. 1. 1915
Штокля Исидоръ, ум. 5. 3. 1915
Спинка Іоаннъ, ум. 18. 3. 1915

Вѣрхня, п. Гладышевъ.

Нелехачъ Симеонъ

Устье русское, п. тамъ-же.

Цѣслякъ Андрей
о. Калиновичъ Григорій
Войтовичъ Василій
Гумецкій Антоній

Кривницкий Григорий
Маркович Каетанъ
Габоръ Симеонъ, ум. 16. 1. 1915
Андрейчинъ Симеонъ, ум. 9. 2. 1915
Хованский Іоакимъ, ум. 21. 2. 1915
Марковичъ Юстина

Калтонъ, п. Устье русское.

Кривницкий Михаилъ
Цимбала Григорій
Вислоцкий Стефанъ

Климовка, п. Устье русское.

Демчакъ Димитрій
" Іосифъ
Базилевичъ Василій
Дець Григорій
Барна Павелъ
Карпякъ Максимъ
Хомякъ Кондратъ
Гудякъ Лаврентій
Демай Николай
Матусько Іосифъ
Микулякъ Петръ

Вышеватка.

Павелчакъ Лука
Коцко Теодоръ
Гаврилякъ Евстахій
Роздѣльскій Андрей

Святкова.

Колдра Андрей
" Григорій
Лабикъ Михаилъ

Святковка.

Констанкевичъ Василій
" Іоаннъ

Кремпа, п. тамъ-же.

Федякъ Алексій
Попоччакъ Стефанъ

Розстайне

о. Мышковскій Маріанъ, парохъ въ Пе-
режинцѣ
Мышковска Августа, матушка
Прокопчакъ Андрей

Дошница, п. Вышгородъ.

о. Сѣлецкій Александръ, ум. 4. 1. 1915

Брезова, п. Змигородъ.

Владыка (трехъ)
Кутякъ

Боднариа, п. Липинки.

Сокачъ Іоаннъ

"
Дзяна Петръ
Романъ Ѳома
Клапачъ Іоаннъ
Сембратъ Григорій
Валевскій Антоній, стар.
Смажъ Даниль
Поповчакъ Димитрій, ум. 20. 1. 1915

Мащина великая, п. Липинки.

Куцура Матвей

Роздѣлье, п. Липинки.

Бубинъ Василій
" Павелъ
Пыжъ Андрей, ум. 22. 12. 1914.
Бодакъ Константинъ, владѣлецъ паро-
вого тартака
Драганъ Георгій
Коцуръ Константинъ
Вацца Іоаннъ
Тылявскій Петръ

Бортне, п. Рошица Русская.

о. Калужницкій Владимиръ
Д-ръ Собинъ Димитрій въ Чехахъ
" Махалъ, ум. 10. 9. 1915

отравился
Подбережнякъ Михаилъ
" Василій

Горбаль Михаилъ
Дутканичъ Косма, ум. 1. 2. 1915
Горбаль Іоаннъ
Нецьо Ѳома
Перунъ Даниль
Горбаль Теодоръ, ум. 15. 1. 1915
" Косма, ум. 20. 2. 1915

Феленчакъ Петръ
Годло Даниль
Пелешъ Теофилъ
Журавъ Іоаннъ

Богачикъ Титъ, учитель
" Иоаннъ, "

Перегонина-Бодяни, п. Ролица Русска.

Шпакъ Иоаннъ
Качоръ Димитрій, юристъ

Валенне, п. Липинки.

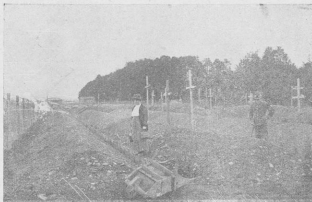
Бубнякъ Василий
" Даміанъ
" Димитрій
Д-ръ Пыжъ Симеонъ, теперь въ Америкъ,
редакторъ „Правды“ въ Филадельфій.

Ганчова, п. Устье Русское

Руссинякъ Владиміръ, учитель, ум. 1. 2.
1915
Дѣдикъ Григорій
Соколя Антоній
Лукачинъ Димитрій
Микулякъ Стефанъ
Пирогъ Григорій, теперь дир. банка въ
Самборѣ
Вандзѣлякъ Оома, ум. 6. 2. 1915

Ролица русская, п. тамъ же.

Куликъ Василій
Ющакъ Петръ

На кладбищѣ.

Бодакъ Василій
Прокопчакъ Даниль
Пыжъ Михайлъ
Присташъ Феодоръ
Бодакъ Иоаннъ
Тымоць Алексій

Ропки, п. Устье Русское

Цикоть Харитонъ
Дошна Василій
Лаврентій Анастасія

Драганъ Іоаннъ
Рахель Діонисій
Желемъ Петръ, ум. 29. 1. 1915
Банатко Игнатій, ум. 2. 2. 1915
Мацко Илія, ум. 2. 2. 1915
Пероганичъ Петръ
" Андрей
Рахель Василій
Куликъ Михайлъ
Козакъ Петръ
Спѣвакъ Феодоръ
Варанъ Алексій

Варанъ Косма
Желемъ Іоаннъ

Баюсъ Василій
Желемъ Григорій
Пыжъ Іоаннъ

Пантна, п. Ропица Русская.

Шкирпанъ Антовій
Михалыкъ Яковъ
Ванцко Николай
Баюсъ Стефанъ

Баница, п. Незнаева.

Смый Іоаннъ
Сайфертъ, ум. 26. 1. 1915
Журавъ Ѳеодоръ, ум. 14. 2. 1915
Бѣгунякъ Ѳеодоръ, ум. 19. 1. 1915

Крыва, п. Незнаева.

Урда Михаилъ
" Іоаннъ
Кицей Николай
Вислоцкій Симеонъ

Воловецъ, п. Незнаева.

Измей Іоаннъ
Лаховскій Кароль
Бибей Василій
Сидоракъ Исидоръ

Новица п. Устье Русское.

Сембратовичъ Стефанъ
" Василій
о. Городецкій, теперь парохъ о. Дынова
" Надежда
Явичакъ Стефанъ
Брениа Лука
Карлякъ Стефанъ, ум. 18. 1. 1915

Прислопъ, п. Устье Русское.

Пелехачъ Іоаннъ
Зватиканичъ Константинъ
Крайнякъ Марко, ум. 23. 1. 1915

Свернова Русская.

Кобанъ Юстинъ

Аугъ, п. Гладышевъ.

Демянчикъ
Дзямба Георгій
Крѡль Петръ, ум. 25. 1. 1915

Долины, п. Шимбаркъ

Рыдзай Кирилъ

Блѣхнарна.

Дзюбинъ

Лѣщины, п. Устье Русское.

Королевскій Іосафатъ
Курба Петръ

Горицы, тамъ же.

Слозаръ Іосифъ, теперь банконецъ въ
Перемышлѣ, чи въ Львовѣ

Поляны, п. Флоринка

Трохановскій

Камянна, п. Флоринка.

Н. Н.

Блѣхнарна, п. Высова.

Демянъ Алексѣй
Дзюбинъ Миронъ
Патрошъ Яковъ
Башокъ Макарій
Швецъ Романъ

Флоринка, п. тамъ-же.

о. Курилло Василій
Д-ръ Курило Ѳеофилъ, окружный судья
Leszno
Максимчакъ Михаилъ, теперь учит. гимн.
в. Полтавы
Воргачъ Юстинъ
Мерена Марія

Берестъ, п. Флоринка.

Гопей Марія

Бѣцарева, п. Флоринка.

о. Качмарчикъ Ѳеофилъ
Д-ръ " Владиміръ, судья въ Гдмни

Д-ръ Качмарникъ Любомиръ нотаръ въ
Дыновѣ

Трохановская Марія, замужня въ Кри-
ницѣ

Богуша, п. Грибовъ.

Кузакъ Симеонъ
Плетенякъ Стефанъ
Горошакъ Василій

Королева Русская, п. Пташкова.

о. Руссиякъ Іоаннъ
Чирнянска Анна
Дроздякъ Іосифъ
Бубернакъ Теодоръ

Кирда Василій
Кузмичъ Павелъ

Чарна, п. Сибѣница

Перегримъ Константинъ
Бехеровскій Іоаннъ, цыганъ въ Ставаши

Сибѣница, п. тамъ же

Ставискій Захарій, владѣлецъ тартака.
Хомякъ Іоаннъ
Сивакъ Даниль, цыганъ.
Москва Тимоѣй

Ставиша, п. Сибѣница

Басалига Василій
Ваврикъ Романъ

Кладбище „подъ соснами“ въ 1917 г.

Стецикъ Ілія
Тудей Ісидоръ
Кукула Миронъ
Тарасъ Гаврилъ

Брунары выжніе, п. Сибѣница

Михневичъ Іосифъ
о. Сандовичъ Петръ, разстрѣлянъ 28. 9.
1914 въ Н. Санчѣ
о. Сандовичъ Антоній, разстрѣлянъ 28 9,
1914 въ Н. Санчѣ

Избы, п. Сибѣница.

о. Хилиякъ Димитрій
Кобанъ Василій
Дуда Петръ
Куяцикъ Петръ, ум. 16. 4. 1915.
Ванько Юліанъ, ум. 21. 3. 1915.
Цимбальякъ Іоаннъ, ум. 25. 12. 1914.

Чарна, п. Сибѣница

о. Мохнацкій Владиміръ

Папачь Θεодоръ
Поруцьдло Іосифъ

Перуна, п. Флоринка

Кузьмякь Петръ
Русинко Павелъ
Единакъ Герасимъ
Дзядикъ Іосифъ
Гопей Петръ
Слосарчикъ Іоаннъ
Бураничъ Аданасій
Щипникъ Θεодоръ, ум. 22. 3. 1915.

Зборовичи, возлѣ Цѣнжковиць

Стабрило Александръ, цыганъ, ум. 19. 1. 1915.

Цѣнжковичи.

Щухевичъ Юл'анъ, почтмайстеръ
Дечукъ Максиміанъ, жандармъ
Dr. Bryś Szymon, рабинъ изъ Варшавы.
Rodowicz Władysław, um. 27. 12. 1914.

Wacław
Borzowski Henryk

Мушина, п. Тыличь.

Нестеракъ Онуфрій, учитель
" Михаилъ, гимназистъ
" Владимір, учитель
Нѣмчикъ Андрей

Ростока Великая, п. Крыница.

Вильчакъ Іоаннъ
Репела Іосифъ

Тыличь, п. тамже.

о. Венгриновичъ Эмилианъ
Андрейко Іоаннъ, юристъ въ Чехахъ.
Джуганъ Степанъ, учитель
" Марія, въ Жегестовѣ
Сенько Ілія
" Михаилъ
Гарбера Андрей, лѣсной сторожъ камеральный.
Пастернакъ Θεодоръ
Брунарскій Петръ
Дзядикъ Димитрій
Брязякъ Левъ
Цолка Іоаннъ, окулевѣль
Бабей Симеонъ
Гамерникъ Атанасій

Бадарикъ Діоносій, слосарь
Копачъ Іоакимъ
Чеканикъ Θεодоръ
Криницкій Василій
Андрейко Антоній

Мохначка, п. Крыница

Мохначкій Θεодоръ
о. " Діонисій
Гарбера Яковъ
Гавренъ Лука
Поручникъ Онуфрій, ум. 28. 1. 1915
Единакъ Θεодоръ
Гойнякъ Михайлъ, ум. 28. 3. 1915.

Петръ
Святковскій Палелъ поколодъ гвоздемъ
и порѣзался, ум. 24. 2. 1915.
Сивецъ Никита
Цимбалякъ Яковъ
Витякъ Назарій

Крыница, п. тамъ же

о. Гнатышкъ Гаврииль, ум. Вѣйб.
" Θεодоръ, юристъ, ум. въ Вѣйб.
" Александръ, ветеринарь.
Дръ " Орестъ, адвокатъ въ Кры-
ницѣ.
Гнатышакъ Ольга, замужняя Кокуревичъ
жена нотаря, въ Косовѣ
Гватышакъ Марія, аптекарша въ Львовѣ
Малинякъ Климентій
" Михаилъ, уч. сем. уч.
Урбанъ Іосифъ, гимназистъ
" Іоаннъ
Крайнякъ 'осафатъ, лѣсникъ
Телищакъ Михаилъ
Петрикъ Георгій
Криницкій Максимъ
" Стефанъ
" Петръ
Лаврикъ Петръ
Ждынякъ Кондратъ
" Симеонъ
Криницкій Софронъ
Петришокъ Антонъ
Громосякъ Николай
Савчакъ Аксентій, учитель
" Стефанія, учт. замужняя за о.
" Мохначкимъ въ Солотвинахъ
Дръ Цѣханскій Александръ
Трохановскій Мефодій, упр. школы

Солотвина, п. Кривица.

Копыстянский Иосифъ, эмер. жандармъ

Андреевка, п. Мушина.

Головачъ Василій

Щавникъ, п. Мушина.

Дзюбинскій Тимофей

Мяляничъ Евстахій

„ Василій

Ляшеникъ Θεодоръ

Щавинскій Игнатій

Гойдичъ Іоаннъ

Злоске, п. Мушина.

Дзюбинскій Антонъ

Жегостовъ, п. тамъ-же.

Семанякъ Михаилъ

Венгринъ Петръ, ум. 5. 2. 1915

„ Іоаннъ, ум. 1. 2. „

Стеранка Елена, учительница

„ Гонората „

Шляхтова, п. Щавница

Матяшъ Антоній

Гриндзакъ Григорій

Поворозникъ, п. Мушина.

Пирогъ Александръ

Стрефанцоу Константинъ

Коцуръ Петръ, ум. 30. 1. 1915

Криштафикъ Іоаннъ, ум. 11. 2. 1915

Колѣчко Итидоръ ум. 12. 2. 1915

Драбякъ Стефанъ, ум. 3. 2. 1915

Куликъ Θεодоръ

Мяляничъ Алексѣй, учитель

Колѣчко Кондратъ

Патляевскій Іоаннъ

Коцуръ Матрена

Ястребикъ, п. Мушина.

Слота Іоаннъ

Телищакъ Григорій

Ковальчукъ Онуфрій

Новая Вѣсь, п. Лабова.

Мастюхъ Михаилъ

Стеранка Георгій

Пласконъ Лука

о. Соболевскій Михаилъ, въ Устю русскомъ

о. Соболевская Юлія, матушка

Марковичъ Петръ

Масыра Климентій

Кореча Филипъ

Жиличъ Симеонъ

Лабова п. тамъ-же.

о. Дуркотъ Іоаннъ Хр.

„ Θεодосій, гимназистъ

„ Сергій, сошелъ съ ума

Вислоцкій Георгій

„ Θεодоръ

„ Марія

„ Димитрій, юристъ, редакторъ

въ Америкъ, (Гуния)

Кулянда Константинъ

Пелинякъ Евсей

Козьоль Θεодоръ

Кулянда Симеонъ

Коцуръ Антоній

Зяйя Антоній

Зяйя Лука

Руссинякъ Симеонъ

„ Іосифъ

Заграй Ілія

Червинскій Казиміръ, учитель

„ Юліанъ

Полинякъ Іоакимъ

Маслой Лаврентій

Швайка Ксенія

Лабовець, п. Лабова.

Шаршовъ Павелъ

Шептакъ Стефанъ

Птахъ Афанасій

Новакъ Θεодоръ

Осникъ Венедиктъ

Хованецъ Яковъ, ум. 22. 2. 1915

Врона Георгій

Шептакъ Александръ, ум. 9. 2. 1915

„ Лука, ум. 24. 2. 1915

Гбуръ Захарія

Котовъ, п. Лабова.

Пелякъ Тимофей

Талашъ Андрей

Тырличъ Петръ

Мушина, п. тамъ-же.

Турко Андрей, экаекторъ под.
Савка Іоаннъ, офіціалъ суда
Янович Арсеній, юристъ, ум. 16. 2. 1915

Верхомля, п. Пивнична

Русин къ Михаилъ, капраль
Дзюбинскій " бухгалтеръ
Дзюба Василій, юристъ, ум. 26. 2. 1915

Зубрикъ, п. Жегестовъ

Стеранка Стефанія, учительница
" Юліанъ, чин. жел.

Новый Санчъ, п. тамъ-же.

Кириловъ Михаилъ, муляръ
Шеремета " "
Юречко Димитрій, колбяръ
Дръ Масцюхъ, парохъ въ Горожаннѣ
великой.

Клок Јозефа, экономка укр. бурсы,
Бандровскій Павелъ, гимназистъ

Кростенко, в. Новаго Торга.

Морочко Елиашъ
Карпякъ " контролеръ под. въ
Гданскѣ.

Зиндравова.

о. Копыстан кій Корнилій
о. " Стефанъ, нотаръ в Пе-
ремышля

Тыява.

о. Коцьловскій Кирилъ
Копчакъ Михаилъ, учитель
Кирпанъ Іоакимъ
" Николай, 24. 1. 1915

Мшанна

о. Дутковскій Казиміръ, теперь въ Аме-
рицѣ
Дзюрій Казиміръ
Шевчукъ Михаилъ
Кушвара Михаилъ
Хилякъ Мирославъ, учитель

Ольховецъ.

о. Дуркотъ Максимилянъ
Кулявчикъ Іоаннъ, студентъ

Ропанка.

Бугель
Поляны.

о. Феленчакъ Николай
Яценікъ Афанасій
Федакъ Николай
Мышковскій Теодоръ
Дытко Даниіль

Смеречне.

Репакъ Іоаннъ
Терстяна.

Фучила Владиміръ

Мысцова.

о. Дуркотъ Владиміръ, теперь въ Летиѣ
" Юліанъ, гимназистъ
Фрычъ Онуфрій
Гайда Павелъ, учитель

Гирова.

о. Чеснокъ Захарій
Бѣдникъ Іоаннъ

Тыхана.

о. Пирогъ Даниіль, убитый бандитами
въ 1929 г.

Красна.

о. Пислопскій Александръ
Варходикъ Симеонъ
Газдайка Павелъ
Яблонскій Алексій
Вознякъ Петръ
Написникъ Эмилианъ, ум. 19. 1. 1915

Воробликъ Королевскій.

Драганъ Михаилъ
Лянда Андрей
Герляхъ Теодосій
Струсъ Іоаннъ

Чорнорѣни.

о. Войтовичъ
Сенчакъ Григорій
" Фаддей
Вознякъ Димитрій
" Стефанъ
Вознякъ Михаилъ, 4. 1. 1915

Рѣвникъ.

о. Мерена Феодоръ
Помайба Михаилъ
Камѣнскій Іосифъ
Яскилка Василій
Макухъ Корнилій, ум. 19. 3. 1915
Трамба Михаилъ, ум. 27. 1. 1915

Ванюва.

о. Тустановскій Кириллъ
Шуфлять Григорій ст.
" " мл.
Мотовилякъ Петръ
" Григорій

Братюва.

Яскилка Стефанъ

Кросно

Кось, профессоръ
Дяковъ Валеріанъ, офиц. под.
" Стефанія, жена
" Богданъ, сынъ
Стусъ Дмитрій, чин. телегр.
Н. Ольга, телеграфистка
Генсецкій Василій, профессоръ ткацкой
школы

Дуля.

Котельницкій Василій, письменосецъ
Смудка Іоаннъ ор. геом.
Кардашь Илія, вегмейстеръ

Корчина.

Д-ръ Прислопскій Яковъ
Приходко Павелъ

Сянокъ.

Бугера Андрей, эмер. секр. стар.
" Николай, юристъ
" Василій, практ. ур. под.
о. Москаликъ Іосифъ, эмер. проф.
" Іоаннъ, юристъ
Подолнскій Феодиль, богословъ
о. Секержинскій Іосифъ, кат.
Ивзшко Іосифъ, офиц. суд.
Рудакъ Іоаннъ, эмер. лист.
" Кириллъ, гимн.
" Эмиліанъ, "
Волянскій Петръ, столяръ

Волянскій Мецьо, столяръ
Орицакъ Константинъ, столяръ
Райтаръ Іосифъ, столяръ
Рочиль Николай, столяръ
Смажецкій Іоаннъ
Мазуръ Іосифъ, мяннъ
Кушакъ Франць
Савчакъ Антоній, чин. Бескида, ум. 2.3.1915
" Іоаннъ, гимн.
Гавдякъ Михаилъ, учитель
Филипчакъ Константинъ
Герболка Фаддей, медякъ
Кульчицкій Іоаннъ
Стрычакъ Анастасія, 14. 12. 1914
Переломъ Михаилъ, 23. 2. 1914

Дуаровна.

Мазуръ Андрей
Гривнякъ Николай, 2. 2. 1915
Задорожный Іоаннъ
" Василій, ум. 10. 3. 1915

Ольховцы.

Когуть Николай, гимн.
Бедзикъ Михаилъ
Полявка Антонъ
Стапчакъ Захарій, уч.
" Іоаннъ, юристъ
Мыхновскій Григорій
" Василій
Ялечко Дмитрій
" Іоаннъ
Гнѣздусъ Дмитрій, ум. 12. 1. 1915
Бедзикъ Іоаннъ, ум. 21. 2. 1915
Галицкій Петръ, ум. 6. 1. 1915
Банюга Іоаннъ, ум. 13. 2. 1915
Бобякъ Климентій, ум. 18. 1. 1915
Льсовскій Михаилъ
Скобельскій Андрей
" Александръ
Соханя Ілія, ум. 13. 2. 1915
Кецъ Николай
Галицкій Максимъ

Менибродье

о. Бугера Константинъ

Дудынцы

Дмитриць, учительница
олодѣй ум. 26. 2. 1915

Пеляя.

о. Сембратовичъ Юліанъ
Колодѣй Іоаннъ
Дзядыкъ Іосифъ
Кочанъ Антоній, ум. 7. 2. 1915

Поломна.

Кутепъ
Гринякъ Романъ

Лишня.

Филипчакъ Димитрій

Залужь.

Страмикъ Іоаннъ
Гамерскій Іосифъ, юристъ
Баликъ Людвикъ, ум. 24. 1. 1915

Тырава Соляная.

о. Шатынскій Михаилъ
Д-ръ Евгений, адвокатъ
Лазука Михаилъ, 23. 3. 1915
Банятъ Николай
Сибыдло Петръ

Тырава волошская.

о. Сливинскій Михаилъ

Гелучь вь.

Зубякъ Іоаннъ
Мельникъ Іосифъ
Андреечко Марія
Рыбicka Станислава

Щавне.

о. Полошиневичъ Владиміръ, ум. 6. 10
914.
Полошиневичъ Георгій, юристъ, теперь
уч. въ Грабъ

Войсна.

Вайда Михаилъ

Быковцы.

Цапъ Іосифъ
Павловъ „ ум. 22. 11. 1914

Загорье.

Кишка Николай, чин. желѣзнодоро.
„ Владиміръ, гимн.

Кавалкевичъ Василій
„ Іосифъ

Бубнякъ Михаилъ
Хомищакъ Григорій
Щеноцкій Іоаннъ
Брехунъ Михаилъ
Боловскій Іосифъ
„ Василій, юристъ

Горнякъ Іоаннъ
Кащю Михаилъ
Гливякъ Михаилъ
Жубрыдъ Іоаннъ
Баловска Анна
Мандолякъ Екатерина
Щинецка Розалія
Кишка Антоній
Сехъ Іоаннъ
Бѣликъ Людвикъ; оф. жел. ум. 29. 1. 1915

Алпсвецъ.

Волошиновець Александръ, канд. нот.
Кирпанъ Михаилъ
Гирила „

Далюва.

о. Вахвяннъ Владиміръ
Ядловскій Симеонъ

Посада Яслика.

Волошиневичъ Василій, ум. 15. 3. 1915
„ Феодоръ
„ Андрей

Суровица.

о. Жубрыдъ Михаилъ
Стецко Іоаннъ

Дошно.

Петровскій Петръ, ваятель

Вороблькь.

Розенбейгеръ Андрей
Бурка Андрей

Боско.

Купина Михаилъ, ум. 10. 1. 1915
Бобякъ Феодоръ
„ Андрей
Андрецъ Іоаннъ
„ Михаилъ

Романъ Василій
Войнаръ Іосифъ

Синява.

Вацлавскій Михаилъ М., юрестъ
Бедзикъ Петръ, уч.
Вацлавска Анастасія
Бекъ Іоаннъ, 7. 2. 1915
Сырко Александръ

Новосѣлцы.

Твардонъ Георгій
Плещъ Павелъ

Лопчакъ Іоаннъ
Федакъ Андрей, ум. 22. 3. 1915
Хома Михаилъ
Давида Феодоръ
Ваццъ Михаилъ

Юровцы.

Хома Михаилъ, ум. 13. 1. 1915

Команча.

о. Венгриновичъ Гиларій
Терлецкій Василій
Пышнякъ Параскева

Православная часовня. (Наружный видъ).

Константинь, ум. 13. 1. 1915
Ващишинъ Іоаннъ

Костаровы.

Соболевскій Винцентій
Ева
Масляна Анна, зам. Звѣристь, уч. въ
Святковой
Звѣриць Феодоръ, уч. въ Святковой

Сугоровъ долѣшній.

Фута Александръ
Давидъ Онуфрій
Домбровский Петръ

Сяночокъ

Гоманъ Григорій, ум. 11. 1. 1915
Іоаннъ
Цапъ "

Прусикъ.

Амбицкій Яковъ, ум. 13. 1. 1915
Стрычокъ Анна
Рудый Іоаннъ
Гешко " 31. 12. 1914

Кулешно.

Хвастякъ Адамъ

Чертенъ.

о. Полянскій Константинъ
Шурготъ Романъ
Волянскій
Рейтаръ Василій, ум. 13. 1. 1915

Трепча.

о. Полянскій Владиміръ
Дробикъ
Карлиновъ
Темчинъ Никита, ум. 29. 12. 1914

Кросценио.

Новакъ Іоаннъ, ум. 3. 1. 1915

Поляны, в. Сяюка.

Кромка Яковъ, ум. 12. 1. 1915

Чистогоръ, в. Сяюка.

Павзелчинъ Лазаръ, ум. 19. 1. 1915

Половцы.

Назарчукъ Василій, ум. 10. 2. 1915

Вислокъ Великій.

Сопынка Феодоръ, ум. 12. 2. 1915

Улочъ.

Костенскій Василій, ум. 21. 2. 1915

Марковцы.

Норякъ Антоній, ум. 18. 3. 1915

Радошицы.

Гривко Василій, ум. 3. 4. 1915

Составилъ о. В. О. Куряло.

Т. с. всѣхъ 1915, изъ нихъ — померло въ Талергофѣ 168 чел. Разумѣется, что этотъ списокъ все еще не полонъ.

Дневникъ покутьянина.

с. Лядке шлях., Толмач. у.

(Сообщеніе Ал. Як. Бабія).

На пятый день путешествія, нашъ эшелонъ прибылъ на талергофскій плацдармъ.

Сортируя и перегоняя палками и прикладами съ мѣста на мѣсто. Конвойные приказали намъ ложиться на зальдевьдую отъ мороза землю. Интернированные отъ холода и голода звонили зубами.

На слѣдующій день роздали по половинкѣ хлѣба на двоихъ, съ приказаніемъ ѣсть только мякишъ, а корку оставлять вмѣсто чашки

для супа. Эти искусственныя хлѣбныя чашки размокали отъ жидкости, супъ вытекалъ на землю, а непомнившій себя отъ голода народъ облизывалъ его облизывалъ его языками. Звѣрское обращеніе австрійскихъ издѣвателей съ узниками возымѣло свое дѣйствіе: многіе въ отчаяніи плакали, видя подобное оскорбленіе человѣческаго достоинства.

На четвертый день пребывания въ лагерѣ узники были размѣще-

ны въ ангарахъ. Въ нашемъ помѣ-
щалось 1800 человекъ. При полу-
ченіи обѣдовъ мало кого миновала
палка, потому многіе предпочитали
не являться за получкой. Рыскавшіе
между нами караулы прокалы-
вали, потѣхи ради, расположивших-
ся интернированныхъ и тутъ же
закапывали. Позднѣе на смѣну при-
шли боснійцы, которые обраца-
лись съ нами по человѣчески.

щадившая лѣкарей и конвойныхъ.
Кончилось тѣмъ, что въ началѣ
ноября конвой выбрался изъ лаге-
ря и несъ свою службу внѣ про-
волочныхъ загражденій. Отъ нече-
го дѣлать и чтобы прервать убій-
ственную тюремную скуку и хоть
немного забыть черныя мысли о
судьбѣ оставшейся дома семьи, я
взялся вести дневникъ.

Православная часовня. (Иконостасъ).

Въ первой половинѣ октября
часть интернированныхъ была пе-
реведена въ новые бараки, постро-
енные въ дождливую пору, а по-
тому полные грязи, перемѣшан-
ной со старой соломой. На мѣсто
отозванныхъ боснійцевъ вернулась
прежняя стража. Въ баракахъ воз-
никла эпидемія тифа, безжалостно
косившая интернированныхъ и не

подаю нѣкоторыя строки изъ
записаннаго:

6 ноября. — Узники сами го-
товили себѣ обѣдъ въ виду бѣг-
ства поваровъ передъ эпидеміей.
Хлѣба въ этотъ день не получали.
Потѣшали себя надеждой, что, быть
можетъ, скорѣе пустятъ насъ на
свободу по случаю распространяв-
шейся эпидеміи.

7. ноября. — Показались вблизи лагеря караулы; на дворѣ невозможный холодъ, трудно согрѣться одѣтому въ лѣтнюю одежду.

14 ноября. — Запрещено сноситься съ жителями сосѣднихъ бараконъ. Случайно знакомлюсь съ Евг. Билинскимъ изъ Збаража и съ Павломъ Прихотко изъ Корчина, возлѣ Кросна.

15 ноября. — Разболѣлась голова отъ простуды. Ухаживаютъ за мной свящ. Кинасевичъ изъ Подгородья, возлѣ Рогатина, и крест. Григорій Цепенда изъ Джурина, возлѣ Чорткова.

16 ноября. — Полковникъ объявилъ, что прѣдетъ нѣсколько военныхъ судей для допроса интернированныхъ. Невинные будутъ сейчасъ же освобождены. Разрѣшено въ баракахъ курить.

20 ноября. — Вечеромъ пѣлъ организованный узниками хоръ. Пѣли весьма удачно пѣсенку о учителѣ еврейскихъ дѣтей. Рядомъ со мной спитъ мѣщ. Иосифъ Богачикъ изъ Нижанковичъ, возлѣ Перемышля. Студентъ Спачинскій угощаетъ насъ картошкой.

21 ноября. — Прислушивались трое офицеровъ пѣнью хора.

22. ноября. — Я приобрѣлъ пару чистаго бѣлья; чувствую себя великолѣпно.

23. ноября. — Несмотря на чистую перемѣну бѣлья, меня обѣли насѣкомья. Занимаюсь все время чистой и ихъ истребленіемъ.

24. ноября. — Ширится въ лагерьѣ эпидемія; сегодня умерло семь человѣкъ.

28. ноября. — Прихалъ генераль осматривать бараки.

29. ноября. — Получаю, какъ студентъ Спачинскій, ватное одѣяло.

1. декабря. — Допросили и пустили на волю свыше ста человѣкъ.

3. декабря. — Многіе надѣются въ продолженіи двухъ недѣль уѣхать изъ Талергофа. Вчера слышны были пушечные выстрѣлы изъ Градеца. Говорятъ, что стрѣляли по случаю взятія австрійцами Бѣлграда, иные утверждаютъ, что стрѣляли по случаю будто бы окончанія войны.

4. декабря. — Лагерная администрація обѣщаетъ выдать нары (тапчаны) и тюфяки, построить каменные печки, прачешную и т. п. благодати.

5. декабря. — Перекрадался изъ третьяго ряда бараконъ нѣкій человѣкъ къ своимъ знакомымъ въ другомъ рядѣ. Караулъ выстрѣлилъ, а пуля пробивъ тонкую деревянную стѣну барака, убила молящагося въ ту пору крестьянина Ивана Попеля изъ села Мединичъ, Дрогобычскаго уѣзда. Убитый оставилъ дома жену и пятеро дѣтей.

8. декабря. — Полковникъ объявилъ официально барачнымъ комендантамъ во время утренняго рапорта, что сознаніе культурнаго единства русскаго народа не есть наказуемымъ и не заключается въ себѣ преступленія государственной измѣны.

9. декабря. — Привели полтора челоуѣкъ плѣнныхъ изъ Россіи, для постройки новыхъ бараконъ. Наши надежды на скорое окончаніе войны и наше освобожденіе расплываются. Солдаты поютъ „Дружнѣй“, а за обѣдомъ и ужиномъ „Отче нашъ“. Поютъ по

русски. Многие из интернированных плачутъ.

16. декабря. — Берутъ интернированных на принудительныя работы при постройкѣ барачковъ. Проводятъ электричество.

17. декабря. — Свящ. о. Ки-насевиць, получившій жалованье, даетъ мнѣ въ займы десять коронъ. Нынѣ встрѣтился я съ односельчаниномъ Ив. Рыбакомъ, съ которымъ не видѣлся съ октября мѣсяца.

18. декабря. — Пища улучшается. Утромъ и къ обѣду получаемъ супъ, къ ужину кофе или чай. Ежедневно освобождается человѣкъ по пять-десять.

19. декабря. — Праздникъ Св. о. Николая. Интернированные дѣлаютъ другъ другу подарки. Нахожу въ изголовьи пачку табаку и бѣлую булку, подложенную о. Ки-насевичемъ. Вспоминаются жена и дѣти.

20. декабря. — Противотифозная прививка.

24. декабря. — Первый разъ поданы къ обѣду щи съ фасолью. Сапожникъ взялъ для починки развалившіеся ботинки. Сижу въ баракъ босикомъ, а въ случаѣ надобности пользуюсь обувью о. Кана-севича.

26. декабря. — Принесли мнѣ ботинки и чистое бѣлье. Чувствую себя счастливымъ и думаю, какъ мало иногда надо человѣку для счастья.

28. декабря. — Между интернированными возникаютъ разногласія и споры. Несмѣтря на всеобщую ненависть къ австрійцамъ, нѣкоторые изъ заключенныхъ жалу-

ются лагерной администраціи на своихъ же товарищей недоли. Обжалованнаго мѣщанина Сегину изъ Галича, священникомъ С., стражникъ сбивалъ до крови палкою по головѣ.

29. декабря. — Говорятъ, что умеръ помѣщикъ Крыськовъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что разъ человѣкъ пересталъ шевелиться, тутъ же его кладутъ въ готовый ящикъ и отправляютъ на кладбище. Тамъ хоронятъ по нѣскольکو-десять человѣкъ сразу въ заранѣе вырытыя длинныя могилы.

30. декабря. — Былъ арестованъ плацкомендантъ, еврей Дейгшерь, съ помощникомъ за хищенія продуктовъ, бѣлья и одежды, назначенной для интернированныхъ.

4. января 1915. — Скоропостижно скончался комендантъ нашего барака свящ. Сѣлецкій изъ Ясельскаго уѣзда. Свящ. Сѣлецкій умеръ во время получки продуктовъ для варки обѣда.

6. января. — Сочельникъ Рождества Христова; ужинъ былъ постный. Помощникъ присяжнаго повѣр. Генсьорскій досталъ газету, которую тутъ комментировали на всѣ лады.

13. января. — Въ четвертомъ баракѣ часто мѣняются коменданты. На мѣсто Сѣлецкаго избранъ свящ. Вахнянинъ, послѣ него стар. жел.-дор. ревизоръ Фома Витошинскій. Послѣдній оставилъ по себѣ хорушую память. Благодаря его стараніямъ, многие получили шапки, куртки и одѣяла.

18. и 19. января. — Праздновали день св. Крещенія.

25. января. — Говорят о скоромъ освобожденіи интернированныхъ.

26. января. — Съ 24 по 28 умираетъ ежедневно около тридцать человекъ. Вчера умерло 32 интернированныхъ.

31. января. — Переносусь съ сваящ. Кинасевичемъ въ девятый баракъ, занимаемый лемками.

3. февраля. — Вчера умеръ въ девятомъ баракѣ Левъ Павловскій.

5. февраля. — Преподавателя гимн Влад. Труша взяли на военную службу. Сплю рядомъ со студентомъ Полсшиновичемъ. Съ другой стороны спишетъ псаломщикъ изъ села Пятковы во злѣ Бирчи, Добромильскаго уѣзда.

6. февраля. — Ходятъ слухи, что въ новыхъ баракахъ будутъ размѣщены арестованные по порученію уѣздныхъ начальниковъ. Этой вѣстью я сильно обезпокоенъ. Вчера былъ отправленъ въ больницу сваящ. Кинасевичъ.

7. февраля. — Я идемя продолжася.

10. февраля. — Вчера познакомился я съ Василіемъ Озоромъ изъ Черновець.

12. февраля. — Былъ взять въ больницу крест. Пелешъ изъ Борнаго, горлицкаго уѣзда, братъ покойнаго станицлавскаго епископа. Въ тотъ же день г. Кошко не позволилъ братъ изъ баракѣ босыхъ и раздѣтыхъ узниковъ на работы, за что былъ посаженъ подъ арестъ и избитъ палкою. Хоронили надсоевѣтника Проскурницкаго.

15. февраля. — Сваящ. Г. Полянскій старается провести между заключенными путемъ голосованія

постановленіе, чтобы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, не принимать скоромныхъ суповъ. Его предложеніе перепало. На войнѣ и въ тюрьмѣ нечего бояться ада; живешь примѣнительно къ обстановкѣ. Въ среду даютъ мясной обѣдъ, а а въ воскресенье могутъ оставить и безъ постнаго обѣда.

Газетныя извѣстія сообщаютъ, что на моей родинѣ, въ Надворной и Делятинѣ, находится боевая линия. Сильно беспокоюсь за семью.

18. февраля. — Я опять потревоженъ газетными извѣстіями. Къ югу отъ Коломыи идутъ сильныя бои, а вечернія газеты сообщаютъ, что Коломыя отобрана австрійскими войсками.

19. февраля. — Благодаря матеріальной поддержкѣ преподавателя Кустыновича, выздоравливаетъ больной Приймакъ; также поправляется Кукудякъ. Онъ отъ времени до времени ходитъ даже на работы.

22. февраля — Узнаю о священникахъ Кинасевичѣ, Боднарукѣ и Т. Куницѣ. Поправляются отъ болѣзни, а Рыбакъ третій день лежитъ въ постели.

23. февраля. — По сегодняшнее число вывезено „подъ сосны“ свыше тысячи человекъ, а болѣетъ еще около двухъ тысячъ душъ.

1. марта. — Хорошая погода, но холодный вѣтеръ. Кругомъ Таллергофа видѣютъ горныя цѣпи вершинъ, украшенныя замками и костелами. Насуваются мысли о родинѣ, о родныхъ Карпатахъ.

5. марта. — Улылю семь мѣсяцевъ со дня моего интернированія.

6. марта. — Красивый видъ разстилается кругомъ Талергофа: Горы, покрытыя темно-зелеными слями, за ними синія горы, покрытыя бѣлыми снѣжными заплатами, а дальше свѣтлые верхи съ вѣчными льдами. На дворѣ теплое весеннее утро, а мою душу леденятъ мысли объ оставленной мною семьѣ.

12. марта. — Газеты сообщаютъ о бояхъ сѣвернѣ Надворной, въ моихъ родныхъ мѣстахъ.

15 марта. — Навѣщаетъ меня выздоровѣвшій Пріймакъ. Я дѣлаю визитъ больному о. Кинасевичу и получаю отъ него въ займы 40 коронъ

3. апрѣля. — Пища ухудшается.

15. апрѣля. — Вызываютъ меня, преподавателя Кустыновича и Федорова подъ комендантскія ворота: Простоявъ здѣсь до двухъ часовъ дня, узнаемъ, что слѣдствие противъ насъ прекращается.

— о —

26. октября 1915 г. — Съ апрѣля мѣсяца я пересталъ вести свой дневникъ. Пережилъ въ неволѣ весну, лѣто и осень; пасха была не веселѣе Рождественскихъ праздниковъ. Не зная, что случи-

лось съ моею семьей во время передвиженія противъ двухъ сражающихся другъ противъ друга армій, я написалъ въ сельское управленіе въ Лячкомѣ, запросъ о судьбѣ жены и дѣтей. Односельчане Пріймакъ и Рыбакъ получили отъ своихъ письма и деньги; о моихъ же ни малѣйшаго извѣстія. Не имѣя возможности прочитъ, я снесся съ вѣнскими и будапештенскими фирмами, съ которыми находился передъ войной въ торговыхъ сношеніяхъ и, получивъ отъ нихъ кой-какіе товары, я занялся торговлей. Деньги на поднятіе товаровъ съ почты занималъ у знакомыхъ. Такимъ образомъ поддерживалъ я свое жалкое существованіе.

И только 13. октября 1915 года получилъ я отъ жены первое письмо и 30 коронъ. Я весьма обрадовался, что всѣ мои живутъ, хотя радость была не полная. Жена сообщала, что старшая дочка опасно болѣетъ и что торговля моя совершенно разграблена

Въ тотъ же день хоронили мы, сердечно болѣя, молодого Юліана Кустыновича, преподавателя гимназии въ Бродахъ.

А. И. В.

Июль и август 1915 г. въ Талергофскомъ лагерѣ.

Окончаніе дневника Ф. В. Курилло.

(см. стр. 98 сего выпуска).

Приводимъ здѣсь добавочно полученное окончаніе Дневника Ф. В. Курилло за мѣ. конецъ іюня, іюль, по 20-му авг. 1915 г.

Свящ. о. совѣт. Василій Курилло,
с. Флоринка, у. Грибозъ, (отецъ).

Его сынъ Теофілъ Васильевичъ
Курилло, авторъ Талергофскаго
Дневника.

29. іюня 1915 г. — Тустановскій освобожденъ. Льетъ ливнемъ дождь. Нельзя показывать носа. Скука. Овесъ и трава быстро растутъ. Даю вырвать корень порченнаго зуба д-ру Коллеру, который, вырвавши его по методамъ средних вѣковъ, удивился, что корень оказался столь длиннымъ, и говорить: „годится для помѣщенія въ музей“. Изъ раны долго и обильно текла кровь, теченіе которой было приостановлено д-ромъ Могильницкимъ. Чувствую себя очень ослабленнымъ.

Въ 7-омъ баракѣ одинъ изъ обитателей заболѣлъ холерой. Всѣхъ

находящихся въ этомъ баракѣ солдаты вооруженные штыками, насильственно перевели въ карантинный баракъ, даже тѣхъ, которые зашли туда въ гости. Качоръ, Андрей Карель, Копытянскій Романъ и др. тоже изолированы вмѣстѣ съ ними. Всѣ очень испугались появленія холеры.

30. іюня. — Пьемъ кофе съ конденсированнымъ молокомъ, жестянка котораго стоитъ крону. Нѣсколько десятковъ человекъ ѣдетъ на работу.

Приходитъ транспортъ, состоящій изъ 30 человекъ Ряшевскаго

уѣзда, среди которыхъ находится нѣсколько цыганъ Горлицкаго уѣзда. Врачъ велѣлъ произвести дезинфекцію 7-го барака. Доступъ запрещенъ. Сегодня понесли гробъ въ одинъ изъ изолированныхъ бараконъ. Нѣсколько русскихъ военнопленныхъ удрало изъ лагеря, но были пойманы за Грацемъ.

Въ лагерь прибыли 2 финансовыхъ комиссара. Воздухъ такъ чистъ, что вдали виднѣются вершины Альпъ, а надъ ними облака. 160 человекъ отправляютъ на работы куда-то въ окрестности Вены. Передъ ихъ отбѣздомъ, у нихъ производятъ ревизію вещей. Пойманныхъ за Грацемъ военнопленныхъ подвергли 3 недѣльному аресту.

Вдругъ приходитъ въ баракъ вооруженный постовой и кричитъ: „Циммеркомандантъ я беру 30 человекъ на работы“. Гоцкій назначаетъ 30 человекъ на работы, въ числѣ которыхъ находится извозчикъ изъ Криницы. Не желая итти работать, онъ флегматически вынимаетъ краюху хлѣба и преспокойно начинаетъ ѣсть, хотя только что обѣдалъ. Горячаго темперамента постовой солдатъ хватаетъ его за шиворотъ и выталкиваетъ изъ барака за вышедшими людьми на работу. Спустя часъ извозчикъ, удравъ, возвращается и говорить всѣмъ вообще и никому въ особенности: „Какойже всплывчивый человекъ этотъ постовой! Вѣдь я только хотѣлъ съѣсть немного хлѣба, а онъ такъ грубиянски поступаетъ со мною!“ Послѣ чего ложится спать съ чувствомъ испол-

неннаго долга и немедленно засыпаемъ.

Июль 1915 года.

1. іюля. — Одинъ больной холерой, уже умеръ. Еще находится въ баракѣ 4 человека больныхъ холерой. 15-ый баракъ тщательно дезинфицируютъ. Приказываютъ воен-

Уиáтская часовня. (Наружный видъ).

ная власти явиться молодежи отъ 18 до 24 лѣтъ къ набору. Военная комиссія мало кого освобождаетъ и записываетъ въ солдаты до 250 человекъ.

О. Сенікъ, Феодоръ Мохнацкій, д-ръ Секало, Ив. Андрейко, Дм. Вислоцкій, Феод. Дуркотъ, Степанка, съ сестрой, Іоанна Дуркотъ, Гнатышяки, Гавріилъ и Феодоръ,

Трохановскій Мефодій, учитель нар. изъ Криницы и др. отправлены подъ конвоемъ 6-ти солдатъ на судъ въ Вѣну. О. Зарицкій, о. Андрійшинъ и вообще всѣ священники въ лагерь получили право совершать богослуженія.

На грядкахъ, между капустой, женщины садятъ салатъ. Варимъ „мокка-кофе“ и пьемъ его съ конденсированнымъ молокомъ. Д-ръ Коллеръ такъ идеально вырвалъ мнѣ корень зуба, что у меня распухли правый глазъ, съ верху и внутри щека и болятъ десна. Комиссія признала годными къ военной службѣ 207 человекъ изъ 250 рекрутъ и заставила ихъ присягать на вѣрность на малорусскомъ, польскомъ и румынскомъ языкахъ.

2. июля. — Ночью падаетъ дождь. Грязь непроходима. Мужчины отъ 24 до 30-лѣтняго возраста должны явиться въ комиссію по отбыванію воинской повинности. Заставляютъ идти не только напр. Юрія Полошиневича и Евстахія Макара и др. мірянъ, но и духовныхъ лицъ, даже протоіереевъ.

3. июля. — Вечеромъ въ 8 ч. когда мы уже улеглись спать, пришли солдаты и вытребовали Ивана Вислоцкого, Михаила Перегинца и нѣсколю десятковъ русскихъ студентовъ изъ другихъ бараконъ, въ числѣ которыхъ находились Романъ Макаръ, Генсберскій, которыхъ, какъ оказалось потомъ, подвергли одиночному заключенію безъ объясненія причинъ.

4. июля. — Воскресенье. Передаю черезъ тюремнаго надзирателя одинъ хлѣбъ для Перегинца. Власти продолжаютъ арестовывать

нашу молодежь за то, что при опросахъ комиссіи по воинской повинности за родной языкъ — подавали русскій языкъ! Гулять имъ разрешается разъ въ сутки въ течение одного часа. Они помѣщены въ маленькой комнаткѣ, гдѣ и тѣсно и душно. Духота эта тѣмъ болѣе чувствительна, что стоитъ нестерпимая жара и неудивительно, что многіе падали въ обморокъ, а у нѣкоторыхъ, напр. Григорія Пирого, текла изъ носа кровь, сторожатъ воулѣ дверей тюрьмы солдаты — сербы изъ Боснии. Это лютые люди. Образовали мы комитеты взаимопомощи для доставленія пищи голодающимъ въ тюрьмѣ.

Оберлейтенантъ запаса Чировскій зоветъ многихъ въ 6 ой баракъ, строить ихъ въ (шеренгу) и выбираетъ людей, годныхъ по его мнѣнію быть писарями въ канцелярію. Онъ ведетъ себя грубо, и надменно, точно паша турецкій. Это — человекъ, толстый, небольшого роста, съ рыжеватой бородкой и такими же усами и носить пэнсэ.

5. июля. — Меня и техника Тео досія Перчинскаго, съ другими, по вели сгребать сѣно въ Карльсдорфѣ. Покупаю у штирійца одинъ хлѣбъ за 1 кр. 20 гел. и $\frac{1}{2}$ литра яблочнаго вина.

Рѣшили заботиться о заключенныхъ, Перегинцѣ и Вислоцкомъ. Даже вечеромъ устраиваемъ молчаливую демонстрацію передъ арестнымъ бараконъ, гдѣ сидятъ они.

6. июля. — Комиссія по воинской повинности оканчивается наборъ солдатъ. Гринберга и 2 евреевъ она забраквала. Гринбергъ

на радостяхъ играетъ на флейтѣ, кидается изъ стороны въ сторону, порицаетъ другихъ за то, что не имѣютъ понятія объ инструментахъ, покуриваетъ папиросу и вновь играетъ. Все это продѣлываетъ онъ уморительно, такъ что, глядя на него, нельзя не улыбаться.

Инженера Чижа и Мудраго посадили подъ арестъ. Въ 21-омъ баракѣ хорошо играютъ на флейтѣ

7. июля. — Праздникъ Іоанна Крестителя. День хорошій и теплый. Утромъ идемъ купаться. Д-ръ Собинъ живетъ съ нами. Прибыль транспортъ лемковъ изъ Штейн-кляма, среди которыхъ находились: оо. Венгриновичъ, Титъ Полянскій и другіе. Именины о. Іоанна Руссияка изъ Королевы русской, Грибовскаго уѣзда. Священники совершаютъ богослуженія и молебны

Всюду жизнь... и въ Талергофской тюрьмѣ:
Крещеніе новорожденныхъ близнецовъ.

и скрипкахъ. 50 работниковъ отправляется на работы въ окрестности Граца. Передаю съѣстные припасы заключенному Качору слѣдующимъ образомъ: подкуленный солдатъ относитъ пакетъ адресованный данному заключенному въ сортиръ, куда послѣ этого отправляется адресатъ и забирая пакетъ уноситъ его къ себѣ въ камеру.

возлѣ часовни и по всѣмъ баракамъ. Также Барановскій есть въ лагерѣ.

Въ баракѣ затѣяли игру въ „волки и овцы“, въ другой части барака поютъ или играютъ на разныхъ инструментахъ. Студенты пишутъ прошенія къ военнымъ властямъ о признаніи имъ права однодичной военной службы. Узнаю, что Романъ Макаръ заключенъ вмѣстѣ съ тремя другими людьми.

8. іюля. — Жара нестерпимая. Я, Огод. Перчинскій, Гнатышаки Ольга и Марья, Добя, Куцій и 9 священников отправляемся на работу въ Карльсдорфъ. Работать намъ не пришлось много, но за то мы прогулялись.

Власти опорознили 23-й баракъ и помѣщаютъ въ немъ до конца войны о. М. Еднакаго, Преторіуса, Максимовича, Кисбера и другихъ. Первую и вторую кухню власти перенесли за бараки.

9. іюля. — День пріятный. Посѣщаю заключеннаго Перегинца по дѣлу подачи прошенія о признаніи односторонней военной службы. Имѣя еще отъ Тымчака легитимацию на право посѣщенія всѣхъ заключенныхъ въ лагерѣ по администрац. дѣламъ, я отправился къ тюремному надзирателю и, показавъ ему этотъ документъ, требовалъ пропуска въ арестный баракъ Романъ Макаръ передалъ мнѣ письмо къ своему отцу. Поговоривъ съ Перегинцемъ и Макаромъ непродолжительное время, я немедля ушелъ. Пропускъ данный мнѣ Тымчакомъ потерялъ въ то время силу, ибо былъ данъ на опредѣленный срокъ. Для меня было хорошо то, что сторожевой не читалъ моей бумаги.

Вотъ какъ постовые ухитряются вербовать людей на работы: Солдатъ беретъ съ собою одного изъ интернированныхъ, владѣющаго хорошо нѣмецкимъ языкомъ, которыхъ мы прозвали, „нагонячами“. Нагонячъ, встрѣчая по дорогѣ кого-нибудь изъ крестьянъ, указываетъ на него солдату, тотъ немедля тащитъ такого на работу. Наго-

нячъ даже указываетъ и такихъ, которые спокойно сидятъ въ баракѣ. Понятно, что тутъ часто личная обида или злость играютъ очень важную роль. Часто между нагонячемъ и жертвой происходитъ къ рѣзкой ссорѣ, сопровождаемой ругательствами и бранью, которую обыкновенно прерываетъ выведенный изъ терпѣнія солдатъ, ругая спорящаго и даже прикладомъ загоняя на работу. (Впослѣдствіи никто не хотѣлъ быть „нагонячомъ“).

Читаю все еще сочиненіе „Письмъ IX. и его архипастырская дѣятельность“. Воздушные маневры летчиковъ. Отправляется изъ нашего лагеря транспортъ людей, въ лагерь бѣженцевъ. Изъ Львова прибываетъ 10 человекъ интернированныхъ. Идемъ на кладбище. Ссору трубочиста съ караульнымъ комендантомъ разбираетъ оберлейтенантъ.

Работники откапываютъ гробы австрійскихъ солдатъ и тѣла ихъ закапываютъ въ другомъ мѣстѣ, развѣ только изъ-за того, что солдаты, какъ върные, по ихъ мнѣнію престолу, не должны бы лежать вмѣстѣ съ „измѣнниками“. Священники не совершали панихиды.

Въ понедѣльникъ должно состояться посвященіе греко-кат. церкви въ лагерѣ; въ виду этого торжества лагерныя власти издали цѣлый рядъ распоряженій.

10. іюля. — Иду какъ доброволецъ на работу. Жара ужасная. Ложусь во время отдыха въ тѣни каштановъ, съ удовольствіемъ ощущая ея прохладу, но не долго, ибо надвигается грозная туча и спѣшно возвращаемся домой. Едва успѣ-

ли мы войти въ бараки, какъ разразилась буря съ громомъ и молніей и полился до того проливной дождь, что вода черезъ крышу протекла въ бараки. Съ сѣнниками и другими вещами бѣгаемъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы найти сухое мѣсто. Подъ струи лившейся сверху воды подставляемъ блюда и ушаты и по наполненіи ихъ выливаемъ воду за бараки.

Буря разразилась надъ нами въ два пріема, на площади цѣлый рядъ маленькихъ рѣчекъ течетъ въ главные резервуары.

Д-ръ Собинъ, промоченный, сидитъ скорченный на сѣнникѣ и читаетъ „Новую Реформу“. О. Вас. Курилло, простуженный, лежитъ на сѣнникѣ. Воздухъ идеально чистъ и свѣжъ много въ немъ послѣ бури озона. Туча проходитъ и изъ за облаковъ показывается живительное солнышко. О. К. читаетъ преимущественно рассказы о путешествіяхъ, по зоологии и о заключеніяхъ. Возлѣ церкви вьютъ вѣяки изъ зеленыхъ вѣтвей.

Мудраго, залитого кровью, понесли на носилкахъ изъ одиночнаго заключенія въ больницу. По причинѣ жары, недостатка пищи и воды, и кромѣ того свѣжаго воздуха, получилъ онъ такое сильное кровотеченіе, что слегъ окончательно.

Иванъ Вислоцкій вѣдѣствіе жары чуть-чуть не лишился чувствъ. Главнымъ виновникомъ заключенія нашихъ студентовъ является квази-патріотъ, вѣрнопопданный, попovich „украинскій“ оберлейтенантъ Чировскій.

Одна дама пришла въ 21-ый баракъ къ живоліску съ просьбой

написать ея портретъ красками. Во время позировки она упала въ обморокъ. Тинтенфасъ и другой врачъ, находящіеся тутъ же, съ трудомъ привели ее въ чувство.

Качоръ находится въ 13-омъ баракѣ. Новый списокъ освобожденныхъ. О. Діонисій Мохнацкій отправленъ въ опредѣленную нѣмецкую деревню подѣ надзоръ полиціи. Во время бури молнія ударила въ электрическую станцію и испортила центральную станцію, вслѣдствіе чего получили мы керосиновую лампу. Снова буря съ градомъ. Папара и его философія. Сидитъ онъ на сѣнникѣ и растегивая воротникъ да снимая сапоги громко философствуетъ самъ съ собой на тему своей доли.

11. іюля. — Передаю заключенному Перегинцу хлѣбъ и соль, въ которой то онъ очень нуждался. Освященіе церкви отложено на недѣлю, ибо дождь испортилъ крышу. Читаю: „Postsecretar im Himmel“.

Въ 21-омъ баракѣ состоялся въ присутствіи многочисленныхъ гостей, преимущественно женскаго пола, первый настоящій концертъ. Наканунѣ праздника Петра и Павла, послѣ вечерни у насъ поздравляютъ именинниковъ. Пять чело-вѣкъ, а именно: Иванъ Гайда, о. Петръ Дуркотъ и другіе ѣдутъ въ Граць на судъ.

12. іюля. — Праздникъ св. Петра и Павла. Эрцгерцогъ Леопольдъ Сальваторъ посѣщаетъ Талергофъ и осматриваетъ церковь. Онъ пріѣхалъ со свитой въ 2 автомобиляхъ и, осмотрѣвъ церковь, обратно уѣхалъ. Полковникъ съ офицерами уѣхалъ въ коляскѣ.

Аэропланъ разбился вдребезги. Обломки его летчики уложили на тельгу и помѣстили въ ангаръ. Знакомлюсь съ о Жубридомъ.

Многихъ женщинъ солдаты посадили подъ арестъ за то, что изъ казенныхъ датскихъ одѣяль повибрасывали бумагу и изъ верха сшили себѣ платье!

Военные чиновники берутъ къ себѣ на работу нашихъ дѣвушекъ. Нѣмцы вывозятъ изъ лагеря нечистоты изъ сортира одной коровой и одной лошадыю. Упражнения солдатъ на площади передъ гаупвахтой. Послѣ обѣда снова идетъ дождь. Д-ръ Лакуста приноситъ намъ заказанныя нами въ фирмѣ Кастнеръ и К^о въ Грацѣ вещи. Ви-слоцкій Яковъ и Сяндовичъ, оба старики, сидя передъ баракомъ, бесѣдуютъ, подобно Гервазію и Протасю изъ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. Вечеромъ снова падаетъ непродолжительный дождь, послѣ выхожу вмѣстѣ съ Евстахіемъ Макаромъ гулять.

13. іюля. — Передаю хлѣбъ и $\frac{1}{2}$ килограмма сахару Перегину, черезъ о. Крушинскаго. Нѣсколько человекъ отправлены на судъ въ Грацъ. Глѣбовицкій и Славко Кмицкевичъ помирились. Слѣдзатель при вопросахъ очень хитро толкуетъ слова лемковъ.

Первый концертъ на площади.

14. іюля. — Утромъ хорошая погода, пополудни снова дождь. О. Миланичъ присужденъ къ 2-годичному тюремному заключенію съ зачисленіемъ 7-мѣсячнаго предварительнаго заключенія, но за что, того не знаю. Послѣ обѣда онъ въ сопровожденіи „цугсфирера“ идетъ

подъ арестъ. Бѣдный человекъ, на почтѣ ему украли 116 кронъ; мы собрали для него немного денегъ. Онъ беретъ свои вещи и прощается съ нами, у всѣхъ насъ на глазахъ слезы.

Наши крестьяне косятъ сѣно на лугу за лагеремъ. Сегодня получаемъ на завтракъ фасоль, на обѣдъ кукурузянку, а на ужинъ ксфе.

Капуста растетъ хорошо. Изъ Америки присланы живущими тамъ лемками въ Талергофъ для раздачи лемкамъ 500 кронъ. Честь и слава американскимъ лемкамъ. Пльвнне русскіе починаютъ крышу барака, покрывая ее чѣмъ то въ родѣ толя.

Гриннъ былъ въ тюрьмѣ и строго на строго запретилъ давать съѣстные припасы заключеннымъ студентамъ и сообщать имъ свѣдѣнія о жизни въ лагерѣ. Я знаю, что Романъ Макаръ помѣщается въ маленькой камерѣ, съ 5 другими арестованными. Какъ они тамъ помѣщаются, уму не постижимо, ибо никакъ нельзя тамъ больше 3 человекъ вмѣстѣ.

Гиссовскій держитъ табачную лавочку. Освобожденный Папара уѣзжаетъ изъ Талергофа.

15. іюля. — Утромъ получаемъ тминный супъ, а не фасоль. День теплый. Крестьяне изъ Лосья приходятъ въ нашъ баракъ и покупаютъ рюмками сливовицу или ромъ. Вечеромъ въ баракѣ раздаются пльвнне пѣсни. Покупаемъ фунтъ „бриндзы“ за 2 кроны. Врачъ Могильницкій опредѣлилъ у меня ревматизмъ мускуловъ таза.

16. іюль. — Босняки и рускіе плѣнные косятъ сѣно на лугу за лагеремъ. Барановскій упавъ въ ровъ возлѣ кухни и вывихнулъ себѣ ногу; немедля письменно извѣщаетъ о нѣмъ команду лагеря объ этомъ случаѣ, надѣясь на возможность получения нѣкоторыхъ выгодъ изъ-за этого случая. Повивальная бабка, присланная врачомъ, осмотрѣла его ногу и взялась лѣчить.

О. Василій Курилло и о. Феленчакъ дѣлать присланныя изъ Америки деньги помежду лемковъ. Снова потерпѣлъ аварию аэропланъ. Одинъ лемко, оглядываясь на всѣ стороны говоритъ потихоньку Ванькѣ: „слушай Ваня, навѣрно и одно изъ государствъ разобьется, какъ этотъ аэропланъ“. Пищу даютъ сегодня: тминный супъ, кукурузянку, съ новой картошкой, но безъ жиру. Листъ бумаги въ кантинѣ стоитъ уже 4 геллера

Генеральная чистка второго участка. Возлѣ 19-го и 20-го бараконъ строятъ трибуны. Власти велѣтъ женщинамъ переселиться и то вечеромъ въ 11-ый баракъ. Кухни и бараки бѣлятъ известью. Возлѣ церкви женщины вьютъ вѣнки. Въ 5 ч. дня прибываетъ 10 человекъ изъ Коломыйскаго уѣзда. О. Владиміръ Мохнацкій долженъ быть „конфинированъ“.

Вечеромъ въ баракѣ пѣне. Среди поющихъ выдѣляются своимъ приятнымъ тембромъ и силой голоса крестьянокъ изъ Костаровець, близъ Сянока, Евы Соболевской и Анны Масляной. Ихъ пѣніе производитъ милое впечатлѣніе и многіе съ наслажденіемъ ихъ

слушаютъ. Поютъ также студенты и гимназисты. Слышатся пѣсни: „Безъ росы травица вянетъ, безъ росы дерево сохнетъ“, „По горамъ ходила“, „Какъ я у матушки жила“, „Южъ сявертамо застъ“, „Ночь тиха, благія минуты“, „За шумѣла березенька“, „Ой вербо, вербо кучерява“, „Какъ я была мала“, „Въ темномъ лѣсѣ“, „Кедь мнѣ прійшла карта наруковаць“, „Не осенній мелкій дождичекъ“, „Слабая, слабая, видно я умру“, „Укажи мнѣ такую обитель“, „Пришель бы къ вамъ, когда бъ я зналъ“, „А я вчера оравъ, (пахаль)“, „У насъ былъ такой Иванъ“, „Ой копаль я керниченку, разъ-дватори“, „Ой, верше мой, верше“, „Якъ я пойду на мадыаръ“, „Я есмь цыганъ“, „Въ Перемышлѣ на Подзамчѣ“, „Дубе, дубе, што съ ты будетъ“, „Стелися зеленый барвинку“ и цѣлый рядъ другихъ пѣсень. Отъ времени до времени важно и мощно раздаются и такія пѣсни какъ „Коль славень“ и „Пречистая Дѣво Мати русскаго края“. Многіе тайкомъ плачутъ, у многихъ, отъ волненія и воспоминанія, катятся по щекамъ слезы открыто. Пѣсни эти всѣхъ воодушевляють и ободряють. Военноплѣнные рускіе очень проворно и хорошо починають крыши бараконъ.

Развлеченія ради, о. Феленчакъ рассказываетъ крестьянамъ лемковскую сказку, какъ теленокъ, рожденный крестьяниномъ, съѣлъ его и только ноги въ сапогахъ оставилъ. „Жилъ былъ — говорить — крестьянинъ, который пилъ только молоко, другихъ жидкостей не принимая. Жена его, желала оту-

чить мужа отъ этой жадности къ молоку и говорить ему, что если дальше онъ будетъ пить молоко, то родить теленка. Но крестьянинъ продолжалъ не смотря на это глотать дальше молоко, потолстѣлъ и брюхо ему выросло. Ростъ брюха заставляеть его удрать изъ дому, ибо началъ бояться, что на глазахъ у жены родить теленка. По дорогѣ, въ лѣсу, куда онъ забрелъ встрѣтилъ пару лежащихъ сапогъ и, взявъ ихъ за уши на палку, побрелъ дальше. Приходить вечеромъ въ какую-то хату и стучится. Хозяинъ хаты принялъ его на ночлегъ и помѣстилъ на печкѣ, дабы ему было тепло. Ночью у хозяина хаты корова отелилась, и хозяинъ изъ-за холода, положилъ родившагося теленка на печку возлѣ гостя. Раннимъ утромъ, когда еще всѣ въ хатѣ спали, пробуждается гость крестьянинъ — и, увидѣвъ возлѣ лежащаго теленка, пришелъ въ ужась, такъ какъ ему показалось, что слова жены исполнены. Недолго думая, онъ одѣвается и, забывъ про найденныя имъ сапоги, торопливо уходитъ изъ хаты не простившись съ хозяевами. Въ сапогахъ же, о чемъ не зналъ нашедшій ихъ въ лѣсу крестьянинъ, находились остатки ногъ человѣка, съѣденнаго волками. Хозяинъ хаты, проснувшись прежде всего вспомнилъ о своемъ гостѣ и немедля подошелъ къ печкѣ, но на печкѣ гостя не оказалось, за то остались покинутые имъ сапоги. Хозяинъ удивился, но увидя сапоги, подумалъ: „вотъ хороший гость, оставилъ мнѣ сапоги, попробую, авось мнѣ годятся“, и сталъ

тутъ же примѣрять сапоги, но нога не лѣзеть въ сапогъ, ибо что-то ей мѣшаетъ. Тогда онъ засовываетъ руку въ сапогъ и вынимаетъ оттуда голень со ступней человѣческой! Это его до того напугало, что онъ бѣжитъ къ женѣ и покаявывая ей сапогъ и найденную въ немъ ногу, говоритъ ей: „вотъ смотри теленокъ съѣлъ крестьянина и оставилъ только его ноги“. Крестьянинъ же удравшійся изъ хаты приходитъ домой и разсуждаетъ про себя: „хорошо, что жена не видѣла какъ я родилъ, вотъ смѣялась бы надо мной“. Эта сказочка очень понравилась крестьянамъ.

17. іюля. — Въ 6^{1/2} ч. утра отправляется на судъ въ Грацъ Билинкевичъ. Баракъ приводятъ въ порядокъ. Воздухъ чистъ, небо синее, вдали видны сѣрыя облака. Красныя крыши стирійскихъ хатъ виднѣются издалека. Виднѣются то же горы покрытыя виноградникомъ. Аэропланы взлетаютъ и по обыкновенію падаютъ. Стефанъ изъ Бережанъ, широкоплечій видный мужчина, но слабодушный, проходя возлѣ кухни, громогласно, но фальшиво поетъ: „она была файна, она была добра“. Размахивая палкой, онъ обращается къ встрѣчающимся по дорогѣ людямъ со словами: „разступись!“ На его исхудаломъ и изнуренномъ голодомъ лицѣ видна легкая улыбка. Увидя, что кто-то ѣстъ хлѣбъ, подходитъ къ нему и проситъ: „либа“, т. е. „хлѣба“. Нѣкоторые крестьяне, имѣющіе деньги приходятъ въ баракъ, гдѣ продаютъ водку и пьютъ ее, рюмку за рюмкой. Одинъ изъ нихъ, послѣ изряднаго количества рю-

мокъ, прослезился и, обнимая другаго крестьянина, говоритъ: „дай намъ Боже здравья“. Затѣмъ оба возвратились въ свой баракъ спать. День прошелъ, завтра снова придутъ пить, дабы забыть свою горькую долю. Такъ они дѣлають изо дня въ день, покуда хватигъ у нихъ денегъ.

Слѣдователь допрашиваетъ 6 заключенныхъ. Заболѣвшаго Григ. Пирого въ арестѣ помѣстили 6

католическіе священники. Освященіе произведено съ торжественностью, при участіи войскъ, хора и военной музыки. Удивительнъ „тактъ“ предержавшихъ лагеря, именно въ томъ, что для освященія нашей церкви выписали римокатолическихъ ксендзовъ, тогда какъ въ лагерѣ нашихъ священниковъ насчитывается нѣсколько сотенъ! Хоръ подъ управленіемъ о. Петра Дуркота поетъ гимнъ: „Бо-

Пиршество лагернаго начальства

госпиталь. Соболевскій, сторожа сохнувшее его бѣлье на окружающей лагерь рѣшеткѣ, гуляетъ съ заложенными за спину руками. На головѣ у него старая черная шляпа съ тремя большими жирными пятнами.

18. іюля — Воскресенье. День ненастный. Посвященіе нашей греко-католической церкви совершаютъ прибывшіе изъ Граца римско-

же буди покровитель, цѣсарю его краямъ“...

Вся церковь и всѣ окрестныя лавки украшены флагами союзныхъ (центральныхъ) государствъ и папскаго престола.

Русскіе плѣнные приносятъ стулья для представителей власти, послѣ чего строятся въ ряды вслѣдъ за австрійскими солдатами. Прекрасный видъ представлялъ парадъ

полка тирольскихъ стрѣлковъ во главѣ съ ихъ капитаномъ. Трибуны заняты дамами, генераломъ и офицерами. Съ лѣвой стороны трибуну уставленъ хоръ пѣвчихъ и оркестръ. Возлѣ 19 и 20 бараконъ стояла большая бочка съ водой. Публика, какъ всегда, любопытна, не обратила на нее вниманія и напирая одинъ на другого, натолкнула на нее близъ стоящихъ, бочка перевернулась и вода вылилась подъ ноги стоящимъ, которые, спاسаясь, разбѣжались по баракамъ и это мѣсто опустѣло. Теперь уже можно было свободно смотрѣть на парадъ войскъ и совершающееся торжество. Финалъ освященія церкви былъ, однако, довольно комиченъ, ибо сильный дождь заставилъ всѣхъ смотрѣвшихъ разбѣжаться по баракамъ и остались только солдаты и нѣсколько священниковъ, но и тѣ промокшіе, какъ курицы поспѣшили вслѣдъ за убѣгающими.

19. іюля. — Возлѣ кантены, власти начали устраивать канализацію и потому за рѣшеткой выкапываютъ рвы для проложенія водосточныхъ трубъ. Арестованныхъ повели въ баню. Герцъ сообщаетъ многимъ, что ихъ прошеніе объ освобожденіи изъ Талергофа не увѣнчалось успѣхомъ. На обѣдъ получаемъ супъ съ галушками и мясомъ. Упражнения пожарной дружины. Ходатайства наши объ освобожденіи безъ успѣха.

20. іюля. — Русскіе военнопленныя перебрасываютъ на лугу сѣно, сѣноворошилкой. 6 заключенныхъ получаютъ письменный приговоръ „Малый — какъ адвокатъ, Кедыкъ — какъ рестораторъ, а

Гизыцкій — какъ чаеваръ“. О. К посадили въ одиночное заключеніе за ссору, а ефрейторъ со штыкомъ шагаетъ за нимъ. Идемъ гулять на кладбище, понятно сопровождаемые солдатами.

21. іюля. — Прошенія о признаніи права одногодичной военной службы, возвращенныя намъ вчера, сегодня воинскимъ начальникомъ вновь отобраны у насъ, для надлежащаго зарегистрированія въ его канцеляріи.

22. іюля. — Нѣкоторые рекруты изъ 18 — 24 бараконъ должны идти подъ карантинъ, къ нему они послѣ обѣда и готовятся.

23. іюля. — Былъ между нахоящимися подъ карантинномъ рекрутами, которыхъ власти распределяютъ по полкамъ. Перехожу съ Юріемъ Полошиновичемъ во вторую комнату этого барака. Цыганъ Петръ изъ Лемковщины, тоже рекругъ, рассказываетъ мнѣ подробно о цыганской жизни и, между прочимъ, о своей матери, имѣвшей трехъ мужьевъ. Нашъ баракъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ колючей проволокой, чтобы никто не удралъ изъ него, несмотря на это, мы ухитрились въ то время когда солдатъ, сторожащій насъ, отходилъ отъ насъ на значительное разстояніе и былъ обращенъ къ намъ спиной, поднимать эту проволоку и проскальзывать по подъ ней, подобно зайцамъ, наружу, дабы увидѣться со своими; вечеромъ возвращались мы такимъ же образомъ въ баракъ рекрутъ. О. Орестъ Тустановскій уѣзжаетъ изъ лагеря. Говорятъ, что поставой

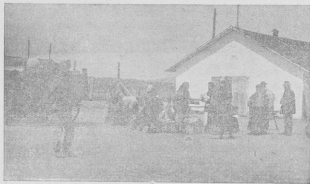
солдату равиль одного интернированного.

25. июля. — Сегодня мнѣ не удалось выйти изъ барака, ибо сторожащій насъ солдатъ слѣдилъ внимательно за каждымъ нашимъ движеніемъ. Папаша приноситъ мнѣ масло и бѣлье. Освобожденные получаютъ путевые документы къ подписи.

25. июля. — Жизнь рекрутъ подѣ карантиномъ. Одни играютъ чуть ли не полъ дня въ карты,

получить отпускъ, чтобы повидаться съ родными.

26. июля. — Приѣздъ генерала. Дождь падаетъ. Въ Баучь уѣзжаютъ: Макарь, Николай Галь и другіе. Скука смертная, вслѣствие чего уже послѣ обѣда ложимся спать. Я почти все приготовилъ къ отъѣзду въ Фрейденхофъ. 30 человѣкъ 30-аго барака уѣзжаютъ, между ними находится и Саврукъ. На площади оглашаютъ списокъ освобожденныхъ. Я удираю вечеромъ

Раздача багажа освобожденныхъ.

другіе курятъ папирсы и зедутъ между собой на разныя темы бесѣды, кто-то играетъ на мандолинѣ, иной на гитарѣ и т. д. Вообще мы все таки довольны, что насъ берутъ на военную службу, ибо покинемъ этотъ ненавистный Талдергофъ, и каждый изъ насъ надеется, что, будучи на фронтѣ, ему удастся какъ-нибудь или ударить или

изъ карантина къ отцу въ 21-ый баракъ, а потомъ возвращаюсь домой. Сегодня дали на завтракъ кофе, на обѣдъ супъ съ мелкими клецками и мясомъ, и на ужинъ картофельный супъ. Приготовлю запасы съѣдобнаго на дорогу.

27. июля. — День хорошій. Идемъ кушать. Новобранцы, численные къ 56 и 57 полкамъ, уѣз-

жаютъ въ 11 ч. утра. Многихъ новобранцевъ отпускаютъ на свободу, почему не на фронтъ, одинъ Богъ вѣдаетъ. Кузьякъ вторично интернированъ.

Мастера строить новые, болѣе удобные сортиры. Они соединяютъ 6-ой баракъ съ первой кухней и дѣлаютъ что-то въ родѣ столовой. Получаемъ на завтракъ и ужинъ кофе, на обѣдъ картофельный супъ съ мясомъ. Вечеромъ хоръ поетъ хорошо разныя пѣсни.

Въ одиночномъ заключеніи одинъ изъ крестьянъ повѣсился на подтяжкахъ. Къ счастью во время замѣтили и снявъ успѣли спасти. Причиной его самоубійства было приговореніе его къ 2½ годамъ тюремнаго заключенія. Вечеромъ посадили въ одиночное заключеніе коменданта барака К-ра, за то, что былъ пьянъ.

28. июля. — Погода, день теплый. Со скуки, покупаемъ газеты и читаемъ. Новобранцы играютъ въ тарока и въ „фербля“ или преферансъ или покуриваютъ папиросы или пьютъ или же просто лежатъ на кровати и поютъ пѣсни, а то, просто раздумываютъ. Сенько дѣлаетъ папиросы, набивая табакъ въ гильзы. Цыганъ Петръ, устремивъ взоръ въ одно мѣсто, о чемъ-то думаетъ.

Жители третьяго участка переходятъ частью въ 31 и 32 бараки а частью въ бараки второго участка. О. Влад. Мохнацкій въ 10 час. утра выѣзжаетъ на „конфиавцію“.

Въ цѣломъ лагерѣ господствуетъ бѣготня. Говорятъ, что 2 тысячи людей должны прибыть въ ла-

геръ. Даже новобранцевъ власти не оставили въ покоѣ. Изъ барака С (Ц) переходимъ въ баракъ А послѣ ряда противоположныхъ распоряженій. Въ прежній баракъ переходятъ женщины второго участка. Ночью прибыло въ лагерь 30 человекъ. Пѣня не устраиваемъ, ибо нѣтъ охоты.

29. июля. — День теплый. Отъѣздъ въ Меришъ Нейштадтъ. Папара, какъ говорятъ, состоялъ секретаремъ магистрата седьмого класса, будучи отставнымъ судьей. Сегодня получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — рись съ мясомъ, а на ужинъ кофе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъѣзда изъ лагеря, ибо ужъ очень скучно. Лавочница зарабатываетъ на чисто минимумъ 35%. Одинъ новобранецъ играетъ отъ скуки въ карты съ 12 ч. дня до 9 ч. утра, слѣдующаго дня. Маргарита Попель заболѣла и лежитъ въ госпиталѣ.

30. июля. — Пасмурно. Утромъ прибываетъ въ лагерь изъ Зацендорфа многочисленный транспортъ женщинъ и дѣтей. Почему ихъ не выпустили на свободу? Дѣти плачутъ и кричатъ, требуя воды и хлѣба. Солдаты сопровождаютъ ихъ въ баню.

О. Вас. Курилло высылаетъ почтой своей семьѣ во Флоринку свой портретъ Юлианъ Дуркотъ, какъ освобожденный, съ 13 новобранцами, уѣзжаетъ въ свой полкъ.

Посаженные въ одиночное заключеніе за то, что при наборѣ въ солдаты записались русскими, только спустя 2 недѣли освобождены изъ подъ ареста, но Чировскому этого еще мало и онъ заставля-

еть ихъ висѣть привязанными къ столбу, за исключеніемъ троихъ, въ теченіи 2 часовъ. Это были: Гелитовичъ, Добрянскій и еще кто-то третій, которыхъ врачъ освободилъ отъ этого наказанія. Эти исхудалые блѣдные люди послѣ 2 недѣльных истязаній и страданій въ тѣсной душной кельѣ будутъ висѣть привязанные къ столбу и вновь страдать отъ невыносимой боли и падать въ обморокъ, и можетъ быть истекать кровью, льющейся изъ носа и рта. И это называется культурная страна, въ которой инквизиція была запрещена! Т. об. по прихоти Чировскаго будутъ наказаны люди за то, что осмѣлились официально заявить себя русскими! Цѣлая толпа народа, каждый разъ ожидаетъ появленія этихъ мучениковъ и сопровождаетъ ихъ по баракамъ.

Нѣкоторые рекруты (новобранцы) дѣлаютъ себѣ изъ досокъ чемоданчики на вещи. Одинъ изъ нихъ варитъ чай и продаетъ стаканъ чаю по 2 геллера. Другой продаетъ кубики Магги (Maggi-Würfel) на супъ и хлѣбъ, ибо нуждается въ деньгахъ. Романъ Макаръ, исхудалый послѣ ареста и истязанія, но бодрый духомъ, Славко Кмидкевичъ и Грицькъ посѣщаютъ насъ.

31. іюля — Суббота. Солнечный красный день. Присужденныхъ поочередно подвергаютъ наказанію висѣть привязанными къ столбу!

Григорій Карель рассказываетъ Онуфрию Ткачу, что Мацканичъ (лемко), былъ раненъ на фронтѣ въ Далмаціи во время боя съ итальянцами. Въ лагерѣ находится

одинъ еврей, который все молчитъ и плачетъ, блѣдный человѣкъ. Кизмякъ брѣшетъ людей. Сегодня даютъ намъ на завтракъ супъ съ фасолью, на обѣдъ супъ съ клецками и мясомъ, и на ужинъ спаржевый супъ.

Августъ 1915 года.

1. авг. — Кедыкъ продаетъ чешскіе кваргли (желтый сыръ съ острымъ запахомъ), пиво и водку. Иду гулять съ Перегинцемъ. Адвокатъ д-ръ Хилякъ уѣхалъ изъ лагеря. Въ новыхъ баракахъ новобранцы играютъ въ карты, образовалось шесть партій. Въ этихъ баракахъ жить пріятнѣе, ибо прохладнѣе чѣмъ въ нашихъ.

2. авг. — Утромъ иду въ 10 баракъ, а послѣ для допроса къ судѣ Величковскому.

Русскіе съ радостью покидаютъ 34 баракъ и возвращаются въ свои бараки. Это произошло по приказу генерала Бачинскаго, по ходатайству депутаціи интернированныхъ, бывшей у него и просившей его объ этомъ. Ему извѣстно, что въ лагерѣ Чировскій — persona odiosa (ненавистный человѣкъ).

3. авг. — Идетъ дождь. Иду гулять съ Евстахіемъ Макаромъ. Въ супъ кладутъ мелкій зеленый лукъ. Получаю письмо отъ брата Зенона изъ Любляны.

4. авг. — День хороший. Въ лагерь прибываютъ новые люди изъ Галичины. Передъ купаньемъ въ банѣ остригли ихъ, ибо у нихъ были очень длинные волосы. Илья Бекерскій находится подъ карантинномъ тутъ же возлѣ нашего барака. Недалеко отъ насъ мастера строятъ

2 новыя барака и обиваютъ ихъ досками. Во время обѣда комендантъ барака Панничко даетъ распоряженія. Сегодня 9 новобранцевъ убѣждаютъ изъ лагеря.

Наши работники возвратились изъ Граца; за работу въ фабрикахъ или у крестьянъ получали ежедневно по 1 кр. 40 г. до 1 к. 50 гел., пищу 3 раза въ день и квартиру. Такъ какъ они солидарно отказались работать по воскресеньямъ, то хозяева не давали имъ по воскресеньямъ пищи, вследствие чего они вынуждены были покупать себѣ еду за заработанныя деньги. Жарко. „Радца“ Конопинскій имѣетъ, какъ говоритъ, копию списка политически неблагонадежныхъ. Сегодня получаемъ на завтракъ кофе, на обѣдъ кукурузянку, а на ужинъ — картофель съ канустой.

5. авг. — Утромъ прохладно, полудни жарко. Отецъ брата Зелона изъ Любляны получаю открытку съ интересными вѣстями. Имѣя разрѣшеніе врача, выхожу сейчасъ послѣ обѣда гулять. Сегодня день моего ангела. Работники, копяя землю, вырыли трупъ, одѣтый въ длинные сапоги и платье со сложенными на крестъ руками! Тамъ гдѣ прежде были 3 деревянныхъ креста, нашли много человѣческихъ костей. Работники сложили кости въ гробъ и отнесли ихъ за кладбище и зарыли ихъ безъ священника. Это произошло въ присутствіи многихъ интернированныхъ. Ужасное впечатлѣніе.

6. авг. — Очень жаркій день. На завтракъ даютъ картофельный супъ, на обѣдъ кукурузянку („мамалыгу“) а на ужинъ — кофе.

Обѣдъ даютъ уже въ 10½ ч. утра. Изъ-за жары и обидья комаровъ спать не могу. Вечеромъ открытъ входъ въ новые нормальные сортиры, въ старые входъ запрещенъ. На лугахъ собираютъ работники овесъ и сѣно и свозятъ въ сарай, возомъ съ запряженными лошады и коровой. Настоятелемъ къ намъ назначенъ о. Карлякъ. Сегодня онъ прибылъ въ лагерь.

Въ 10 баракѣ произошла драка между цыганами. Тинтенфасъ приказалъ поэтому посадить подъ арестъ одну цыганку. Драка произошла и въ-за свободной цыганской любви. Съ 12 ч. ночи до 6 ч. утра, вмѣстѣ съ Шемердякомъ, стою на часахъ у отдѣленія пожарной дружины. Замѣчаю, что повара уже въ 12 ч. ночи начинаютъ варить въ огромныхъ котлахъ кофе на завтракъ. Слѣду движению поѣздовъ въ Граць и обратно. Тихая, пріятная и спокойная ночь дѣйствуетъ успокоительно на мои расшатавшіеся нервы. Наша умывальня находится во дворѣ вѣд барака, что даетъ намъ возможность мыться подѣ голымъ небомъ. Къ намъ доносится лай собакъ изъ стырійской деревни. Зато неслышно птичьего концерта, ибо перватое царство, какъ и люди, почиваетъ. Весь денной шумъ и гамъ утихъ. Природа спитъ. Невольно я задумался и мысли текутъ далеко въ родныя мѣста на Лемковщину, а слезы неволью наворачиваются на глаза.

8. авг. — Утромъ прибываетъ въ лагерь новый транспортъ интернированныхъ. О. Хризостомъ Дуркотъ умеръ въ госпиталь, ибо большое его сердце не вынесло вы-

сокой температуры. Говорят, у него была „Gelbkrankheit“.

Михаиль Максимчакъ прислалъ о. Вас. Курилло открытку изъ Баучу. Читаю пѣсенникъ. О. Карпякъ совершаетъ свое первое богослужение въ церкви.

9 авг. — Сегодня прибылъ въ лагерь генераль Багинскій На кладбищѣ власти приказали обрѣзать трехраменные кресты. На кладбищѣ находится одинъ еврейскій памятникъ, но его власти не тронули. Въ 6 ч. вечера состоялись похороны о. Хр. Дуркота. Хоръ подъ управленіемъ Галушки пѣлъ прелюбоходно. Хоровилъ о. Карпякъ.

10. авг. — Сегодня снялъ съ насъ фотографію одинъ фотографъ. Хотя идетъ мелкій дождичекъ, однако въ воздухѣ жарко.

11. авг. — Получаемъ новыя вѣсти отъ Уфйскаго. Дождь падаетъ. Одна дѣвушка десятаго барака только и дѣлаетъ, что смотреть по цѣлымъ днямъ въ окно на проходящихъ мимо. Новобранцы переживаютъ ужасное время. Въ они ожидаютъ съ нетерпѣніемъ приказа покинуть лагерь. Всѣ изнервничались, ибо находятся 3 недѣли подъ карантиномъ безъ всякаго занятія и работы. Возлѣ лавочки ожидаемъ Уфйскаго. Онъ дастъ намъ письменный приказъ и мы: Юрій Полошиневичъ, Макаръ и я, беремъ наши вещи и переходимъ въ 20-ый баракъ. Спать приходится по двумъ на одномъ сѣнникѣ. 20 новобранцевъ власти переводятъ въ другіе бараки, но почему? „Приказъ есть приказъ“. Параничъ умеръ.

12. авг. — День хорошей. Мы получаемъ отъ фотографа наши

снимки. Уѣзжаютъ изъ лагеря: Розалья Скалько, русская патриотка изъ Угеречь минеральныхъ (уѣздъ Лѣско) Гарбера, Трохановская Марія изъ Криницы и еще 9 человекъ. Скука смертная. Юрко П. ходитъ изъ барака въ баракъ и играетъ въ „тарока“. А. Дутка освобожденъ. Ольга Байкова, урожденная Ладыжинская изъ Самбора, сидитъ на скамейкѣ и шьетъ что-то. Много людей уѣзжаетъ на свободу, а многіе ѣдутъ на работы. Всѣхъ новобранцевъ снова переводятъ въ 21 баракъ. Снова прибылъ транспортъ интернированныхъ въ числѣ 27 человекъ.

13. авг. — Пятница. Снова по приказанію властей новобранцевъ переводятъ въ землянки. Буря съ громомъ и молніей и проливнымъ дождемъ. Отдаю сапоги для починки, а бѣлье въ мойку, словомъ готовлюсь къ отъѣзду. Читаю сочиненія Виргилія. Ужасная бѣготня въ лагерѣ. Новый приказъ и такъ чуть ли не каждые полчаса!

Наши люди прямо таки теряютъ голову. Вижу постоянное переселение людей изъ одного барака въ другой. Одинъ старикъ, жалуюсь, говоритъ мнѣ: „А знаете, господинъ, что въ теченіе 50-лѣтней своей жизни я не мѣнялъ квартиры столько разъ, сколько мѣнялъ бараки въ лагерѣ въ теченіи этихъ 10 мѣсяцевъ. Это даже не даетъ мнѣ спокойно спать, ибо часто мнѣ снится, что надо складывать вещи и идти въ другой баракъ“.

Въ землянкахъ новобранцы уже кое-какъ разгостились. Они принесли на плечахъ свои сѣнники и ве-

щи и, уложивъ сѣнники у стѣнъ, разложили свои вещи и на новосельи закурили папирсы. Но льетъ такой сильный дождь, что протекаетъ черезъ крышу. Подяки пьютъ пиво. Напротивъ меня помѣстился о. Игнатій Гудима и учится усердно французскому языку.

14. авг. — О. Вас. Курилло даетъ себя остричь машинкой нулевымъ номеромъ, а бороду стричь не позволяетъ. Онъ дѣлитъ по между людей терезинскаго транспорта 650 кронъ, присланныхъ изъ Америки. Субсидія присланная изъ Америки для лемковъ въ суммѣ 450 кронъ будетъ между нихъ роздана на дняхъ. Прибыль транспортъ изъ Оломунца. Отъ оберлейтенанта Герца получаю извѣщеніе, что мнѣ признана одногодичная служба въ качествѣ добровольца.

15. авг. — Воскресенье. Въ 9 ч. утра совершается богослуженіе въ церкви и въ 18-омъ баракѣ. Мерениха изъ Береста находится подъ карантинномъ. Юстинъ Воргачъ изъ Флоринки даетъ ей взаймы 10 кронъ на дорогу въ присутствіи Маріи Хопей изъ Береста.

16. авг. — 80 новобранцевъ уѣзжаютъ въ 9-ый краковскій полкъ. Въ 6 ч. вечера лагерь посѣщается для осмотра врачевная комиссія. Послѣ обѣда идетъ дождь. Повивальную бабку двое солдатъ караульных выпроваживаютъ изъ лагеря. Получаемъ на завтракъ картофельный супъ, на обѣдъ — фасоль, полбу и рисъ, вмѣстѣ сваренные, а на ужинъ тминную похлебку. Въ 8 и 32 баракахъ уже постоянно нѣтъ чаю.

17. авг. — Новобранцевъ отправили въ 4 разные полки. Въ 19 баракѣ упражненія хорового пѣнія. Получаемъ кофе, кукурузянку и капусту съ турецкимъ перцемъ (паприкой). Уже довольно продолжительное время не получаемъ мяса. Изъ лагеря уѣзжаютъ: Звѣриць, Патроникъ, гимназистъ Савчакъ, Кметыкъ и Кузьмякъ.

18. авг. — Тезоименство Франца Юсифа I. Торжественное богослуженіе въ церкви и 18 баракѣ, съ участіемъ хора. Возлѣ молочной лавки играютъ на музыкальныхъ инструментахъ: Гринбергъ, Ревсъ, Пепи, Сеникъ и др. Въ 8 ч. музыка у полкового врача. Сегодня получаемъ на завтракъ: кофе, на обѣдъ гуляшъ, а на ужинъ — кофе. Новобранцы уѣзжаютъ въ 20 полкъ ополченцевъ. Власти поменявали улицы и площади лагеря. Ночи бываютъ холодныя, а утро пасмурное.

19. авг. — Преображеніе Господне. Въ 18 баракѣ во время богослуженія поетъ хоръ. Ревсъ играть на скрипкѣ у главнаго врача лагеря. Снова заставляютъ студентовъ записываться въ пожарную дружину. Михаилъ Перегинець и Мудрый удрали изъ барака предназначеннаго для пожарной дружины въ 21 баракъ. Комендантомъ пожарной дружины назначенъ Максимовичъ. Въ молочной лавкѣ недѣлю тому назадъ назначенъ продавцемъ одинъ изъ студентовъ. Кедыкъ продаетъ водку, папирсы, „бриндау“, чешскіе кваргли и пр. Я прощаюсь со всѣми, ибо утромъ нашъ транспортъ новобранцевъ дол-

женъ отправиться въ 20 пѣхотный полкъ въ Тарновѣ.

20. авг. — Прощаюсь со всѣми еще разъ. Цѣлая толпа нашихъ провожаетъ насъ до рѣшетки. Производятъ ревизіи нашихъ вещей. Мои записки я попряталъ частью въ сапогахъ, частью въ карманахъ, а частью въ чемоданчикѣ съ двойнымъ дномъ. Прощаюсь со своимъ отцомъ въ послѣдній разъ, онъ благословляетъ меня на новый

путь. Ровнымъ мало кто уходилъ. Разстались мы со слезами на глазахъ и также у многихъ сопровождающихъ насъ были на глазахъ слезы. Покидая лагерь въ сопровожденіи солдатъ, я все думалъ объ оставшемся отцѣ, о которомъ, какъ я заботился, врядъ ли кто другой станетъ заботиться. Эти мрачныя думы все время пути на станцію желѣзной дороги, заставляли меня оборачиваться въ сторону лагеря

Нагрузка багажа передъ отправкой на вокзалъ.

путь словами: „чаще пиши мнѣ и забывай обо мнѣ“. Это были его послѣднія слова до новой съ нимъ встрѣчи. Но тогда ни онъ ни я не думали, увидимся ли снова, а ожидали каждый въ отдѣльности самаго худшаго, и потому такъ простились, какъ будто уже больше не встрѣтимся въ сей жизни. Я ѣхалъ на фронтъ, гдѣ шальная пуля легко могла лишитъ меня жизни и покидалъ отца-старика въ такомъ мѣстѣ, откуда живымъ и здо-

во и смотрѣть на махавшихъ намъ платками и шляпами прощавшихся съ нами до тѣхъ поръ, пока лагерь не скрылся отъ глазъ нашихъ. Подойдя къ станціи желѣзной дороги, увидѣли ожидающій насъ поѣздъ и немедля заняли отведенныя намъ въ этомъ поѣздѣ мѣста. Поѣздъ тронулся и тутъ въ пути я еще разъ имѣлъ возможность изъ окна вагона посмотрѣть на удаляющійся отъ насъ талергофскій лагерь.

Свидѣтельство узника изъ Снятинщины.

с. Волчковцы, Снятинскаго уѣзда.

(Сообщенъ съ Ивана А. Васюты).

Въ послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ изъ сяночковой тюрьмы, узнаемъ, что мы будемъ отправлены въ Градецъ. Однако мы ошиблись въ нашихъ расчетахъ на улучшение нашего положенія, ибо пройдя черезъ Градецъ, мы очутились въ Талергофѣ.

Быль мѣсяцъ ноябрь. Мы были размѣщены въ палаткахъ, въ которыхъ господствовали грязь, насѣкомыя и холодъ. Позже мы узнали, что въ этихъ палаткахъ побывали до нашего пріѣзда тысячи людей.

Палатки были назначены для карантина. Купить нечего, голодъ допекаетъ и нельзя выйти на просторъ, ибо палатки окружены колючей проволокой.

Послѣ двухнедѣльнаго карантина отправляемся въ весьма своеобразную баню. По срединѣ котель съ полутеплой водой, рядомъ разставлены грязныя корыта, поль вымощенъ каменными, леденящими ноги плитами. Ведать раздѣваться во дворѣ, на снѣгу. Одежду забираютъ для дезинфекціи, насъ гоняютъ въ ангары купаться, а послѣ купанья опять на снѣгъ — одѣваться.

Въ новыхъ баракахъ, въ которыхъ мы размѣстились послѣ бани, страшная скученность. По 250 — 280 человѣкъ въ одномъ, ночью трудно обернуться.

Ежедневно прибывали въ Талергофъ новыя партіи, ежедневно

ихъ раздѣвали на снѣгу, послѣдствіемъ чего были массовыя заболѣванія заключенныхъ сыпнымъ тифомъ и другими болѣзнями. Эпидемія косила народъ десятками и сотнями. Въ одно время казалось, что весь лагерь вымретъ и живой души въ немъ не останется.

Были между нами свои врачи, н. пр. д-ръ Влад. Могильницкій изъ Бучача и д-ръ Войтовичъ изъ Перемышля. Они работали сверхъ своихъ силъ, однако результаты были незначительны. Нехватало лекарствъ, инструментовъ и средствъ.

Эпидемія между тѣмъ распространялась съ ужасающей скоростью. Какъ я уже упоминалъ, въ баракахъ находилось по 250 — 180 человѣкъ, а были бараки съ нарами въ три этажа, которые вмѣщали по 500 человѣкъ. Болѣли рѣшительно все. Въ началѣ такой болной чувствовалъ себя весьма несчастнымъ и одинокимъ. Когда же позже болной тифомъ видѣлъ, что сосѣдь его справа мертвъ, слѣва догораетъ, сверху стягиваютъ покойника, а въ коридорѣ лежитъ рядомъ нѣсколько человѣкъ и бредить въ тифозномъ жару, тогда дѣлался постепенно равнодушнымъ къ своей болѣзни и къ окружающій его средѣ. Нынѣ его тащатъ на кладбище, потащатъ завтра меня, и такъ продолжалось безъ конца. Когда человѣкъ поднялся утромъ съ постели, видѣлъ на ули-

цѣ передь бараками покойниковъ въ разныхъ видахъ — голыхъ, въ лохмотьяхъ, одни лежали подь навѣсами крышъ, иные прямо въ грязи — на землѣ, а подь часовенкой къ полудню собиралось ежедневно 30—40—50 гробовъ съ покойниками.

Эпидемія унесла въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ до трехъ тысячъ жертвъ. Всѣ они похоронены „подь соснами“.

Въ другой половинѣ лѣта производился рекрутскій наборъ. Были зачислены на военную службу всѣ до 50-лѣтняго возраста. Молодыхъ сейчасъ же погнали на позиціи, а кто постарше, то были взяты въ началѣ 1916 г. Настало именно время, когда австрійскіе вожди почувствовали недостатокъ въ пушечномъ мясѣ. Тутъ уже не стали разбирать, благонадеженъ ли человѣкъ или же политически заподозрѣнъ, всѣ мало мальски виѣшне здоровые оказались подходящими солдатами.

И я былъ опредѣленъ въ началѣ марта 1916 г. на военную службу. Не стану скрывать не понравился мнѣ этотъ сюрпризъ, однако, съ другой стороны, я чувствовалъ до нѣкоторой степени удовлетвореніе, надѣясь вырваться на волю изъ грязной клѣтки.

Не долго радовался я свободѣ, ибо на третій день Пасхи я былъ опять арестованъ, благодаря маэринпу экс-жандарму Добрянскому-Демковичу, вертѣвшемуся между нами въ полку. Именно онъ обвинилъ насъ четверыхъ въ государственной измѣнѣ, послѣдствіемъ

чего мы очутились въ военной тюрьмѣ въ Градецѣ.

Послѣ предварительнаго слѣдствія продолжавшагося въ общемъ два мѣсяца, получаемъ, я и мой товарищъ Іосифъ Кебузь, изъ с. Пикulichъ, Перемышльскаго уѣзда,

Водонапорная башня.

по 15 мѣсяцевъ военной тюрьмы, студентъ Сваричъ изъ Сулимова жолковскаго уѣзда, 12 мѣсяцевъ, а студентъ М. Гукъ изъ Львова — 18 мѣсяцевъ. Судь опредѣлили намъ въ защитники украинофила д-ра Чировскаго, который на судѣ —

своими разъяснениями относительно опасности для государства „руссофильского“ движения больше защищать свидетеля, то есть экс-жандарма Добрянского, а намъ тѣмъ самымъ оказалъ медвѣжьёю услугу.

По прочтеніи приговора мы внесли жалобу, не принесшую намъ, однако, ни малѣйшей пользы.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ прѣзжаетъ осматривать тюрьму какой то генераль, по національности изъ южныхъ славянъ. Во время обыкновеннаго допроса генераломъ арестантовъ, относительно обращенія тюремной администраціи, пропитанія и вообще порядка, я, скрѣпя сердце, выступилъ впередъ и, изложивъ свою жалобу и лишенную оснований клевету со стороны доносчика, послужившую причиною незаслуженнаго наказанія просилъ генерала о пересмотрѣ моего и товаришей дѣла. Не знаю, повѣрилъ ли генераль моей жалобѣ, а быть можетъ зналъ кое-что о массовыхъ ссылкахъ галичачъ въ глубь Австріи, но овъ пообщалъ намъ заняться ближе нашей судьбой. Нѣкоторое время спустя послѣ его

отѣзда намъ объявлено, что будетъ пересмотрѣ дѣла въ дивизионномъ судѣ и допросъ нами поставленныхъ свидетелей.

Мы были отправлены въ роту, а черезъ нѣсколько недѣль затѣмъ оправданы и освобождены отъ наказанія.

Во время второго разбирательства выяснилось, что нашъ споръ съ экс-жандармомъ не имѣлъ политическаго характера, а заключался въ препирательствѣ относительно существованія въ Галичинѣ русскихъ просвѣдительныхъ институцій и общество по окончаніи войны. Мы конечно отстаивали свою позицію, а доносчику хотѣлось видѣть въ Галичинѣ монополиную мазепю, потому не постѣснялся оклеветать насъ передъ военными властями.

На судѣ признали жандарма невмѣняемымъ, а насъ послѣ освобожденія отправили на италянскій фронтъ, сперва въ Силанъ, а послѣ въ Кальдонасо и Asijago. Тамъ томилась мы, взбираясь съ кирками и винтовками по Альпамъ, вплоть до развала Австріи. *И. А. В.*

Дневникъ священника изъ Самборщины.

(Сообщеніе Евгеніи Степ. Березской).

Въ Талергофѣ пробылъ мой покойный отецъ, Степанъ Андреевичъ Березскій, три мѣсяца испытывая всѣ лишения и страданія, которыми прославился Талергофъ.

Голодь и холодъ подорвали его слабое здоровье. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ онъ былъ переве-

день въ Вѣну, а отсюда по истеченіи полугода въ Чехію, гдѣ жилъ подъ надзоромъ полиціи, въ мѣстности Veseli Mezi-mosti, до конца мая 1917 г.

Возвратившись домой, измученный физически и нравственно, опасно заболѣлъ и пролежалъ шесть мѣ-

сяцевъ въ кровати. Не взирая на всевозможныя старанія, изнуренный организмъ не побѣдилъ тяжелой болѣзни и, хотя отецъ жилъ еще четыре года, здоровъ не былъ, и умеръ 10 марта 1922 г.

Подаю отрывки изъ его дневника, которые до нѣкоторой степени рисуютъ незавидную жизнь въ Талергофѣ:

20 сентября, проѣхавъ два пролета за Граденомъ, мы вышли изъ вагоновъ въ Abtissendorf. Отсюда прошли пѣшкомъ и черезъ четверть часа очутились въ Талергофѣ. Нашъ эшелонъ состоялъ изъ 333 человекъ.

Талергофъ представляетъ изъ себя пространную равнину въ нѣсколько миль въ окружности, замкнутую непрерывнымъ кольцомъ горъ. Тутъ-то практичные нѣмцы устроили величайшую въ мірѣ, неслыханную въ исторіи тюрьму, построивъ насѣлъ нѣсколько сотенъ разнаго типа бараковъ. Въ этой рукотворной тюрьмѣ вздумали заключить и уничтожить русскій духъ, споконѣвка боровшіяся за свои права на своей русской землѣ Прикарпатя.

Отъ пятницы до понедѣльника никто не спросилъ насъ, кушали ли мы что-либо или голодны. Не разрѣшалось на собственные деньги пріобрѣтать продукты пропитанія. Заключение дѣлились другъ съ другомъ послѣдними крохами, пріобрѣтенными еще въ Галичинѣ и Чехіи. И только вечеромъ въ понедѣльникъ былъ поданъ намъ скверный супъ, который волей-неволей пришлось ѣсть.

Начиная съ 22 сентября и до конца этого мѣсяца выдавалась на человекъ половинка казеннаго хлѣба, супъ и перловая каша пополамъ съ картофелемъ. Въ этотъ промежутокъ времени умерло отъ истощенія 20 человекъ.

30 сентября умеръ свящ. Кушнѣръ изъ Сторонной.

1 октября умерло трое человекъ. Ночь была морозная, день теплый. Была дана нѣкоторая свобода: разрѣшено прохаживаться между бараковъ безъ конвоя. Вечеромъ получили мы чай, ночью разрѣшено выходить въ уборную безъ конвоя.

2 октября хоронили четырехъ покойниковъ. Днемъ было жарко, ночью холодно и морозно.

3 октября хоронили покойника. Насъ перевели послѣ бани изъ палатокъ въ деревянные бараки. Обѣда не получили, вечеромъ пили кофе безъ хлѣба, ночью спали на землѣ безъ подстилки.

4 октября въ воскресенье, послѣ утренняя кофе служили передъ бараками молебень въ присутствіи офицеровъ. Послѣ молебна пѣли многолѣтствіе и державный гимнъ по нѣмецки и по русски. Священнодѣйствовалъ извѣстный воспитатель во львовской духовной семинаріи, престарѣлый о. Дольницій (90 лѣтъ), находившійся здѣсь также на положеніи „измѣнника“ и „шпіона“. Между нами распространилась вѣсть, что Перемышль и Краковъ заняты русскими войсками.

5 октября, нѣкій украинофиль сдѣлалъ доносъ полковнику, что свящ. Сенікъ, поблагодаривъ по-

слѣ молебствія австрійскихъ офицеровъ за разрѣшенный молебенъ, пращаль ихъ „сердечнымъ русскимъ словомъ“. Полковникъ отвѣтилъ доносчику, что онъ не различаетъ здѣсь Ruthen-овъ, Ukrainer, ни Rus-sen, а всѣхъ считаетъ Gefangene (заключенными).

6 октября утромъ умеръ свящ. Влад. Полошиновичъ. Похороны состоялись пополудни.

7 октября были мы встревожены вѣстью, что въ Перемышлѣ сбомбардированъ русскій соборъ и всѣ русскіе общественные дома.

8 октября умерло двое крестьянъ.

9 октября, еще два похороны.

10 октября хоронили крестьянина и еврея. Оба умерли отъ дезинтеріи.

11 октября, въ воскресенье, священнодѣйствовалъ о. Дольницкій. Меня наряжали за хлѣбомъ. Умеръ старикъ Шемердякъ изъ Старого Самбора и чиновникъ Чайковский, довольно зажиточный человекъ, оставившій нѣсколько тысячъ коронъ на благотворительныя дѣла.

12 октября хоронили православнога священника.

13 октября встрѣтился я съ свящ. Евгениемъ Льв. Козаневичемъ изъ Стратевичъ.

15 октября умеръ свящ. д-ръ Людковичъ, проф. богословія въ Перемышлѣ. Похороны состоялись на слѣдующій день при участіи свыше тысячи человекъ, въ томъ числѣ около 250 священниковъ.

17 и 18 октября похороны крестьянина.

20 октября. Въ отместку за анонимную открытку, угрожавшую жалобой передъ высшимъ начальствомъ по поводу плохого харча, полковникъ наложилъ барачный арестъ.

21 октября хоронили крестьянина. Барачный арестъ вошелъ въ силу. На слѣдующій день арестъ отмѣняется. Опять похороны крестьянина.

25 октября три похороны утромъ, одинъ по полудни.

26 октября хоронять крестьянина.

27 октября полякъ Дуда дѣлаетъ доносъ начальству, что въ 4-омъ баракѣ ведутся политическіе разговоры. За это были заперты въ темницу: Паппъ, Витошинскій, Великій и Кинасевичъ, а остальные были наказаны комнатнымъ арестомъ.

28 и 29 октября по однимъ похоронамъ. Комнатный арестъ отмѣняется; страдаю болью зубовъ.

Съ 30 октября по 4 ноября ежедневно похороны.

5 ноября хоронять пятерыхъ.

6 ноября, ночью, съ четверга на пятницу, конвойные вынесли за черту бараковъ, подозрѣнныхъ въ холерѣ.

Съ 7 по 12 ноября морозно. Въ этотъ промежутокъ времени отпущено на волю 76 человекъ украинофиловъ.

16 ноября разрѣшено курить за бараками.

19 ноября ночью умеръ свящ. Шандровский.

20 ноября умеръ крестьянинъ.

21 ноября, въ праздникъ св. Михаила встрѣчаюсь съ крест.

Стелачомъ Гнатишинымъ изъ с. Мистковичъ и со знакомыми изъ села Козиничи.

24 ноября умерло семь человекъ вслѣдствіе простуды послѣ бани.

25 ноября умеръ одинъ человекъ.

27 ноября умеръ одинъ человекъ.

1 декабря отпущена на волю партія украинифиловъ. Привезли 21 чел. русскихъ плѣнныхъ. Всѣ тяжело ранены, у удного нога еле держалась у туловища.

4 декабря распространилось извѣстіе, что 400 человекъ будутъ освобождены. Хоронягъ крестьянинъ изъ с. Корманичъ.

5 декабря. Умеръ крестьянинъ. Караульный солдатъ выстрѣлилъ въ мнимо убѣгающаго интернированного и застрѣлилъ человека мирно сидѣвшаго въ баракѣ.

6 декабря похороны.

10 декабря умеръ свящ. Сприсъ изъ Телешницы.

11 декабря хоронягъ троихъ.

12 декабря хоронягъ одного.

14 декабря хоронягъ четверыхъ.

17 декабря я освобожденъ и уѣзжаю въ Градецъ.

18 декабря, въ пятницу, уѣзжаю изъ Градца въ Вѣну. На слѣ-

дующій день съ помощью нашелъ я себѣ квартиру и съ тѣхъ поръ начинаю вести нормальную жизнь.

25 декабря я узнаю о смерти своего тестя Льва Козаневича, настоятеля прихода въ с. Козанеличи. Въ то время умерли въ Талергофѣ отъ тифа слѣдующіе знакомые: Черкавскій, Алекс. Сѣлецкій, Иванъ Гринь, Венгриновичъ, Николай Гмитрыкъ, Застырецъ, Москаликъ, Мих. Кузьмакъ, Алекс. Полянскій, Дроботь, Коломыець.

На томъ записки отца кончатся.

По рассказамъ отца подстилочная солома въ баракахъ не мѣнялась въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Днем топтали по ней, а ночью на ней спали. Съ наступленіемъ морозовъ, солома покрывалась морозомъ, особенно ночью. Отца заставляли носить тяжелыя бревна, не смотря на его преклонный возрастъ, плохое здоровье и духовный станъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ примѣръ издѣательства. Съ цѣлью посмѣяться надъ священникомъ, солдаты набирали въ тачки всякой нечисти, сажали туда еврея, а священнику велѣли возить тачку между бараконъ. Потомъ роли мѣнялись. Въ тачку сажали священника, а еврея заставляли его возить. *Е. В.*

Екатерина Яникъ о смертной казни своего мужа Андрея Яника.

Въ бытность мою въ Талергофъ, вмѣстѣ съ дочерью Ярославой и затемъ Василиемъ Лазоремъ, въ баракъ № 17, я замѣтилъ молодую вдову съ пятилѣтнимъ мальчикомъ, часто молившуюся и плачущую. Желая узнать ея тайну и по возможности облегчить ея горе, я пригласилъ ее въ свою семью. Женщина рассказала намъ слѣдующее:

„Я жила съ мужемъ, Андреемъ и пятилѣтнимъ сыномъ и старухой матерью въ с. Бачинѣ возлѣ Стараго Самбора. Имя мое Екатерина Яникъ. Мой мужъ служилъ почтальономъ. Обязанности свои исполнял не за страхъ, а за совѣсть, и съ вступленіемъ въ Самборскій уѣздъ русскіхъ войскъ онъ былъ оставленъ на прежней должности. Когда русскія войска отступили, а австрійцы обратно вернулись, мой мужъ былъ арестованъ по доносу украинофиловъ и присужденъ къ смертной казни. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ былъ сознательнымъ русскимъ человѣкомъ.

На четвертый день арестованія мужа вызвали меня съ ребенкомъ въ тюрьму. Я должна была смотреть на насильственную смерть своего мужа“.

Спрошенный передъ повѣшеніемъ о послѣднемъ своемъ желаніи, Андрей Яникъ отвѣтилъ, что онъ умираетъ невинно. Упавшую безъ чувствъ Екатерину Яникъ заперли съ ребенкомъ сначала въ Самборскихъ арестахъ, а затѣмъ

она была отправлена въ Талергофъ.

По поводу казни Андрея Яника писала въ свое время официальная „Gazeta Lwowska“: Приговоръ предателя. Андрей Яникъ, рожд. въ августѣ 1879 г. въ Недѣльной и тамъ-же приписанъ, грек-кат. въроисповѣданія, отецъ одного ребенка, почтальонъ почты въ Старомъ Самборѣ былъ признанъ приговоромъ имп. суда 2 этапной команды арміи отъ 11 июля 1915 г., виновнымъ въ государственной изменѣ по § 58 у. з. и § 327 в. у. з. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшение. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 11 июня 1915 г. въ 3:30 ч. по полудни.“)

Учит. М. Ф. Касинск.

*) Подлинное по польски:

„Skazanie zdrajcy. Andrzej Janyk, urodzony w sierpniu 1879 roku w Niedzielnej i tam przynależny, religji grecko-katolickiej, żonaty, ojciec jednego dziecka, woznica przy c. k. urzędzie pocztowym w Starym Samborze, został prawomocnym wyrokiem sądu c. i k. 2 komendy etapowej armji z dnia 11 czerwca 1915 uznany między innymi winnym zbrodni zdrady głównej z § 58 u. k. i zbrodni z § 327 u. k. wojsk. Za to zasądzono go na karę śmierci przez powieszenie, którą wykonano dnia 11 czerwca 1915 o godz. 3:30 po południu. Wobec tego c. k. Sąd krajowy karny we Lwowie zarządza celem zabezpieczenia roszczeń państwa o wynagrodzeniu wszelkiej szkody powyższym czynem zbrodniczym lub pośrednio wyrządzonej, zajęcie i tymczasowe zabezpieczenie pozostałego w Austrii spadku po ś. p. Andrzeju Janyku jeszcze nieprzyznanego“.

Талергофскій узникъ изъ Сокальщины.

(Сообщеніе Александра Мановскаго).

Послѣ нѣсколькочдневной волокиты по галицкимъ тюрьмамъ, показавшейся намъ вѣчностью, мы очутились въ Талергофѣ.

Изъ ближайшихъ къ моему мѣстожителству сель Скоморохи и Свитазова находилось здѣсь до 40 человѣкъ, не считая своихъ сте-

да смѣсью и называемая супомъ. Изголодавшіеся заключенные, за немѣнѣемъ посуды, получали ее, кто въ шапки, кто въ шляпы только бы немного подкрѣпиться на силахъ. Помню, какъ однажды закололъ солдатъ одного крестьянина возлѣ котла во время раздачи обѣ-

Общій видъ бараковъ 3-го десятка.

нятинцевъ. Караулили насъ солдаты 27 п. градскаго полка.

Обращеніе ихъ было куда жесточе обращенія львовскихъ тюремщиковъ. За малѣйшую оплошность кололи на смерть. Ежедневно утромъ лежало подъ бараками по нѣсколько окровавленныхъ труповъ.

Какъ пища, подавалась мутная, теплая вода, разбавленная какой-

да. Давка была невозможная. Нажимавшіе сзади и толкнули переднихъ и такимъ образомъ человѣческая волна заколыхалась. Ближайшій изъ арестованныхъ стоявшій рядомъ съ карауломъ нехотя толкнулъ солдата, за что пришлось ему заплатить жизнью.

Иной разъ былъ я свидѣтелемъ подобнаго случая, разыгравшагося подъ баракомъ. Солдатъ

нанесъ закутому въ цѣпи политическому 13 колотыхъ ранъ, и тутъ же бросилъ его на солому, на произволь судьбы.

На допросъ вызывали насъ въ Градецъ, а послѣ списанія протоколовъ и переведеннаго слѣдствія, были мы опредѣлены обратно въ Талергофъ. Что бы не умереть съ голоду, приходилось браться за всякую работу. Чистили отхожія мѣста, навозили ихъ нечистотами нѣмецкіе огороды и т. п. Вслѣдствіи я былъ назначенъ артельщикомъ одной изъ талергофскихъ рабочихъ группъ, а затѣмъ начальникомъ арестантской пожарной команды.

Лемковскіе священники.

(Сообщеніе свящ. Михаила Соболевскаго).

Нашъ транспортъ выгрузился въ Аптиссендорфъ.

Сейчасъ обскочили насъ „канарейки“ (градецкій полкъ) и, уставивъ въ ряды, велѣли двинуться впередъ. Видно было вдали мерцающіе огоньки, однако намъ не было извѣстно, куда насъ гонять и что ждетъ насъ впереди.

Огоньки были видны изъ Талергофа, гдѣ мы очутились послѣ двадцатиминутной ходьбы. Вталкиваемые безцеремонно въ какое то зданіе, котораго конторы были видны въ ночномъ туманѣ, при насмѣшливомъ нѣмецкомъ „machen sie sich besuem“ (разгосаждаетесь), падали мы изнеможенные на тухлую солому и засыпали. Это былъ нашъ карантинъ; строжайше запрещалось выходить наружу. Скоро пригналъ

Въ Талергофѣ встрѣтился я съ землякомъ свящ. Ст. Кійко и познакомился съ о. о. Паппъ, Ал. Долошицкимъ, Юл. Гумецкимъ и г. М. Гумецкимъ и другими.

Послѣ опредѣленія меня на военную службу, я побывалъ въ Вадовицахъ и Шимбергу, а въ чешской Прагѣ дождался республики. Возвратясь домой, засталъ я въ живыхъ двое своихъ дѣтей 4 и 7 лѣтъ, на содержаніи у добрыхъ сосѣдей.

Жена, мать, бабушка и шуринъ умерли въ 1915 г., во время моего пребыванія въ Талергофѣ.

А. М.

къ намъ перемышльскихъ узниковъ, а затѣмъ гуцуловъ.

До января 1915 г. жилъ я въ 7-мъ баракѣ, затѣмъ въ 30-омъ, гдѣ отъ тифа и простуды народъ умиралъ и въ большомъ количествѣ. Однажды утромъ выволокли изъ 29 барака 10 покойниковъ.

Въ мартѣ намъ объявили, что мы считаемся конфинованными, а въ Страстную Пятницу 1 апрѣля мы поселились, по распоряженію начальства, на частныхъ квартирахъ въ сел. Шванбергъ, уѣзда Дейчландсбергъ въ Штиріи.

Колонія наша состояла при близительности изъ 20 съ лишнимъ челоуѣкъ, а именно: Я съ женой и груднымъ ребенкомъ и сестрой Іоанной, мы были вмѣстѣ освобождены изъ Талергофа, дальше свя-

ценники: Як Вергановскій съ сыномъ, Куриловичъ съ семьей, Се-кержинскій, Гр. Журавецкій, бл. п. Кирилль Козаркевичъ правосл. монахъ изъ Буковины здѣсь-же умершій, Даниловичъ, Серединскій, Богданъ Дрогомирецкій, Петръ Дуркотъ и др. Изъ вольныхъ помню

г. Фердинъ, Левицкаго и г-жу Анну Чирнянскую.

Когда въ 1917 намъ объявлено о разрѣшеніи вернуться на родину, мы радостно оставили непри-вѣтливую страну и въ концѣ іюня пріѣхали въ родныя палестины.

М. С.

Окружное письмо намѣстника Галичины.

За нѣсколько лѣтъ до начала войны 1914 г., приблизительно съ 1908 г., австрійскія военныя власти прямо или же чрезъ правительственные органы гражданской администраціи стали усиленно собирать свѣдѣнія о настроеніяхъ, политическихъ взглядахъ и группировкахъ галицко-русскаго населенія.

По требованію военныхъ властей намѣстникъ Галичины, Бобржинскій, обратился съ тайнымъ окружнымъ письмомъ, отъ 7-го февраля 1912 г., во всѣ староства (уѣздныя начальства) Восточной Галичины и въ тѣ Западной Галичины, въ составѣ населенія, которыхъ насчитывается значительное число русскихъ жителей, съ возваніемъ представить процентное отношеніе числа галицко-русскаго населенія въ уѣздѣ, принадлежащаго къ политическимъ партіямъ:

- 1) русской радикальной (партіи Дудкевича);
- 2) русской умѣренной (т. н. альтрутенской) и
- 3) украинофильской;

а также свѣдѣнія о ихъ представителяхъ и агитаторахъ.

Одинъ экземпляръ этого циркуляра и отвѣта на него со стороны одного староства, именно въ Косовѣ, на Покутьѣ, приводимъ здѣсь полностью, въ польскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ, а также помещаемъ факсимиле его первой страницы.

Роковыя послѣдствія этого циркуляра сказались весьма скоро: полтора мѣсяца спустя, какъ извѣстно, т. е. въ концѣ марта 1912 г., послѣдовали многочисленныя арестованія русскихъ во Львовѣ и въ провинціи. Арестованныхъ тогда галицко-русскихъ журналистовъ и православныхъ священниковъ продержали австрійскія власти во львовской тюрьмѣ два года и три мѣсяца и устроили надъ ними извѣстный политическій процессъ (львовскій процессъ), длившійся свыше 3 мѣсяца, накануне войны (май — іюнь 1914), въ главной государственной измѣнѣ (Hochverrat).

Текстъ циркуляра гласитъ:

Prezydyum c. k. Namiestnictwa.

Lwów, dnia 7. lutego 1912

L. 27/g.

Wykaz rozdziału partyi ruskich
w powiatach.

O K Ó L N I K

Do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicyi Wschodniej tudzież w Krośnie, Jaśle, Gorlicach, Grzybowie, Nowym Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policji we Lwowie.

[Poufnie — do rąk własnych].

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego ze strony Władz wojskowych doniósł mi do dnia 8-miu, jaki jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności należącej do partyj politycznych:

- 1) Rusofilów radykalnych (partyi Dudykiewicza);
- 2) Rusofilów umiarkowanvch (Starorusinów);
- 3) Ukrainofilów.

Wymienić przytem należy głównych przywódców i agitatorów powyższych partyj w tamtejszym powiecie, podając ich imię i nazwisko, zajęcie (stanowisko społeczne) i miejsce stałego zamieszkania.

C. k. Namiestnik
Bobrzyński

Pr. 9/2. 1912.

L. $\frac{35}{pr.}$

Wykaz rozdziału
partyi ruskich.

L. $\frac{15}{K. 2}$ 1912.

Prezydyum c. k. Namiestnictwa!

Wykonując reskrypt z 7/2 1912, l. 27/g donoszę co następuje:
Ludność powiatu według ostatniego spisu wynosi 85.804.

Z tego przypada:
na rusinów 71.462,
połaków łącznie z ormianami 4.565,
izraelitów 9.701.

Procentowy stosunek liczby ludności ruskiej w powiecie należącej do partyi politycznej:

35

Prezydent c. k. Namiestnictwa.

L w ó w, dnia 7. lutego 1912.

L.27/g.

Wykaz rodniażki partji ruskich
w powiatach.

O K Ó L I K

do wszystkich Panów c. k. Starostów w Galicyi wschodniej
tudzież w Krośnisk, Jasle, Gorlicach, Grybowie i Nowym
Sączu i Pana c. k. Dyrektora Policji we Lwowie.

/:Pozafnie - do rąk własnych :/

Wzywam Pana, aby stosownie do życzenia wyrażonego
ze strony Władz wojskowych donieść mi do dni 8-miu, jaki
jest w przybliżeniu procentowy stosunek liczby ludności
w powiecie należącej do partji politycznych:

- 1/. Rusofilów radykalnych /: partji Dudykiewicza :/
- 2/. Rusofilów umiarkowanych /: Starorusinów :/
- 3/. Ukrainofilów.

Wymienić przytem należy głównych przywódców i agita-
torów powyższych partji w tamtejszym powiecie, podając
ich imię i nazwisko, wujęcie /: stanowisko społeczne :/
i miejsce stałego zamieszkania.-

C. k. Namiestnik:

Boony

91 9/2 1912

L 35
147

1) русофилов радикальных (партия Дудукевича) вместе с русофилами умеренными (старорусинами) 5%.

Разница великая между русофилами радикальными и русофилами умеренными нема, зато их от себя отличить неподобна, gdyż з powodu маłej ilości wspólnie występują:

- 2) Украинофилов (националистов) 10%;
- 3) Украинофилов радикальных так званых Трыловсчыков, 65%;
- 4) безпартийных 20%.

Приводцами русофилов są:

- I. Dr. Roman Aleksiewicz, адвокат краевой в Косовие.
- II. Dom ks. Aleksandra Gielitowic a proboszcza gr. kat. w Kosowie.
- III. Antoni Guła, сędzia w Kosowie.

Агитаторами русофилов są:

- I. Wasyl Pecejczuk wójt z Kobak.
- II. Onufry Marfej, gospodarz w Kobakach.
- III. Dmytro Szekierek wójt z Perehrestnego.

Приводцами и агитаторами украинофилов националистов: I. Roman Gizowski, концыпент адвокатски в Косовие, маła часть księży i наuczycieli i wszyscy сędziowie rusini.

Приводcą украинофилов радикальных jest Dr. Cyryl Trylowski, адвокат краевой в Jablonowie.

Агитаторами пружава часть тудежных наuczycieli ludowych, oraz koshowi (призеложи) Siczy.

(соб. р. неразб. подпись)

M $\frac{15}{2}$ 1912.

Въ переводѣ:

Президіумъ цесарско - королевскаго Намѣстничества.

Львовѣ, 7-го февраля 1912 г.

Н-ръ 27/г.

Схема распределения русскихъ партий въ уѣздѣ.

ОКРУЖНОЕ ПИСЬМО

Ко всѣмъ Гг. ц. к. Старостамъ Восточной Галичины, а также въ Кроснѣ, Яслѣ, Горлицахъ, Грибовѣ и Новомъ Санѣ, и Г-на ц. к. Директора полициі во Львовѣ.

(Довѣренно — въ собственныя руки).

Вывявю Васъ согласно выраженно-му военными властями желанію, сообщить мнѣ, въ теченіи 8-ми дней, приблизительное процентное отношеніе числа населенія въ уѣздѣ по принадлежности къ политическимъ партиямъ:

- 1) радикально-русофильской (партия Дудкевича),
- 2) умеренно-русофильской (старорусской);
- 3) украинофильской

Указать притомъ слѣдуетъ главныхъ вождей и агитаторовъ этихъ партий въ тамошнемъ уѣздѣ, приведа ихъ имя и фамилию, занятіе (общественное положеніе) и постоянное мѣстопробываніе.

Ц. к. Намѣстникъ:

(собр. подпись): Бобржинскій.

Пр. 9/2 1912-

№ $\frac{35}{пр.}$

Схема распределения русских партий.

К. 5/2. 1912.

Президиумъ ц. К. Намѣстничества!

Въ исполненіе рескрипта отъ 7/2. 1912, н-ръ 27/г. сообщаютъ слѣдующее:

Населеніе уѣзда по послѣдней переписи — 85 804 чел.

Въ этомъ числѣ: русиновъ — 71.462 чел., поляковъ, вмѣстѣ съ армянами — 4.566, евреевъ — 9.701.

Процентное отношеніе русскаго населенія въ уѣздѣ по принадлежности къ политическимъ партиямъ слѣдующее:

1) радикальныхъ руссофиловъ (парти Дудыкевича), вмѣстѣ съ умѣренными руссофилами (старорусинами) — 5%.

Нѣтъ большой разницы между радикальными, а умѣренными руссофилами, потому отличить однихъ отъ другихъ невозможно, такъ какъ по своей малочисленности выступаютъ сообща;

2) украинофиловъ (народовцевъ) — 10%;

3) радикальныхъ украинофиловъ, т. зв. Трилевщиковъ, — 65%;

4) безпартийныхъ — 20%.

Вожди руссофиловъ:

I. Д-ръ Романъ Алексевичъ, крайный адвокатъ въ Косовѣ.

II. Домъ свящ. о. Александра Гелитовича, гр.-кат. настоятеля прихода въ Косовѣ.

III. Антонъ Гулла, судья въ Косовѣ. Руссофильскіе агитаторы:

I. Василий Пецейчукъ, войтъ въ Кобакахъ.

II. Онуфрій Марфей, земледѣлецъ въ Кобакахъ.

III. Дмитрій Шекевичъ, войтъ въ Перекрестномъ.

Предводители и агитаторы украинофиловъ-народовцевъ:

I. Романъ Гизовскій, адв. конц. въ Косовѣ, немного священниковъ и учителей, всѣ судьи-русины.

Предводителемъ радикальныхъ украинофиловъ д-ръ Кирилль Трилевскій, крайній адвокатъ въ Яблоновѣ, агитаторами же преобладающая часть здѣшнихъ народныхъ учителей и кошовыхъ (предсѣдатели) „Сѣчей“.

(не разб. подпизь).

М. 15/2—1912.

Одинокое заключеніе и подвѣшиваніе галицко-русскихъ студентовъ и др. лицъ.

Наказаніе за названіе себя русскимъ (Russe) и своего родного языка русскимъ (Russisch).

(Списокъ наказанныхъ и замѣтки изъ записокъ инж. К. В. Чижа).

Въ помѣщеніи выше дневникъ Э. В. Курило отведено нѣсколько мѣстъ записямъ о наказаніи галицко-русскихъ студентовъ, преимущественно, и также др. узниковъ Талергофскаго лагеря, одиночнымъ заключеніемъ и подвѣшиваніемъ (apbinden) за то, что во время рекрутскаго набора заявили себя русскими (Russen) а свой родной языкъ русскимъ (russische Sprache).

Изъ представленныхъ любезно въ наше распоряженіе записокъ талергофца, инж. К. В. Чижа приводимъ здѣсь полный списокъ наказанныхъ и нѣкоторыя новыя подробности, относящіяся къ этому наказанію.

Списокъ лицъ сидѣвшихъ въ одиночкѣ („Einzelarrest“) съ 2-го июля по 3-го августа 1915 г.:

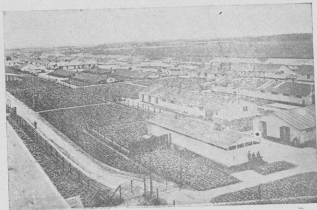
1. Д-ръ Тео́доръ Хилякъ, адвокатъ изъ Лѣска.
2. Д-ръ Еми́лианъ Вальни́цкій " " Устрикъ.
3. Алекса́й Гриневи́чь, изъ Олеська.
4. Анто́ній Генсе́рскій, абс. философ. фак. въ Петроградѣ.
5. Мелито́въ Голина́тый, журналистъ изъ Львова.
6. Кириллъ Чи́жь, инж. эмер. ц. к. чин. изъ Львова.
7. Лонги́нь Мокри́цкій, абс. инж. изъ Львова.
8. Васи́лій Галу́шка, студентъ политехникума изъ Львова.
9. Еми́лианъ Спа́чинскій, студ. юрид. фак. изъ Львова.
10. Рома́нь Студи́нскій, чиновникъ ц. к. казначейства.
11. Амвро́сий Ке́нсъ, студентъ юрид. фак.
12. Петро́въ Химя́къ.
13. Севери́нь Били́нкевичъ, преп. гимназіи изъ Львова.
14. Рома́нь Дурко́тъ, студ. юрид. фак., изъ с. Добросина.
15. Никола́й Сковро́нь " " "
16. Д-ръ Влади́миръ Засты́рецъ, адвок. конц. изъ Львова.
17. Петро́въ Швайка, студ. юрид. фак. и чин. кредит. зав.
18. Тео́досій Лесе́въ, препод. гимназіи.
19. Михаи́лъ Хавро́на, студ. юрид. фак.
20. Осипъ Ра́сгаве́цкій, студ. юрид. фак. изъ Сельца Белзскаго.
21. Ива́нь Яворскій, студ. юрид. фак.
22. Кузьма Пелехата́ый, журналистъ изъ Львова.
23. Осипъ Карда́шь, студ. юрид. фак.
24. Петро́въ Бе́дзыкъ, учитель изъ Сенявы, возлѣ Рыманова.
25. Юсифъ Пере́ломъ, студ. юрид. фак.
26. Ива́нь Му́дрый, чин. „Ризници“ изъ Самбора.
27. Яросла́въ Гелитови́чь, судья изъ Косо́ва.
28. Д-ръ Оре́стъ Гна́тышакъ, адв. конц. изъ Лѣска.
29. Влади́миръ Навро́цкій " " Устрикъ.
30. Ива́нь Сѣ́рко, студ. юрид. фак.
31. Петро́въ О́е́доровъ, студ. учит. сем. изъ Ляцкаго мал.
32. Васи́лій Мельни́къ, студ. юрид. фак.
33. Ива́нь Висло́цкій, канд. адв.
34. Михаи́лъ Пере́гине́ць, студ. филос. фак. во Вѣнѣ.
35. Алекса́й Сва́ричевскій, канд. адв.
36. Влади́миръ Доба́рянскій, студентъ и орган. молоч. кооператив.
37. Анто́ній Яворскій, нар. учитель изъ Коломыйщины.
38. Алекса́й Зая́ць, канд. адв.
39. Петро́въ Су́шкевичъ, студ. юрид. фак.
40. Д-ръ Евге́ній Ша́тинскій, канд. адв.
41. Ива́нь Лы́сенко, студ. юрид. фак.
42. Влади́миръ Кири́чинскій, организаторъ молоч. кооперативовъ.
43. Кириллъ Вальни́цкій, канд. адв.
44. Григо́рій Пиро́гъ, студ. юрид. фак.

45. Романъ Макаръ студ. юрид. фак.
46. Василий Бугера, студ. богосл. фак.
47. Николай Бугера, студ. богосл. фак.
48. Павелъ Гайда, учитель изъ Мысцовой, у. Кросно.

Отъ запись-же въ записной книжечкѣ К. В. Чижа гласить:

Передъ обѣдомъ, въ 10 ч. утра, 10-го июля 1915 г., д-ръ Вейсъ вошелъ въ нашу комнату н-ръ 2, гдѣ я и г. Иванъ Мудрый, чиновникъ „Ризницы“ изъ Самбора, сидѣли. Съ нимъ были также: его помощникъ Дмитрій Возный, студентъ унив., и одинъ солдатъ, тоже

имѣемъ права на лѣчение, а развѣ только на висѣлицу, причеъ показаль на горло. Послѣ такой ругни, далъ Мудрому два порошка аспирина и вышелъ въ дверь. Только когда я еще разъ къ нему обратилъсь съ требованіемъ, чтобы осмотрѣлъ Мудраго, такъ какъ,

Общій видъ лагеря въ 1917 г.

какъ помощникъ и профось, бо-
снѣецъ.

Д-ръ Вейсъ долженъ былъ
осмотрѣть г. Мудраго, тяжело боль-
ного, но вмѣсто того, чтобы осма-
тривать его, онъ началъ насъ бра-
нить и ругать „фатерладсферрете-
рами“ (измѣнниками отечеству), за
то, что мы будто бы не хотѣли
дать присягу при рекрутскомъ на-
борѣ, и что, слѣдовательно, мы не

повидимому, онъ тяжело боленъ и
у него, быть можетъ, воспаленіе
легкихъ, онъ осмотрѣлъ больного
и приказаль взять въ больницу.
Но все таки еще повторилъ свою
угрозу, что такихъ „измѣнниковъ“
будутъ впредь такъ лѣчить, чтобы
ихъ излѣчить отъ руссофильства.
На мое замѣчаніе, что мы такіе же
граждане, какъ и другіе и всѣ свои
гражданскія обязанности въ виду

государства исполняемъ лояльно: и подати платимъ и своей грудью отечество защищаемъ, о чемъ наилучше свидѣтельствуемъ послѣдній рекрутскій наборъ, и что мы до сихъ поръ не совершили ничего противозаконнаго, онъ внезапно разсвирѣлъ до крайности, набросился на меня и пригрозилъ мнѣ еще люте.

Оберлейтнантъ Чировскій всякому, кто изъ насъ русскихъ галичанъ сказалъ, что его материнскій языкъ — русскій, съ дикой яростью выкрикивалъ, что это ложь, такъ какъ въ Галичинѣ-де — нѣтъ такого языка.

Рекрутскій наборъ въ Талергофскомъ лагерѣ начался 27-го июня 1915 г. Прежде всего брали въ солдаты узниковъ изъ слѣд. уѣздовъ Галичины: Краковъ, Тарновъ, Перемышль, Коломыя, Львовъ, Станиславовъ, Стрый, Ярославъ, Бяла, Горлицы, Домброва, Добромиль, Долина, Дрогобычъ, Городокъ, Грибовъ, Гусятинъ, Ясло, Яворовъ, Хржановъ, Цѣшановъ, Чортковъ и т. д. Каждый день осматривали около 300 чел. и брали почти всѣхъ. Оставляли только чахоточныхъ въ высшей степени или больныхъ неизлѣчимыми болѣзнями или же безнадѣжныхъ калѣкъ (слѣпыхъ, безъ ноги или руки и т. п.). Другихъ, хотя и неадорovýchъ и даже калѣкъ, брали, напр. горбатыхъ и др. под. Изъ числа интернированныхъ, въ общемъ, взяли большую ихъ половину.

Въ первый и второй день осмотра не обращали вниманія на материнскій языкъ (Muttersprache) рекрутъ. Только въ третій день стали спрашивать каждого, про его

родной языкъ, хотя вопросъ былъ лишній, ибо родной языкъ каждого и безъ того былъ уже на опросныхъ бланкахъ записанъ. Кто заявлялъ, что его родной языкъ — русскій, такого фамилию сейчасъ записывали на особомъ листѣ и передавали постовому съ приказомъ отвести такового въ одиночное заключеніе (Einzelarrest). Постовые же моментально вводили такъ записанныхъ, не разрѣшая имъ взять съ собой хотя бы и самыхъ необходимыхъ вещей, ни бѣлья, ни куска хлѣба, а только, жестомъ, показывая нѣ горло, зло подтрунивая и окладавая тяжелыми побоями, прикладываями штыковъ, каждого быстро вводили въ арестное помѣщеніе. Тамъ сейчасъ передавали его подѣ стражу двумъ боснійцамъ (магометамъ), которые тутъ же производили тщательный обыскъ, отнимали у доставленнаго все, что еще имѣлъ при себѣ, и толкали его въ камеру.

Въ камерѣ не было ничего кромѣ наръ съ голымъ сѣнникомъ да одно одѣяло, но въ нѣкоторыхъ не было и этого одѣяла такъ, что люди эти при чувствительномъ холодѣ ночью, какой здѣсь, въ горной мѣстности, бываетъ, заключенные, очень мерзли и заболѣвали. Не было никакой подушки и съ начала, и то долго, не было даже нужника („параша“), а только разрѣшалось выходить въ отхожее дважды въ сутки и всякій вынужденъ былъ долго ждать, пока дойдетъ до него очередь, и босніецъ позволить ему выйти.

Каждого, только что приведеннаго въ камеру, боснійцы прежде

всего избили тяжело, некоторых до крови, дру Добію, нпр., постовой прокололъ ногу въ двухъ мѣстахъ. Въ одиночной камерѣ, нельзя было заключенному ничѣмъ заниматься, даже читать было строго запрещено. Если же кто-то поймали на курени, такой сейчасъ получалъ „шпанги“, кандалы, т. е. заковывался въ кандалы по ногамъ и рукамъ на-крестъ, или какъ истязателю захотѣлось, какъ нпр., были закованы студентъ юрид. фак. Яворскій и цѣлый рядъ др. студентовъ. Заключенному запрещено было смотрѣть черезъ окошко, иначе постовой бросался проколоть его штыкомъ въ лицо, глаза. Кушать заключенные получали такъ мало, что все время ослабѣвали и примирали съ голоду и мучились предчувствіемъ, что умрутъ голодной смертью. Получать съѣстные припасы „со свѣта“, извнѣ, поелику Талергофскій лагерь можно называть „внѣшнимъ свѣтомъ“, было строго запрещено, и случайная годоча одиночно заключеннымъ хлѣба со стороны товарищей изъ лагеря, сопряжена была для послѣднихъ также съ большимъ рискомъ. Постовымъ данъ былъ приказъ обращаться съ заключенными съ возможно самой беспощадной строгостью.

Затѣмъ 15-го іюля, кажется, пришелъ оберсть (полковникъ) Гриммъ, въ сопровожденіи профосовъ, вахкоменданта и постовыхъ, вызвалъ насъ въ коридоръ и тутъ же объявилъ намъ, что мы будемъ судимы по военнымъ законамъ и что смертной казни намъ не избѣжать. Обратившись къ сопровож-

дающимъ его, сказалъ: „Вотъ, предъ вами государственные преступники, знаете, что это значить... Вы должны съ ними обращаться со всевозможной строгостью“.

И стража дѣйствительно такъ съ нами и обращалась. На прогулкахъ, которыя происходили съ 6 ч. 30 м. до 7 ч. 30 утра и съ 1 — 2 ч. пополудни, мы подвергались всевозможнымъ издѣвательствамъ и истязаніямъ: постовые били насъ прикладами, запрещали ходить парно, не только промолвить словечко къ другому товарищу, но даже улыбнуться, за малѣйшій обмѣнъ словомъ били тутъ же, во дворѣ, а затѣмъ сейчасъ отведя въ камеру, заковывали въ кандалы. Въ догонку за гуляющими неизмѣнно и все время срывалась съ ревѣвшихъ харей постовыхъ и носилась въ воздухѣ сплошная невозможная ругань послѣднѣйшими словами швабской рѣчи.

Пожаловаться было некому, да и жалоба влекла за собой ухудшеніе положенія. Такъ мучили людей цѣлый мѣсяцъ, все при каждомъ случаѣ показывая имъ на горло, т. е. что вскорѣ будутъ повѣшены. Но не только стража, но даже частныя лица, нѣмцы, при всякомъ удобномъ случаѣ, впадали въ крайнюю ярость при одной только встрѣчѣ, съ мнимыми, „фатерландсферретерами“. Даже простые рабочіе, нѣмцы, проходя или проезжая мимо заключенныхъ, вышедшихъ на прогулку, дико ревѣли, ругались и угрожали.

Послѣ такихъ истязаній, допросовъ и угрозъ и цѣломѣсячнаго одиночнаго заключенія, въ пер-

вые дни августа, военные власти принесли и воздвигли столбы, привязали веревки и заключенных поочередно стали подвешивать. Воздвигнуты были 4 столба: 2 в одной „Einzelkammer-Ъ“ и 2 в другой. Каждый висѣлъ приблизительно по 2 часа, и такъ 48 человекъ поочередно висѣли на этихъ столбахъ въ течение свыше 2 сутокъ.

Послѣ этого всѣхъ перевели уже въ общій арестный домъ, съ

постановленіемъ держать ихъ тамъ продолжительное время, но по усиленнымъ настояніямъ и мольбамъ со стороны родителей студентовъ и др. благожелательныхъ людей, а также представленіямъ и ходатайствамъ у ген. Бачинскаго, дальнѣйшее наказаніе было отменено. Генераль приказалъ 6-го августа всѣхъ изъ арестнаго дома выпустить и перевести обратно въ лагерь интернированныхъ.

Изъ думъ Талергофскихъ узниковъ.

Тяжелыя переживанія чувства и думы Талергофскихъ узниковъ выданы въ цѣломъ рядѣ записокъ стихомъ и прозою, отчасти удѣльшихъ и спасенныхъ. Онѣ отчасти были уже изданы (нпр. стихотворенія нашего крестьянина-поэта Ивана Федорички, д-ра В. Р. Ваврика и др.) или же еще будутъ изданы позже.

Частіиыя указанія въ дневникѣ О. В. Курило и въ другихъ Талергофскихъ запискахъ на то, что многіе узники коротали безконечное и мертвенно скучное время заключенія печальными размышленіями о постигшей ихъ и весь галицко-русскій народъ неодолю, полны глубокаго смысла. Эти размышленія и переживанія были кое-къмъ записаны тогда-же и, хотя изъ записаннаго многое, изъ-за частыхъ обысковъ и опасеній попасться т. е. быть уличеннымъ въ неблагонадежномъ образѣ мыслей, пропало, все же немало литературныхъ опытовъ на галицко-русскомъ нарѣчій и русскомъ литературномъ языкѣ изъ Талергофа было вынесено и сохранено.

Ниже приводимъ какъ образецъ, статью, написанную въ Талергофскомъ узилищѣ, тогдашнимъ гимназистомъ, нынѣ въ Чехословакии драматургомъ В. А. Саврукомъ, сохранившуюся въ бумагахъ инж. К. В. Чина.

Приводимъ ее полностью, съ немногими только поправками грамматическихъ

и стилистическихъ погрѣшностей, какъ свидѣтельство тогдашнихъ чувствъ и думъ томившихся въ долгомъ заключеніи галицко-русскихъ страдальцевъ, вообще и нашего студенчества въ частности:

„И положиша на насъ алая за бла-
га, и ненависть за возлюбленіе наше“.
Пс. Дав. LXXXIX. 5.

„Bo ja nie ulegnę prędziej; bo im wię-
cej cierpię nędzy,
Im więcej mnie gną rozpaczę, im boles-
niej w nędzy placzę,
Im przed wrogiem jestem mniej szary,
Im we wnętrzościach głodniej szary,
Im bardziej odarty z ciała i z nadziei i
z łachmanów,
Choćby ta ziemia gnać miała za mną
szczęćkami kajdanów,
Nawet — nawet w żywot dalszy,
Im więcej cierpię, tem szalszy
Muszę trwać przy mojej wierze.
Bo ona mnie jedna strzeże.
Serce nadzieją roznieca, słońcem w mę-
czeństwie oświeca.
Palmy zawieszę nad czołem“.
Książę Niezłomny —
J. Stowicki.

Въ борьбѣ за свободу русской національной мысли, въ борьбѣ за русскій литературный языкъ, въ борьбѣ за русскую азбуку, народность и вѣру, въ борьбѣ за русскую школу, въ борьбѣ за род-

ную историю и народные идеалы, цѣлые вѣка своей жизни провелъ карпато-русскій народъ. Въ этой неравной борьбѣ съ сильнѣйшими врагами карпато-русскій народъ принесъ много невинныхъ жертвъ за все родное и сердце его — дорогое. Въ этой многолѣтней борьбѣ съ озвѣрѣлыми пресѣдователями и гонителями ему суждено было несласанно страдать и мучиться по тюрьмамъ, переносить лютыя пытки. Въ борьбѣ со злобой коварныхъ враговъ, въ защитѣ народныхъ святынь, нашему народу суждено было быть оплеванннмъ, униженнмъ и осмѣяннмъ, — а въ защитѣ истины, справедливости человеческого достоинства, онъ нгдѣ не находилъ права, дверь ведущая къ справедливости, путь къ свѣту и къ познанию правды, добра и зла, были передъ нимъ закрыты — онъ былъ на своей родной русской землѣ забитымъ рабомъ.

И, наконецъ нашъ народъ, гражданинъ австро-венгерскаго конституціоннаго государства, имѣлъ „право“ (обязанность) платить подати, въ защитѣ этого государства жергновать свою кровь и свою жизнь, сѣять свои кости по широкимъ да далекимъ боевымъ полямъ въ завязтыхъ, кровопролитныхъ битвахъ, за честь и славу даудной имперіи и онъ покрывалъ эти поля своими холодными трупами. Нашъ народъ всегда все давалъ, что отъ него требоалъ власть, нашъ народъ всегда ввиду имперіи былъ вѣренъ и лояленъ, онъ ей всегда вѣрно служилъ и точно исполнялъ всѣ ея велѣнія.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если не хотѣлъ отказаться отъ своего русскаго имени, не измѣнялъ завѣтамъ отцовъ и родной русской исторіи, не смѣлъ забыть о славномъ прошломъ своихъ дѣдовъ и прадедовъ, не могъ закрывать глаза на то, что ясно и очевидно, и не признавалъ чернаго бѣлымъ, а защищалъ свой національный обликъ и русскую національную идею, его объявляли измѣнникомъ и шпиономъ и сажали въ тюрьму и на цѣль, закалывали штыкомъ и долгие годы гноили по сырмъ темницамъ и наконецъ выводили его на политическіе процессы, по обвиненію благороднѣйшихъ галицко-русскихъ работниковъ на народной нивѣ въ государственной измѣнѣ и угрожали ему пожиз-

ненной тюрьмой и смертной казнью на висѣлицѣ.

Да, онъ былъ до того вѣренъ и лояленъ, что нашъ императоръ Францъ Іосифъ самъ говорилъ, что спокойно тогда спать не могъ, когда въ бурное время 18-го года не берегли его галицко-русскіе поля, — какъ онъ ихъ называлъ, — „тѣ тирольцы Востока“. Да, онъ былъ вѣренъ, и эрцгерцогиня Софія, въ доказательство благодарности за его вѣрность собственноручно вышивала Галицко-русскій флагъ съ соответствующей признательной надписью. Но и теперь когда тамъ, на полѣ кровавой брани, на войнѣ, тѣ самые „тирольцы Востока“, сыны подлѣ гнетомъ стонущей Прикарпатской Руси, проливаютъ свою юную, сердечную кровь, жертвуютъ своей честной и дорогой для нихъ жизнью, смѣло наставляють грудь на смертную опасность и вѣрную гибель, одновременно ихъ маленькихъ дѣтей и женъ, братьевъ и сестеръ, отцовъ и матерей, оставшихся дома, какъ государственныхъ измѣнниковъ, бьютъ и убиваютъ, рѣжутъ и вѣшаютъ, лишаютъ достоинства и злодѣйски издѣваются надъ ними. А остальныхъ, еще не вырѣзанныхъ и не вѣшанныхъ, отлучаютъ отъ семействъ и родныхъ, не обращая малѣйшаго вниманія на законы, на слезы и человеческую жизнь и честь, увозятъ съ родины на чужбину, га стирійскія и другія нѣмецкія поля и бросаютъ на пустынномъ полѣ, какъ посевъ, среди чужихъ людей, оставляють въ невозможно тяжеломъ положеніи за колючей проволокой, гдѣ они, какъ опасные „шпионы и измѣнники“ умирають скотской смертью отъ голода и холода, отъ штыковыхъ и иныхъ побоевъ, падаютъ жертвой эпидеміи германской „культуры“.

И такъ, одинъ изъ нашего народа, какъ храбрые ратники и вѣрные граждане, сложатъ свои кости на полѣ брани. Другіе, какъ неврѣны Эфіалты, въ тылу на мѣстѣ убиты. Иные, „неблагодѣжные“, гниють по гарнизонамъ и тюрьмамъ, иначе, какъ на примѣръ мы, которыхъ часть продолжаетъ свое жалкое, печальное, горькое и мученическое житее бытне, гибнуть медленною смертью. И вотъ, здѣсь, тяжело волочатся по дорогамъ какъ тѣни, какъ муміи: очи у нихъ впалы и опух-

амя отъ плача и горя, лица исхудалая, то желтаго какъ глина, то зеленаго цвѣта, кожа почернѣлая на скелетѣ какъ по лотю намоченное водою и кости торчать страшно и виднѣются изъ за поморщенной кожи и молятъ о пощадѣ и милости.

Они голодные и сползаются съ „шалками“ отъ барака къ бараку и нищенски просятъ о подачѣ имъ събитныхъ отбросовъ, надъ которыми тутъ-же бьются и дерутся, какъ голодные животныя, долго ничего неѣвша и заморенныя, какъ волки.

Бывшіе зажиточные, даже богатые люди, сыны древняго русскаго Галича.

Другая-же и уже многочисленная часть ихъ спитъ вѣчнымъ сномъ въ сырыхъ могилахъ „подъ соснами“, и они будутъ вѣчно живыми свидѣтелями всѣхъ тѣхъ ужасовъ, произвола и гнета, которые они, мужи праведники, героически перенесли до конца, всѣ мученія, которыя, быть можетъ, культурному міру, покажутся даже непереносимыми. Вѣчна вамъ память, благородные мученики за народное, великое и святое дѣло, за Святую Русь — а мы оставшіеся въ живыхъ, не смѣемъ забыть о васъ, ибо это было бы преступленіемъ и предъ Вами и предъ Родиною. Если только вернемъ на Родину, помянемъ и Васъ молитвеннымъ тихимъ словомъ и расскажемъ всѣмъ близкимъ и роднымъ, дѣтямъ, внукамъ, что были люди въ наше время, были богатыря, съ полнымъ самопожертвованіемъ страдавшіе и съ не сокрушимымъ мужествомъ переносившіе обиды и надругательства за русское имя, за родное слово, за единую недѣлимую, намъ родную и дорогую Святую Русь.

Выпьемъ же, если намъ уже такъ суждено, чашу горечи до дна, перенесемъ всѣ испытанія судьбы-мачехи честно и достойно, не унизимся малодушіемъ и слабостью передъ врагами, не окажемся рабами, будемъ бороться и защищаться до послѣдняго. А если падемъ, то падемъ, какъ жертвы за великое дѣло. Мы страдаемъ за то, что были благородны, что были чисты совѣстью, что не кривили душой, что были честны съ другими и самими собой. Мы страдаемъ съ сознаниемъ своей правоты, съ надеждой на то, что наша русская національная идея побѣдитъ и что наши страданія будутъ намъ искупленіемъ. Ибо по словамъ Феодора Кернера

„Ein edles Herz muss kämpfen,
Und wird siegen“ ..

благородное сердце должно бороться и побѣдитъ. И взойдетъ для насъ радостная, ясная полная звѣзда, свѣта и жизни, засвѣтитъ красное, золотое солнце, засіяетъ мириадами лучей, прогонитъ черную печаль изъ нашихъ больюющихъ сердецъ и народъ воскреснетъ къ лучшей, новой жизни, а тогда горе вамъ да месть враги! Мы поплзтеемся за Ваше злодѣйство, ибо:

„zbrodnia czeka zasłużonej kary,
Gdy cnot przyćmionych kiedyś znajda
się obrońce,
Kto jak słońce zagasa, wstanie jako
s once“.

Marya Stuart — J. Słowacki.

Сострадалицѣ и сотоварищѣ недоли, Етѣ Винкентіевнѣ,
НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ САВГУКЪ,
гимназистъ VIII. класса во Львовѣ,

ур. с. Жашковичъ, уѣздъ и почта Городокъ Ягайлонскій, въ Галичинѣ.

Цѣна 5 злот.
Заграницу 1 долларъ.